

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО •
ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

5
2014
СЕНТЯБРЬ •
ОКТАБРЬ •

Содержание

СТАТЬИ

<i>Федевич К.К.</i> (Москва). Украинцы и не только (Особенности национального самосознания украинцев Восточной Галиции в 1920–1930-е годы)	3
<i>Волобуев В.В.</i> (Москва). Философ перед лицом власти. Как исключали из партии Лешек Колаковского	12
<i>Горизонтов Л.Е.</i> (Москва). СССР и Польша 1980-х годов в парижском журнале «Kultura»: политическая хроника Михаила Геллера	24
<i>Михалев О.Ю.</i> (Воронеж). Польский Союз демократических левых сил в начале XXI века	32
<i>Лыкошина Л.С.</i> (Москва). Об исторической политике в контексте политической борьбы в современной Польше	45
<i>Федута А.И.</i> (Вильнюс). Читатель в сознании автора-билингва (на материале восточно-славянских литератур второй трети XIX века)	56

СООБЩЕНИЯ

<i>Никитин Ю.А.</i> (Киев). Реализация положения 1870 года на территории Левобережной и Слободской Украины	67
<i>Борзова Е.С.</i> (Ярославль). История образования Холмской губернии	75
<i>Слободян Л.А.</i> (Киев). Проблема голода 1932–1933 годов на Украине в украинской и российской историографиях 1991–2013 годов	82

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Макарова Г.В.</i> Несколько слов в связи с выходом в свет новой книги о Ф.В. Булгарине	91
<i>Носов Б.В. Z. Zelinska.</i> Polska w okowach «syztemu równosnego» 1763–1766	93
<i>Матвеев Г.Ф. Л.С. Лыкошина.</i> Дональд Туск. Политический портрет	98

<i>Кочегаров К.А., Носов Б.В.</i> Международный круглый стол «Петр Великий и становление политики России в отношении Речи Посполитой в XVIII веке».....	100
<i>Носов Б.В.</i> Российско-польская научная конференция «Польское Январское восстание 1863 года и исторические судьбы России и Польши (к 150-летию восстания)»	105
<i>Хаванова О.В.</i> Международная научная конференция «Взаимодействия и конфликты на профессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы, 1517–1918 годы»	115
<i>Карев Д.В.</i> Белоруссия в контексте историко-культурных коммуникаций.....	118

ЮБИЛЕИ

<i>Якушкина Е.И.</i> К восьмидесятилетию Владимира Павловича Гудкова	122
--	-----

НЕКРОЛОГИ

<i>Дронов М.Ю.</i> Памяти Нины Михайловны Пашаевой (1926–2013).....	125
---	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИППИУС,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА**

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а

Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© 2014 г. К.К. ФЕДЕВИЧ

УКРАИНЦЫ И НЕ ТОЛЬКО. (Особенности национального самосознания украинцев Восточной Галиции в 1920–1930-е годы)

В статье аргументированно опровергается распространенное мнение о завершенности процессов национального самоопределения к 1930-м годам. Этот факт оказал серьезное влияние на национальную политику межвоенного польского государства и активность украинского национального движения в Галиции.

The article, with a range of arguments, disproves a widely spread opinion about the completeness of the national self-determination processes by the 1930s. This fact made a significant impact on the national policy on the Polish state between the two world wars and activity of the Ukrainian national movement in Galicia.

Ключевые слова: москвофилы, рутены, русины, латинники, шляхта загорова, Шептицкий А., Шептицкий К., Сапега Л., Рыльский Е., Рудницкий И.-Т.

История межнациональных отношений в современной Европе обычно изучается как история отношений состоявшихся народов. Между тем, независимо от уровня развития национального движения, национальное самосознание этноса может быть очень далеким от завершения. Не является исключением национальное самосознание западных украинцев в 1920–1930-е годы. Это был период между двумя вооруженными попытками западных украинцев добиться национальной независимости в 1910-е и в 1940-е годы. Вплоть до 1939 г. до половины из более чем пяти с половиной миллионов жителей Восточной Галиции¹ находились вне зоны влияния польского, еврейского и украинского национального дискурса. Половина галицийского крестьянства не имела отчетливо выраженного национального самосознания в современном понимании и служило объектом борьбы за «души» как украинских, так польских и прорусских националистов. Нет полной определенности и в отношении галичан, твердо заявлявших о своей национальной принадлежности. Большой процент населения Галиции лишь формально причислял себя к какой-либо национальности.

У многих галицийских крестьян и мещан независимо от этнической принадлежности была распространена невосприимчивость к любой национальной идеологии. На это в первую очередь влияла специфика: 1) смешанного польско-

Федевич Клементий Клементьевич – канд. ист. наук.

¹ По результатам переписи 1931 г. население Восточной Малопольши без девяти чисто этнических польских поватов на западе составляло 5 372 974 человека [1. С. 291–292.] Из этого количества восточнославянского населения было приблизительно 60–65%, западнославянского этноса 22–26%, евреев 10–12% и других национальностей до 1%. Точных количественных данных нет, так как польская сторона фальсифицировала результаты переписи в пользу польского этноса.

украинского этнического пограничья, 2) удаленность сельского и местечкового населения от крупных городских центров с их развитыми националистическими сообществами, 3) сходство украинских и польских галицийских диалектов², 4) принадлежность греко-католической церкви и польской католической церкви к единой вселенской католической церкви, 5) традиционное единство галицийских украинских крестьян с польскими крестьянами-«мазурами» как части единого сельского социума³, 6) одинаковая антипатия украинских и польских крестьян к городу, панам, шляхте и в некоторых случаях к евреям, а также 7) сохранение традиционных патерналистских связей между родами крупной землевладельческой аристократии Галиции с потомками их бывших крепостных. Дополнительные трудности и путаницу в вопрос о национальной идентичности вносило существование переходных национальных групп и подгрупп, таких, как «ходячковая шляхта»⁴, этнические русины или украинцы католического и этнические поляки греко-католического вероисповедания.

В Восточной Галиции в 1920–1930-е годы, как и в XVIII–XIX вв. по-прежнему были широко распространены такие традиционные термины национальной идентификации, как «тутейшие», «местные», «католики», «греко-католики», русины, руськие и мазуры. Ответ многих галичан о родном языке часто зависел от того, кто задавал этот вопрос. Нередко они вообще затруднялись с определением своей национальности. Например, по результатам переписи 1931 г. в достаточно развитом по галицийским меркам Городецком повете Львовского воеводства 36.5% (25 390 человек) сельского населения считали, что они говорят на «русском» языке, а на украинском – 27.9% (19 337 чел.) [2. 1935. 16 VII]. По данным варшавского Института национальных проблем, в ходе переписи 1931 г. в некоторых галицийских поветах до 20% жителей, бывших греко-католиками, были записаны как католики из-за похожих на польские фамилий. Вполне вероятно, что этим 20% было все равно какую национальность и религию им припишут [3]. Об этом косвенным образом свидетельствуют материалы судебного разбирательства против мелкого административного служащего-украинца, который, действуя чисто формально⁵, писал в опросниках то, что ему говорили опрашиваемые⁶. Многие представители польского меньшинства его гмины указывали, что говорят «по-руску» или «как

² Следует отметить, что практически каждое крупное польское и украинское село Галиции имело свой диалект.

³ Весьма показательным, что подавляющее большинство польских рабочих на нефтяных промыслах Борислава на Станиславщине в 1918–1919 гг. не приняли участие в боевых действиях против украинцев. Из 7 000 рабочих в польскую армию в ноябре 1918 г. вступили только 200 добровольцев. В качестве одного из объяснений этого может служить принадлежность большинства рабочих к крестьянам-мазурам, далеким от идеи польского национального государства. В 1918–1919 гг. польские крестьяне в основном без пререканий выполняли распоряжения украинских властей и надеялись на их помощь в получении «панской» земли. Польские крестьяне Восточной Галиции участвовали в выборах украинских поветовых властей и в некоторых случаях даже посылали своих добровольцев в воевавшую с Польшей Украинскую галицкую армию. Так произошло, например, в трех польских селах – Боричивцы, Пидгайчики Юстиновы и Лошнев Тереховлянского повета, где местные крестьяне-мазуры были воодушевлены возможностью уничтожить местное «шляхетское гнездо» – имение графини Козебродской, все свои чаяния они связывали с украинской властью и дали 30 добровольцев в украинскую армию [2. 1932. 1 V].

⁴ Ходачковая шляхта – 300-тысячная группа восточнославянского населения Восточной Галиции, считавшая себя исторически принадлежавшей к шляхетскому сословию польского государства. В социальном плане не отличалась от украинских и польских крестьян. В результате событий XX в. часть ходячковой шляхты присоединилась к польской нации, часть к украинской. Выходцем из ходячковой шляхты был, например, известный украинский писатель XX в. А. Чайковский (автор популярных повестей для юношества на казачью тему «На уходах», «За сестрой» и т.д.)

⁵ По крайней мере так следовало из его ответов на суде.

⁶ Необходимо обратить внимание, что этот конкретный пример свидетельствует о службе по крайней мере некоторых этнических украинцев в государственной администрации Польши и о наличии у них даже доступа к формированию официальной этнической картины Восточной Малопольши (Восточной Галиции).

все». Когда их на суде спрашивали «по-русску» о национальности и говорят ли они на польском языке, они с трудом понимали смысл вопроса или вообще не понимали его [2. 1932. 1 V].

Только после 1917 г. термин «украинец» стал вытеснять «русинское» самоназвание в Станиславове⁷ – одном из крупнейших городов Восточной Галиции, где процессы национального самоопределения шли гораздо быстрее, чем в сельской местности⁸ [4. Т. 1. С. 75–76]. Русинами считали себя многие жители сельской округи Станиславова по крайней мере еще в 1920-е годы⁹, а на территории остальной Восточной Галиции – вплоть до сентября 1939 г. Еще в январе 1939 г. греко-католический священник Петр Ивахов в селе Зарудье Тернопольского воеводства призывал прихожан называться не русинами, а украинцами [5. Л. 3].

Галицийские селяне, уже определившиеся с национальной идентичностью, будь то польской, украинской или гораздо реже – русской, могли оказывать лишь ограниченное влияние на своих соседей. Чаще всего они сами происходили из той же общины и были носителями всего комплекса традиционных представлений и ценностей с небольшой примесью современных идей и символов. В этом отношении весьма показательна акция поджогов польских хозяйств, организованная членами ОУН в Радехове в 1930 г. Они сожгли хозяйства двух польских колонистов, приехавших недавно в рамках программы колонизации Восточной Галиции, но не тронули местных поляков, живших здесь издавна и составлявших 30% жителей села¹⁰. Они были для местных украинских националистов своими.

Об ограниченности политического и национального кругозора украинских сельских активистов свидетельствуют события сентября 1939 г. Тогда выяснилось, что многие сельские сторонники коммунистов и ОУН имели очень слабое представление, что это за армия идет с востока и какая у нее идеология. Торжественная встреча Красной армии могла произойти в селе, где были сильные позиции ОУН. А в другом месте сторонники коммунистов могли встречать Красную армию с украинскими желто-голубыми флагами и другой национальной символикой. В то же время на Перемышльщине в сентябре 1939 г. торжественно и с цветами встречали немецкую армию [6. С. 154–155; 7. С. 123–124; 8. С. 122].

Не меньший сумбур, чем влияние традиционного сознания на национальное самоопределение галицийского крестьянства, вносил и большое количество переходных этнических и религиозных групп. Включение Восточной Галиции в состав Польши в 1919 г. значительно усилило воздействие концепции зависимости национальности от вероисповедания на украинцев католического вероисповедания, так называемых латинников. Во входившем в Тернопольское воеводство Подолье процессы национального самосознания «латинников» оказали значительное влияние на изменение национального состава местного выборного самоуправления. В 1927–1935 гг. доля украинцев в органах самоуправления воеводства сократилась с 65% до 47% [9. № 5–6. С. 596]. По наблюдениям обозревателя подконтрольной станиславофскому греко-католическому епископу Григорию Хомышину газеты «Мета», «перед первой мировой войной и подумать нельзя было,

⁷ Современный Ивано-Франковск, областной город Ивано-Франковской области Украины.

⁸ В 1917–1918 гг., например, поменялся текст песен, которые пели дети детского приюта в Станиславове под патронатом греко-католического епископа Григория Хомышина. Если до 1917–1918 гг. питомцы детского приюта, в котором жил и учился В. Макар, пели: «В нас родына вся одна, Наша мыла Русь свята...» и т.д., то в 1917 г. в этой песне, как и в других, слова Русь, русин, русский были заменены на «Фкраина» и «фкраинец» [4. Т. 1. С. 240–260].

⁹ Так, например, во время загородного похода украинской молодежной националистической организации «Пласт», возглавлявший его профессор гимназии О. Левицкий потребовал от крестьянина говорить «по-русски» [4. Т. 1. С. 260].

¹⁰ Как вспоминал житель села Василь Турко, эти поляки были «давними поселенцами», «фактически украинизированными», говорили на украинском языке (т.е. принцип «говорим как все»), но ходили не в греко-католическую церковь, а в костел в соседнем селе [4. Т. 2. С. 157–158].

чтобы эти элементы (католики, говорящие по-украински или по-руськи. – *К.Ф.*) во время гминных выборов имели свои собственные национальные польские интересы, отличающиеся от интересов жителей той же деревни греко-католического вероисповедания». Но в 1930-е годы «латинники», особенно на Подолье¹¹, перестали «национально и политически солидаризоваться с украинским населением» [9. № 5–6. С. 596–597.]

Вместе с тем выводы газеты были несколько преувеличены и процесс национального самоопределения «латинников» не завершился вплоть до сентября 1939 г.¹² В 1920–1930-е годы в Восточной Галиции активно шел процесс украинизации многих польских этнических крестьян католического вероисповедания. По информации Министерства вероисповеданий и общественного образования Польши, «случаи кражи (польских. – *К.Ф.*) душ греко-католиками не были редкими в тех частях Восточной Малопольши, где католические приходы только изредка встречались среди множества греко-католических». Если на один греко-католический приход приходилось 1 838 верующих, то на один католический в масштабах всей Польши – 3 620. Это создавало более благоприятные условия для национально-просветительской деятельности греко-католической церкви [10. Sygn. 435. К. 79]. Многим жившим на селе римо-католикам было далеко добираться до своих костелов. А греко-католическая церковь часто находилась совсем рядом. В результате, посещение католиками украинских национальных греко-католических церквей, тоже принадлежавших ко вселенской католической церкви, для многих этнических поляков-католиков было вполне естественным. Во второй половине 1930-х годов польское власти начали массовые судебные преследования греко-католических священников по обвинению украинизации поляков. Греко-католический священник мог быть приговорен даже к тюремному заключению, как это произошло с Владимиром Пашковским, осужденным на шесть месяцев за крещение в греко-католической церкви ребенка польского происхождения и за передачу его метрики в католический приход [10. Sygn. 930. К. 167].

Близость между греко-католиками и католиками была большой проблемой для украинских и польских националистов, которые стремились использовать религиозный признак для этнического размежевания. Между двумя конфессиями не было такой разницы, как, например, между протестантами, православными и католиками. Сами католические и греко-католические священники могли исповедовать друг друга [11. С. 116]. Греко-католики и католики могли посещать богослужения в обеих церквях [10. Sygn. 930. К. 70, 166], не работать во время праздников обеих конфессий [12], вместе строить¹³ и использовать часовни, а также совместно устраивать торжественные встречи как католическим, так и греко-католическим епископам [10. Sygn. 454. К. 406–412; Sygn. 930. К. 189]. Для сельских жителей не было ничего странного, если детей католиков обучал Закону божьему греко-католический священник¹⁴ или

¹¹ Историческое название одного из регионов Тернопольского воеводства.

¹² Более того, по моим данным, небольшие, обособленные от украинцев-греко-католиков и поляков-католиков, группы «латинников» существуют на Западной Украине до сих пор. Например, известны случаи, когда в 1990-е годы под Коломыей говорящие по-украински католики претендовали на здания бывших костелов, которые с согласия католической церкви были переданы греко-католической церкви.

¹³ Например, в Черткове, в 1938 г., греко-католики на добровольных началах помогали своим соседям возить камень для католической часовни, чему воспротивился местный греко-католический священник [10. Sygn. 435. К. 439].

¹⁴ В Денисове Тернопольского повета Закону божьему местных польских католических детей обучал греко-католический священник, так как католический священник Евгений Полторак, проживавший в другом селе в 1938/1939 уч. г., посетил уроки Закона божьего в денисовской школе всего лишь несколько раз [10. Sygn. 930. К. 166].

польские школьники посещали торжественные богослужения в церкви в честь национальных праздников Польши¹⁵.

Члены смешанных семей стремились ходить в церковь и соблюдать праздники только одного обряда. В первую очередь это позволяло избегать расходов на две церкви [12. С. 125–126]. Иногда такой прагматизм принимал анекдотичный характер. Украинская исследовательница Л. Сливка зафиксировала случай, когда вышедшая замуж в начале XX в. за украинца греко-католика шляхтянка римо-католичка рубила дрова на католическое Благовещение и объясняла это тем, что она украинка, а значит не католичка. Но когда ей сделали замечание, что она рубила дрова и во время греко-католического Благовещения, она ответила, что она полька и это тоже не ее праздник [12. С. 125–126].

О незавершенности процессов национального самоопределения в Восточной Галиции в 1920–1930-е годы даже среди относительно сознательной части русинского или украинского населения свидетельствует существование в это время москвофильского движения. Москвофилы, как и прежде в Австро-Венгрии, выдвигали тезис о принадлежности галицийских русин (украинцев) к триединому русскому народу, состоящему из великороссов, малороссов и белорусов. К движению принадлежала значительная часть греко-католических священников и русинской интеллигенции, которые в некоторых селах являлись единственными организаторами общественной жизни. Несмотря на поддержку польских властей, которые использовали москвофилов для ослабления украинского движения в 1920–1930-е годы, москвофильское движение постепенно теряло популярность. Этому способствовал негативный опыт галицийских русин-украинцев общения с российскими имперскими властями и армией в 1914–1917 гг., участие галичан в войне в армии «своего» австрийского императора против русского царя, падение Российской империи и проукраинская политика советских властей, считавших русин украинцами. Очень показательны, что в 1920–1930-е годы москвофильство смогло сохранить значимую поддержку среди крестьянства только на Западной Лемковщине и Закарпатье, куда в 1914–1915 гг. не дошла русская армия. При этом украинское движение преобладало на Восточной Лемковщине, куда дошли русские войска и где они тоже применяли тактику «выжженной земли» и насильственного угона населения в тыл при отступлении.

В 1920–1930-е годы в Восточной Галиции еще сохранялось такое сословие средневековой Речи Посполитой, как мелкая шляхта или так называемая шляхта загорова. Шляхтой считали себя около 300 000–350 000 галичан [12. С. 65–66], что составляло от 5 до 7% населения региона. Представители галицийской шляхты становились украинцами, поляками или продолжали оставаться на уровне национального самосознания. Они сыграли огромную и, может быть, даже одну из главных ролей в формировании высших социальных слоев украинского общества в Галиции. Не менее 70–80% ее представителей сделали украинский и русофильский выбор. Во многом именно из представителей шляхты была сформирована украинская и русинская национальная интеллигенция, а также греко-католическое духовенство [12. С. 150–151]. Из шляхты происходили самый известный галицийский классик украинской литературы, ученый, писатель, поэт, общественный деятель и политик Иван Франко и Иван Теодор Рудницкий – один из немногих украинских офицеров, которые 1 ноября 1918 г. организовали установление украинской власти во Львове [13. С. 15–17].

В первой половине XX в. приверженность к традиционным формам национального самосознания была уделом не только галицийского крестьянства, части

¹⁵ В Подволочиске Львовского воеводства в июле 1929 г. местные католические священники, видимо, сторонники польской национальной демократии, отказались провести торжественное богослужение в честь именин маршала Ю. Пилсудского, и учителя местной школы повели польских детей на богослужение в греко-католическую церковь [10. Sygn. 929. K. 175].

мещанства, интеллигенции, шляхты загородной и духовенства, но и нескольких тысяч членов высшей польской аристократии Восточной Галиции. Многие ее представители помнили о своем «русском» происхождении и культивировали эту память¹⁶. Они сохраняли некоторые особенности регионального самосознания и идею своей этнической общности с русинско-украинским крестьянством¹⁷.

По воспоминаниям видного украинского политика и одного из лидеров Западноукраинской народной республики в 1918 г. Лонгина Цегельского, группа галицийских польских консерваторов, состоявшая из представителей «украинских родов», в 1900–1920-е годы «искала сближения с украинцами» и шла навстречу украинским культурным и национальным требованиям¹⁸. Ее лидеры были даже готовы признать украинскую принадлежность Восточной Галиции¹⁹. Среди членов этой группы²⁰ можно назвать представителей таких известных польско-русинских магнатских родов, как Шептицкие, Дидушицкие, Тустановские, Незабитовские, Сапегы²¹ и Сангушки²². Андрей Шептицкий в 1901–1944 гг. возглавил греко-католическую церковь в Галиции, Климентий Шептицкий стал игуменом студитского монастыря украинской греко-католической церкви – Святоуспенской уневской лавры. Их брат, Станислав Шептицкий в годы Первой мировой войны был кандидатом на командование Легионом украинских сичевых стрелков в австрийской армии.

Связи между галицийскими магнатами и украинским движением сохранялись и в 1920–1930-е годы, когда они были одинаково враждебно настроены по отно-

¹⁶ В начале XX в. в Галиции было около 3 500 польских помещиков и 10 так называемых майоратов, т.е. крупных магнатских землевладений, которые согласно законодательству не подлежали делению [14. С. 72–78.]

¹⁷ При этом надо учитывать такую особенность крупной магнатской аристократии, как некоторая оторванность ее значительной части от любого национального движения того времени. При сохранении определенных черт памяти об определенной этнической общности с галицийскими русинами и приверженности памяти о шляхетской Речи Посполитой, многие ее представители тяготели скорее к космополитизму, чем к приобретению национальной самоидентификации. Уровень доходов позволял им на широкую ногу жить в Западной Европе, чем они активно пользовались, лишь изредка наведываясь в свои имения.

¹⁸ Один из лидеров консерваторов Генрих Бадени, депутат краевого парламента и сын краевого маршала, в разговоре с Л. Цегельским признался, что поддерживал украинские просветительские организации, кооперативные союзы, музеи и Научное товарищество им. Т.Г. Шевченко, но был категорически против социалистического компонента украинского движения, что сближало его взгляды с позицией греко-католической церкви, также негативно относившейся к социалистам. Галицийские польские консерваторы и церковь как крупные землевладельцы не могли одобрять атеизм социалистов и их лозунг полной безвозмездной передачи крупных землевладений крестьянам [15. С. 167–168.]

¹⁹ Как пишет в мемуарах Л. Цегельский, в ноябре 1918 г. галицийские польские консерваторы через своего лидера маршала краевого сейма графа Незабитовского заявили о признании украинского государства. Несколько сотен крупнейших галицийских землевладельцев во главе с графом Бадени признавали принадлежность населения Восточной Галиции к украинцам еще в начале 1923 г., за два месяца до международного признания вхождения Восточной Галиции в Польшу [15. С. 167–168.]

²⁰ Именно эти люди стояли во главе Королевства Галиции и Ладомерии до 1918 г. и в частности контролировали пост маршала краевого сейма [15. С. 167–168.]

²¹ В 1880-е годы Сапегы рассматривали возможность возглавить «Киевское княжество». И одним из шагов в этом направлении было финансирование князем Адамом Сапегой в 1889 г. газеты украинских радикалов «Правда» [16. С. 359–364.]

²² Интересно, что еще в 1848 г. во время Весны народов представители полонизированных русинских магнатских родов открыто заявляли о своей этнической общности с русинским крестьянством и даже попытались возглавить русинское национальное возрождение, когда в противовес созданной греко-католической церковью Головной руськой раде ими был создан Руський собор во Львове, состоявший из представителей полонизированной русинской шляхты. Предвосхищая концепцию москвофилов, которые позднее рассматривали малорусский народ как часть великой триединой русской нации, идеологи Руського собора признавали обособленность русинов, но видели их как интегральную часть народа Речи Посполитой.

шению к аграрной политике польского государства²³. В этом контексте весьма показательна позиция помещика Евстахия Рыльского из-под Перемышля, который формально выполнил предписания аграрной реформы и организовал на своей земле поселение из пяти семей бойков, которые вернулись с заработков в Америке. По воспоминаниям местных жителей, Е. Рыльский неоднократно повторял фразу «мои люди, мое село» и утверждал, что «это украинская земля и она должна принадлежать украинцам» [11. С. 117]. Князь Леон Сапега в селе Бильче Борщевского повета неоднократно посещал воскресные богослужения в греко-католической церкви и вместе со своей женой основал детские ясли для сельских детей. Весьма интересно, что контакты Л. Сапеги не ограничивались только со «своими» украинскими крестьянами. Он, в частности, участвовал в совместных научных проектах с украинским Научным товариществом им. Т.Г. Шевченко во Львове²⁴.

Представитель рода графов Дидушицких в 1930 г. использовал свои связи, чтобы карательная акция «пацификации» не затронула «его» село Поторыцы, хотя сам редко бывал в принадлежащем ему там фольварке [4. С. 313]. Похожая история была в селе Угринов на Перемышльщине. Владелец местного фольварка Евстахий Рыльский, получив известия о пацификации, срочно прибыл из-за границы и добился ухода карательного отряда из «своего» села [11. С. 117].

Для формирования устойчивого украинского самосознания у большинства преимущественно аграрного населения Восточной Галиции украинскому движению в 1920–1930-е годы не хватало поддержки своего государства с его национальным чиновничьим аппаратом. Кроме того, в украинском обществе Галиции в этот период явно ощущалась нехватка национальной интеллигенции. Ее значительная часть погибла, эмигрировала или уменьшилась естественным путем во время боевых действий 1914–1920 гг. Критическая масса украинской интеллигенции для успешного тотального национального наступления на галицийское село была набрана только к началу 1930-х годов, когда государственные гимназии, польские и иностранные вузы окончили по крайней мере 3–5 тыс. молодых галичан. Именно к этому времени удалось заполнить украинскими кадрами вакантные места в государственной системе образования в Восточной Галиции, украинских деловых кругах и общественных организациях²⁵.

Благодаря бурному росту украинского движения, количество активных участников украинского националистического дискурса в Галиции в 1930-е годы достигло 200–300 тыс. человек. Этого количества было более чем достаточно для возобладания в перспективе украинской самоидентификации населения Восточной Галиции и оказания влияния на украинцев-русин. Активные участники украинского движения составляли около 10% восточнославянского населения Восточной Ма-

²³ В ходе сельскохозяйственной реформы у помещиков на невыгодных условиях выкупалась земля и передавалась колонистам из центральных районов Польши. Галицийские крестьяне были готовы заплатить магнатам за эту землю гораздо больше.

²⁴ Л. Сапега, например, совместно с научным обществом спонсировал исследование и расчистку местных природных пещер [17. Р. 19].

²⁵ Интересное косвенное подтверждение этого факта можно найти в статье украинского историка И. Зуляка. Он проанализировал абонементы читателей библиотеки львовской Просвиты в 1920–1930-е годы. Просвита была ведущей культурной организацией для украинцев, и данные о работе ее библиотеки очень важны для анализа количества «читающей» и следовательно стремящейся к «интеллигентности» публике. Тем не менее, конечно надо учитывать, что представители самой интеллигентной части украинцев могли пользоваться услугами библиотеки Нучного товарищества им. Т. Г. Шевченко во Львове, а также услугами других библиотек. Согласно обработанным И. Зуляком данным, в 1920 г. только 35 читателей библиотеки из 218 не принадлежали к молодежи, в 1921–1922 гг. – 42 из 311, в 1923–1924 гг. – 34 из 175, в 1925–1926 гг. – 138 из 585, в 1926–1927 гг. – 371 из 1 154, в 1927–1928 гг. – 420 из 687, в 1929–1930 гг. – 204 из 602. Налицо явный рост взрослой «читающей» и интеллигентной украинской группы во Львове именно во второй половине 1920-х годов, когда увеличивалось число украинцев, получивших высшее образование [18. С. 255–259.]

лопольши и это соответствует распространенной средней норме людей, активно интересующихся политикой в современных национальных обществах.

В то же время необходимо учитывать, что в 1920–1930-е годы еще не была окончательно завершена интеграция в польский или украинский дискурс даже у активных участников национальных движений Галиции. Мог происходить переход в противоположный национальный лагерь людей из семей с уже оформившимся национальным сознанием. Интересным, но, пожалуй, уникальным примером нетвердости национальной самоидентификации у активных участников украинского националистического подполья, служит пример боевика Украинской военной организации (УВО) Пасика, который в 1922 г. участвовал в убийстве лидера хлеборобской партии Сидора Твирдохлиба. Находясь в начале 1930-х годов в польской тюрьме, Пасик обиделся на невнимание к его заслугам со стороны ОУН–УВО и начал солидаризоваться с польскими заключенными и говорить только по-польски [10. Sygn. 435. К. 79].

Известны похожие случаи перехода из польского национального лагеря в украинский. По воспоминаниям солдата 14-й дивизии СС «Галичина» Евстахия Загачевского, среди его сослуживцев было много представителей полонизированных люмпенизированных пролетарских слоев Львова, так называемых батяров. При этом особенно показателен случай примкнувшего к украинцам и погибшего в сражении под Бродами в 1944 г. Йозефа Вонтуха, отец которого погиб в 1918 г., защищая Львов от украинцев [19]. Ю. Вонтух, как и другие украинские солдаты СС из его среды, был по происхождению русин, и на его решение о национальном самоопределении могли повлиять украинские товарищи, совместная с ними учеба в школе, а также принадлежность к уличной молодежной группировке, где преобладали украинцы. В то же время, часть «батяров» русинского происхождения осталась в польском национальном лагере. Но даже служба в украинской дивизии СС не означала, что все ее солдаты и офицеры были окончательно украинцами, несмотря на то, что говорили на украинском языке. 14 июня 1945 г. в Польский корпус генерала Андерса решили вступить 162 бывших украинских эсесовца, включая двух офицеров, что составило около 2% от всех украинских эсесовцев, попавших в плен к английской армии [1. С. 168].

Наличие переходных этнических групп и большой группы населения без четко выраженного национального самоопределения сильно тормозило процессы государственной интеграции галицийских украинцев и оказывало значительное влияние на национальную политику польского и украинского лагерей в Восточной Галиции в 1920–1930-е годы. Галицийские крестьяне и мещане, проживавшие зачастую в отдаленных сельских районах без развитой сети коммуникаций, были заинтересованы прежде всего в ведении своего личного хозяйства и делах своей общины или церковного прихода. Эта группа галицийского населения в целом одинаково относилась к австрийским властям до 1918 г., к украинским в 1918–1919 гг. и к польским в 1919–1939 гг. Незавершенность процессов формирования современного национального самосознания была свойственна не только традиционному крестьянству в Галиции, но также и представителям политических, социальных и сословных групп, которые сами были должны способствовать национальному самоопределению своей этнической группы.

Резкое радикальное вмешательство государства в устоявшиеся социальные, религиозные и экономические отношения в традиционном обществе в этом регионе могло привести к крайне негативным результатам, что учитывала государственная администрация Польши. В соседней Волыни именно попытка польского государства активно вмешаться в устои традиционного общества путем насильственного перевода украинских крестьян из православия в католицизм во второй половине 1930-х годов во многом вызвала кровавую этническую чистку во время Второй мировой войны. Позднее, во второй половине 1940-х годов,

именно национальная, экономическая, политическая и социальная политика Советского Союза способствовала формированию из большинства аполитичного крестьянского общества Западной Украины базы украинского антисоветского вооруженного сопротивления.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Дудяк О. Динаміка чисельності польського населення Східної Галичини в першій третині ХХ ст. (За матеріалами переписів 1910, 1921 і 1931 рр.) // Вісник Львівського Університету. Серія історична. Випуск 35–36. Львів, 2000.
2. Діло.
3. Centralne archiwum wojskowe (далеє САУ). І.371/10А.12. К. 46–47.
4. Макар В. Спомини та роздуми. Зібрання творів у чотирьох томах. Торонто; Київ, 2001.
5. РГВА. Ф. 354. Оп. 1. Ед. хр. 450.
6. Редліх Ш. Разом і нарізно в Бережанах. Київ, 2002.
7. Дашко Г. Історія одного села: село Станків. Львів, 2005.
8. Яворівщина у повстанській боротьбі. Розповіді учасників та оцвидців. Львів, 2005. Т. 1. Наконечне Перше. Наконечне Друге.
9. Sprawy narodowościowe. 1934.
10. Archiwum Akt Nowych. MWR і ОР.
11. Купчик Л. Третій удар. Долі галицьких отців-деканів. Львів, 2001.
12. Сливка Л. Галицька дрібна шляхта в Австро-Угорщині. (1772–1914 рр.). Івано-Франківськ, 2009.
13. Качмар Л. Іван Теодор Рудницький. Життя на тлі історії. Львів, 2006.
14. Вітенко М.Д. Польське велике землеволодіння в Галичині (кін. ХІХ – поч. ХХ ст.) // Вісник Прикарпатського національного університету імені Василя Стефаника. Серія історична. Вип. ХІV. Івано-Франківськ, 2010.
15. Цегельський Л. Від легенд до правди. Монастир Свято-Іванівська Лавра. Львів, 2003.
16. Чорновол І. Про ставлення М. Грушевського до шляхетського стану. Дрогобицький краєзнавчий збірник. Дрогобич, 2006. Вип. Х.
17. Hryniuk S. Peasants with Promise: Ukrainians in Southeastern Galicia. 1880–1900. Edmonton, 1991.
18. Зуляк І. Функціонування бібліотечного абонементу Просвіти в Західній Україні у міжвоєнний період (1919–1939). Міжнародний науковий конгрес «Українська історична наука на шляху творчого поступу». Луцьк. 17–19 травня 2006 р. Луцьк, 2007. Т. 2.
19. Верига В. Під крилами визвольних дум. Спомини підхорунжого дивізії «Галичина». Київ, 2007.

© 2014 г. В.В. ВОЛОБУЕВ

ФИЛОСОФ ПЕРЕД ЛИЦОМ ВЛАСТИ. КАК ИСКЛЮЧАЛИ ИЗ ПАРТИИ ЛЕШЕКА КОЛАКОВСКОГО

В статье описываются оппозиционный путь философа Л. Колаковского и причины его исключения из Польской объединенной рабочей партии. На основе архивных материалов рассказывается о содержании бесед Колаковского с представителями партийной верхушки, а также о резонансе в обществе, вызванном исключением философа из партии.

The article describes the oppositional path of philosopher Leszek Kołakowski and the reasons, why he was excluded from the Polish United Workers' Party. Basing on the archival materials, the author retells the content of the talks held by Kołakovsky with the party leadership and presents the repercussions caused by the philosopher's exclusion from the party in the Polish society.

Ключевые слова: Колаковский, Польша, марксизм, ревизионизм.

Польский философ Лешек Колаковский проделал эволюцию от сталинского догматизма до антикоммунистического либерализма. В послевоенные годы прослыл завзятым апологетом нового строя, резко выступал против «буржуазной философии» и католицизма, стал сотрудником Института подготовки научных кадров при ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), а в 1953 г. возглавил кафедру современной философии Варшавского университета. В 1956 г. под впечатлением общественно-политического кризиса в Польше и поездки в СССР перешел в лагерь критиков режима, превратившись в одного из духовных вождей так называемого польского ревизионизма, т.е. движения за расширение поля свободы в гуманитарных науках и искусстве. Именно Колаковский сформулировал в наиболее полном виде платформу «ревизионизма» как внутривнутрипартийного течения за обновление: 1) поиск путей институционального выражения демократических форм жизни; 2) убеждение, что политический аппарат, неподконтрольный обществу, неизбежно ужесточает государственную машину и вырождается в деспотию, не связанную ни с мнением народа, ни с потребностями общества; 3) понимание того, что экономическая свобода может деградировать, если ей не сопутствует политическая демократия; 4) убеждение, что в условиях национализации средств производства следует бороться за их обобществление; 5) требование свободы слова для всех идеологий, стоящих на почве социализма; 6) понимание того, что партия разлагается в случае, если она слита с госаппаратом и фактически является его

Волобуев Вадим Владимирович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Статья подготовлена в рамках проекта «Поиски новой государственности: инакомыслие и диссидентство в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 60–80-е гг. XX века» Программы фундаментальных исследований ОМФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

частью, вместо того, чтобы быть вдохновителем и воспитателем общества; 7) постулат, что сталинизм был не «ошибкой», а тотальной политической, экономической и культурной системой, и его преодоление требует дальнейшего преобразования системы, а не только устранения «недостатков» и сосредоточения всеобщей ненависти на нескольких лицах, особенно отличившихся в предыдущий период; 8) утверждение, что суверенитет Польши не перестал быть насущной проблемой; 9) противопоставление социалистической и буржуазной демократий – нонсенс, поскольку речь идет не о ликвидации достижений буржуазной демократии, а о ее расширении в системе, которая устранила бы все элементы фиктивности вместе с общественным неравенством; 10) народовластие совсем не гарантирует того, что государство становится выразителем народной воли, а партия – авангардом рабочего класса, и что вместо этого оно требует постоянного выстраивания институциональных форм, которые бы расширили участие народа в политическом и экономическом управлении [1].

Данные положения, особенно тезисы о необходимости «дальнейшего преобразования системы» и укреплении суверенитета Польши, входили в противоречие с программой новой правящей элиты, и, в частности, с высказываниями первого секретаря ЦК ПОРП В. Гомулки, который еще в 1956 г. заявил: никакого второго этапа (под которым некоторые «политические комбинаторы» подразумевают «так называемые демократические свободы, политическую независимость и открытие ворот для получения постов») не будет; те же, кто говорит иначе, стремятся к восстановлению в стране капитализма [2. С. 20–22]. В мае 1957 г. на IX пленуме Гомулка подробно проанализировал взгляды Колаковского и показал их неприемлемость для партии [3. С. 64–69].

Уже в октябре 1957 г., ровно через год после судьбоносного пленума ЦК ПОРП, закрепившего антисталинский поворот, цензура отклонила статью историка Б. Бачко о философии Колаковского, хотя ее содержание не отклонялось от партийной линии. Несомненно, такое решение было вызвано стремлением не будоражить лишней раз воспоминания о 1956 г., особенно ввиду планировавшегося тогда же закрытия популярного молодежного еженедельника «Po prostu», ставшего одним из двигателей политического обновления [4. 237/XVIII-172. К. 13–14]. В начале декабря Колаковский ушел из редакции популярного литературного ежемесячника «Nowa Kultura», а 2 января 1958 г. направил обращение в исполком первичной парторганизации философского факультета Варшавского университета, где отказывался выступить с самокритикой и требовал ответственности власти перед народом (в качестве органов контроля он видел рабочие советы на предприятиях, Сейм и относительную свободу прессы) [4. 4.IX/135. К. 18–24].

На какое-то время Колаковский ушел в тень. Он никак не проявил себя в популярнейшем месте встреч оппозиционной интеллигенции – варшавском Клубе кривого колеса, который был закрыт со скандалом в начале 1962 г. Не прослеживается его участие и в знаменитом обращении 34 деятелей науки и искусства к премьер-министру Ю. Циранкевичу, отправленном 14 марта 1964 г. с требованием изменить политику властей в области культуры. Не играл первых ролей Колаковский и в Союзе писателей, когда там происходили столкновения с представителями партийных органов. Единственным поступком философа, обратившем на себя внимание власти предрержащей, была его встреча в 1963 г. с главой польского епископата кардиналом С. Вышинским. В этой связи он даже вынужден был объясняться со вторым лицом в партии – членом Политбюро З. Клишко, которому отправил заявление, где указывал, что хотел узнать от Вышинского о II Ватиканском соборе и интеллектуальных течениях в католицизме. Позднее аналогичное заявление он послал и в варшавскую комиссию партийного контроля. «Вышинский рассказывал обо всем достаточно свободно, – писал Колаковский, – но избегал существенных для нас вопросов, как то идеологические и политические конфликты

на собрании. Зато много рассуждал о вещах малозначительных, вроде литургической реформы и теологических проблем, связанных с экуменизмом» [4. 4.IX/135. V-minister spraw wewnętrznych SVF – 081/66].

Такая осторожность, однако, не помешала секретарю Гомулки В. Наметкевичу при составлении информационной записки для шефа в 1964 г. включить философа в число тех, кто задавал тон в Союзе писателей начиная с 1955 г. [5. 0365/106 t. K. 44–63]. Более того, по данным Службы безопасности МВД, в литературном сообществе господствовало мнение, что «письмо 34-х» было «продолжением серьезной, согласованной политической акции так называемых либералов (представленных Слонимским¹, а также несколькими философами и социологами вроде Л. Колаковского) и группы “бешеных” в парторганизации СП [...] Часть из них [...] стремится к тому, чтобы скомпрометировать партийных литераторов из нынешнего руководства СП и не допустить подлинного диалога между творческим сообществом и партийным руководством» [5. 01820/5 t. 1. K. 29].

Общественная активность Колаковского резко возросла в 1965 г. Прежде всего, он написал сенсационное эссе «Иисус Христос – пророк и реформатор», где взял под защиту христианство от «примитивно понимаемого атеизма». В момент обострения взаимоотношений церкви и государства такой шаг прежнего марксистского догматика явно шел вразрез с официальной идеологией.

В июле того же года, во время суда над диссидентами Я. Куроном и К. Модзелевским, Колаковский выступил доверенным лицом обвиняемых, а в октябре, при рассмотрении апелляции по делу, предъявил суду экспертное заключение, составленное вместе с президентом ПАН Т. Котарбиньским и социологом М. Оссовской, о различии между взглядами и сведениями (арестованных обвинили в распространении сведений, порочащих Польшу). Прокурор, со своей стороны, прямо увязал деятельность Курона и Модзелевского с концепциями Колаковского [5. 0365/8 t.2. K. 229–244]. В промежутке между этими процессами философ успел поучаствовать в рассмотрении еще одного дела – 75-летнего писателя Я.Н. Миллера, также обвиненного в распространении сведений, порочащих страну, и пересылке на Запад статей, критикующих польскую действительность. Наконец, в декабре 1965 г. на съезде Союза писателей в Кракове философ призвал убрать запрет на некоторые темы, сказав, что их наличие мешает нормальному развитию культуры.

Все эти шаги побудили Секретариат ЦК поручить Центральной комиссии партийного контроля (ЦКПК) провести с Колаковским беседу. 28 января 1966 г. члены ЦКПК обсудили характер этой беседы. На заседании присутствовали пять человек. Председательствовал Роман Новак – человек богатейшей судьбы и необычных для партийного деятеля увлечений. Выходец из рабочей семьи, он был на 27 лет старше Колаковского, с коммунизмом связал жизнь в 1921 г. (философ тогда еще даже не родился), участвовал в силезских восстаниях против немцев, зарабатывал на жизнь слесарем в шахте и на электростанции. Между прочим, писал картины и профессионально занимался рыбалкой. В 1939 г. попал в далекую Боливию, где жил до 1946 г. Вернувшись в Польшу, сделал быструю карьеру в партии, в 1950 г. возглавил воеводский комитет ПОРП в Ополе, в 1956 г. на несколько месяцев вошел в Политбюро (его вывели из состава вместе с будущим первым секретарем Э. Герексом, чтобы освободить место для людей Гомулки). В том же году был назначен председателем ЦКПК, а в 1957 г. выбран членом Государственного совета (коллективного органа взамен поста президента). В общем, Новаку не за что было пенять на судьбу, хотя он и мог чувствовать себя немного обиженным Гомулкой. По уровню образования, разумеется, он не годился и в подметки Колаковскому,

¹ Антоний Слонимский (1895–1976) – польский поэт, драматург и прозаик, председатель Главного правления Союза писателей в 1956–1959 гг.

зато бил его на порядок жизненным опытом. Было у обоих и нечто общее в судьбе: и тот, и другой сполна воспользовались общественным авансом послевоенных лет и были накрепко связаны с социалистическим строем.

Следующим членом ЦКПК был яркий представитель берutowской элиты Марьян Нашковский. На 12 лет младше Новака (но на 15 лет старше Колаковского), он являл собой не столь уж редкий в партийных кругах тип довоенного коммуниста с высшим образованием. Начинал как член молодежной католической организации, но уже в 1934 г. (одновременно с окончанием филологического факультета Львовского университета) вступил в Коммунистический союз польской молодежи. Подвизался на ниве защиты репрессируемых, работал в Международной организации помощи борцам революции (МОПР), получил восемь лет заключения. После начала Второй мировой войны работал в советских СМИ, сражался в рядах Красной армии и в Войске польском. После окончания войны работал военным атташе в Париже и послом в Москве. В 1950 г. возглавил Главное политическое управление польской армии, а в 1952 г. был назначен на должность заместителя министра иностранных дел, в каковой и пребывал на момент обсуждения дела Колаковского, одновременно являясь членом ЦК.

Еще одним членом ЦКПК с высшим образованием и с многолетним партийным стажем был Юзеф Ковальский. Выходец из семьи еврейских служащих (настоящее имя – Соломон Натансон), он был всего лишь на четыре года младше Новака, изучал медицину в Карловом университете Праги и в университете им. Стефана Батория в Вильно (Вильнюсе). Вся его довоенная деятельность была связана с компартией Западной Белоруссии: как представитель этой организации по вопросам проживания еврейского населения, курсируя между Белостоком, Минском и Пинском, а в качестве специалиста по истории рабочего движения сотрудничал также с Белорусской академией наук в СССР, дважды арестовывался польскими властями. Второй арест закончился приговором на восемь лет. Из тюрьмы его освободила война. Ковальский принял участие в обороне Варшавы, затем ушел на советскую территорию, где работал в редакциях нескольких газет, стал заместителем начальника польского издательского концерна «Польпресс». В Польшу вернулся лишь в 1951 г. и вскоре возглавил кафедру истории ПОРП в Институте научных кадров при ЦК ПОРП. С тех пор бдительно выслеживал всяческую крамолу на «историческом фронте», превратившись в одного из проводников сталинской линии в области истории. В период «оттепели» пережил несколько тяжелых моментов, оказавшись на острие атак со стороны более либеральных коллег по цеху, однако сохранил за собой все должности и продолжал издавать труды, выдержанные строго в духе официальной идеологии (хотя и должен был скорректировать свою позицию с учетом нового взгляда на сталинские репрессии).

Компанию вышеуказанным личностям составил экономист берutowского призыва Максимилиан Погорилле. Рожденный в 1915 г. (т.е. на двенадцать лет раньше Колаковского), он не относился к плеяде довоенных коммунистов и начал карьеру лишь во время войны. До этого учился во Львовском политехническом институте (прервал учебу в 1936 г.), а после присоединения Львова к СССР работал учителем в средней школе и заочно учился в Львовском педагогическом институте. Когда в Советский Союз вторглись нацисты, эвакуировался в Киргизию, где возглавил районное управление Союза польских патриотов (организацию, состоявшую из польских коммунистов, воспринимавшуюся как зародыш просоветского правительства). С установлением нового строя резко пошел в гору: был назначен директором партийной школы в Щецине, в 1950 г. встал во главе кафедры экономики партийной школы при ЦК ПОРП в Варшаве (пригодилось незаконченное политехническое образование), а в сентябре 1957 г. был назначен ректором Высшей школы общественных наук при ЦК ПОРП. В стране он был

известен как автор обширных трудов по экономике, в которых обосновывал необходимость форсированной индустриализации.

Последним из членов ЦКПК, явившихся в тот день на заседание, был 55-летний выпускник медицинского факультета Виленского университета Ежи Штахельский, член ЦК с 1948 г., в 1961 г. вторично назначенный на пост министра здравоохранения (который он уже занимал в 1951–1956 гг.), а в 1956–1961 гг. возглавлявший Управление по делам вероисповеданий – главное орудие власти в борьбе с Католической церковью.

Как видим, за исключением своего колоритного председателя, все это была коммунистическая интеллигенция, стремительно взлетевшая в сталинские годы. Ни один из них не был связан не то что с оппозицией, но даже с окружением Гомулки, пострадавшим в период осуждения «правонационалистического уклона». Им-то и предстояло беседовать с 39-летним профессором философии, некогда бок о бок с ними боровшемся с «пережитками буржуазной Польши».

Как следует из протокола заседания ЦКПК, в принципе все члены были согласны, что Колаковский разошелся с партией. Однако вопрос об исключении философа поднял только Штахельский, который, кроме того, четко указал на подтекст грядущей беседы: «1. Можно ли его (Колаковского. – *В.В.*) как интеллектуала еще спасти и способен ли он по-прежнему действовать на том участке, где был сильнее всего, т.е. на антиклерикальном фронте (сказался опыт Штахельского в борьбе с Костелом. – *В.В.*); 2. Объяснить ему смысл его поведения и подчеркнуть, что в такой ситуации для него нет места в партии; следовательно, он должен либо изменить свое поведение, либо отказаться от прежней деятельности. Лично я сомневаюсь, что он это сделает. Думаю, очень мало шансов. 3. Если он этого не поймет, нам не останется ничего иного, как исключить его из партии». Погорилле, выступая от имени ученого сообщества, заявил, что вопрос не так прост: «Я работаю в этой среде и не могу поступать как “тупица”, который не видит его достоинств. Я смотрю под историческим углом зрения – как его оценит будущее. А ведь он уже вошел в историю». Ковальский настаивал, что Колаковскому надо оставить пути отступления, дабы он опять встал на «партийный путь». Кроме того, он описал кредо Колаковского, как сам его понимал: «пока речь о партийных принципах, он (Колаковский. – *В.В.*) согласен, но в определенных вещах у него свое мнение». Нашковский в целом негодовал, но не смог предложить ничего конструктивного, хотя бы даже исключение из ПОРП. Новак в основном отмалчивался, хотя и ознакомил коллег с материалами, касающимися Колаковского, а также подал несколько реплик, касавшихся дела Куроня и Модзелевского [4. IX/135. К. 47–51].

В итоге Ковальскому было поручено сформулировать пункты будущей беседы. Итак, согласно этим пунктам, Колаковскому вменялось в вину следующее: 1) защита свободы слова для людей, открыто выступающих против народного строя (Куроня, Модзелевского и Миллера), и следовательно – поддержка их деятельности; 2) внесение дезориентации в студенческие массы путем отказа от полемики со взглядами Куроня и Модзелевского, составления экспертного заключения и присоединения к студентам, певшим возле здания суда «Интернационал»; 3) предполагаемая публикация двумя западными антикоммунистическими издательствами сборника статей Колаковского с выплатой автору гонорара; 4) призыв, брошенный на последнем съезде Союза писателей, издать полное собрание сочинений Жеромского² и Броневского³, невзирая на антисоветский характер некоторых произведений.

² Стефан Жеромский (1864–1925) – один из крупнейших польских писателей-реалистов.

³ Владислав Броневский (1897–1962) – леворадикальный поэт, близко сотрудничавший с польскими коммунистами и советской властью. В 1940 г. был арестован НКВД. Освобожден на следующий год и покинул СССР вместе с армией Андреса. В этот период написал несколько антисоветских стихотворений. Вернулся в Польшу в 1946 г. и стал одним из апологетов нового строя.

Кроме того, Колаковский должен был еще раз объясниться по поводу встречи с кардиналом Вышинским, а также дать разъяснение относительно некоторых положений статьи 1956 г., которая не была допущена к печати, и заявления в исполком первичной парторганизации философского факультета, где декларировалось право на свободу слова (партфункционер ловил Колаковского на том, что он сделал свое мнение всеобщим достоянием, хотя сам же говорил лишь о внутрипартийном плюрализме). Вопрос ставился ребром: «Солидаризируется ли Колаковский с политикой партии? Лоялен ли он партии? Хочет ли он бороться в ее рядах за воплощение общих целей? Чувствует ли себя связанным партийной дисциплиной или же воспринимает партию только как базу для своей деятельности?».

При этом членам ЦКПК предписывалось в самом начале разговора заверить философа, что вызов его в ЦК не связан с исследовательской и научной деятельностью Колаковского, которую очень ценят в партийных кругах [4. IX/135. К. 57–67].

Беседа состоялась 15 февраля 1966 г. К пятерке членов ЦКПК присоединились еще двое: заместитель председателя Центрального совета профсоюзов Петр Гавевский (старый социалист, почти ровесник Новака, сделавший до войны карьеру в профсоюзном движении) и заведующий Отделом науки и просвещения ЦК Зенон Врублевский (самый молодой из присутствовавших членов ЦКПК, всего на семь лет старше Колаковского; всю жизнь занимал посты на ответственных участках «идеологического фронта» – был руководителем Отдела пропаганды и Отдела прессы и издательств ЦК, а также возглавлял Жешовский и Варшавский парткомы).

К сожалению, в протоколе не указано, кто именно задавал те или иные вопросы. В целом разговор проходил по плану, составленному Ковальским. Сначала очень долго философа допрашивали о его участии в защите Куроня, Модзелевского и Миллера. Эта часть беседы ярко выявила разницу в подходах между представителями правящей элиты и Колаковским: первые напирала на партийную дисциплину и интересы социалистического строя, второй поднимал на щит права человека. Надо признать, что членам партийного синедриона не раз удавалось загнать Колаковского в угол, указывая на явно антигосударственные лозунги Куроня и Модзелевского, однако философ вновь и вновь повторял, что всего лишь составил экспертное заключение, не разделяя при этом воззрений обоих диссидентов, да и не будучи с ними хорошо знаком («Открытое письмо к партии», за которое судили Куроня и Модзелевского, было запрещено к распространению). На прямой вопрос, почему Колаковский не высказал своих претензий парторганизации, а вместо этого подключился к защите обвиняемых, философ простодушно ответил: «Мне просто не пришло это в голову», и добавил – составление экспертного заключения было инициативой адвокатов, обратившихся к нему за помощью.

Между делом произошел любопытный обмен мнениями по поводу исполнения возле здания суда «Интернационала». На вопрос, не считает ли он это неуместным, философ, казалось бы, лихо срезал своих оппонентов: «Было бы очень печально, если бы людей делили по принципу исполнения “Интернационала”». Однако он не учел, что имеет дело с людьми, которые тоже когда-то исполняли «Интернационал» при похожих обстоятельствах. И сразу наткнулся на ответ: «На довоенных судебных разбирательствах мы пели “Интернационал”, показывая наш протест против буржуазии. Если на процессе в народном суде поется “Интернационал”, это однозначный жест. Это – голос рабочего класса против данного государства».

Далее речь зашла о выступлении Колаковского на съезде писателей. Тут философ разразился целой декларацией: «На съезде я произнес речь о понятии ответственности писателя и о его участии в общественной жизни. Эта речь была хорошо принята съездом и получила хорошие отклики в прессе [...] Я действи-

тельно говорил там, что в литературе существуют запретные области [...] и их наличие ей вредит. Я добавил, что понимаю необходимость и неизбежность таких областей, а следовательно, нельзя требовать их мгновенного упразднения. Речь лишь о том, чтобы их сузить, а не расширять [...] Я считаю правильным полное издание Жеромского, Бжозовского⁴ и Броневского. При этом не имею в виду, что следует опубликовать именно антисоветские тексты Жеромского (или же некоторые стихи Броневского). Речь лишь о полном собрании сочинений. Я считаю, что Жеромский, Бжозовский и Броневский принадлежат национальной литературе, и если мы издаем полное собрание сочинений, из этого не следует, будто мы подписываемся под всем, что они написали [...] Точно так же в этих собраниях следует издать и их слабые вещи». На это последовал такой ответ: «Стремление к полному собранию сочинений правильно. Вопрос лишь, можем ли мы это себе позволить. Есть проблема дистанции во времени и есть элемент классовой борьбы – не той, что была при буржуазном строе. Это могут использовать враждебные элементы. Существует антисоветский комплекс, питающий эти враждебные элементы, которые существуют в обществе как личности либо как психологический момент на фоне нарастания и усиления искажений (социализма. – В.В.). Должна ли в таком случае партия закрыть глаза на общественные последствия данного шага?». Наконец, Колаковскому было заявлено без экивоков: «Идет политическая борьба. Вы это понимаете?». «Слишком много тут подозрительности», – ответил философ. Беседа завершилась осторожным предложением, не следует ли Колаковскому выйти из партии? Философ заявил, что если бы считал так, давно бы вышел из ПОРП, и пообещал в течение десяти дней письменно сформулировать свою позицию [4. IX/135. К. 62–93].

Как ни странно, гроза обошла Колаковского стороной. Очевидно, власти поостереглись прибегать к решительным мерам, опасаясь скандала. Но скоро философ предоставил новый повод для оргвыводов.

21 октября 1966 г. в ознаменование 10-й годовщины VIII пленума ЦК ПОРП, вернувшего к власти В. Гомулку, организация Союза социалистической молодежи на историческом факультете Варшавского университета провела открытое собрание, куда пригласили Л. Колаковского и адъюнкта философского факультета Варшавского университета К. Помяна, бывшего одним из молодежных вожakov в 1956 г. Инициаторами встречи выступили трое студентов, среди них – известнейший впоследствии диссидент Адам Михник.

В ЦК ПОРП весьма подозрительно отнеслись к собранию. Руководство партии не было заинтересовано в нападении на народ о кратком периоде свободомыслия и общественной активности. Только официальный орган ЦК ПОРП газета «Tybuna ludu» посвятила годовщине общую статью, остальные органы прессы под давлением цензуры проигнорировали юбилей [6. S. 77]. Поэтому собрание вызвало большие опасения у властей. На всякий случай туда было направлено пять сотрудников Службы безопасности со спрятанными диктофонами, благодаря чему сохранилась запись выступлений. Явилось на собрание и несколько десятков партийных активистов, которые должны были включиться в дискуссию, если она примет нежелательный оборот.

Сначала Л. Колаковский выступил с большой речью на тему «Польская культура в последнее десятилетие». Он во всеуслышанье заявил, что завоевания «польского Октября» попорчены: в стране не существует свободных выборов, нет свободы критики и информации; руководящие органы деградируют, ибо не несут ответственности перед народом. Даже при сталинизме, продолжал философ, процесс

⁴ Станислав Бжозовский (1878–1911) – философ, писатель и театральный критик. Был близок левым кругам, сформулировал оригинальную философскую концепцию, в которой синтезировал идеи Маркса, Канта и социальное учение Католической церкви. Подвергался нападкам марксистов за свое тяготение к католицизму.

вырождения власти не шел так быстро, ибо тогда имелась идеология, в которую искренне верили многие люди. Сейчас же тормозящим фактором деградации системы управления является лишь технический прогресс, но он не демонстрирует такой эффективности, как идеология. В то же время Колаковский отверг заявления западной пропаганды, будто социализм несовместим с демократическими свободами: оно абсурдно, заявил философ. И все же наиболее свободным периодом в новейшей истории Польши он назвал время непосредственно перед октябрём 1956 г. Невозможно исправить положение в экономике, сохранив в неизменности систему управления страной, «систему, в которой отсутствует ответственность власти передержающей перед общественным мнением». Выступавший признал, что после 1956 г. польское общество больше не живет в постоянном страхе перед репрессиями, однако «нет никаких институтов, которые бы сделали невозможным возврат к той системе» [7. S. 279–280; 4. IX/962. К. 1–12].

К. Помян, со своей стороны, в основном говорил о творческой роли молодежного движения и настаивал на необходимости создания подлинно независимой и равноправной с ПОРП организации молодежи.

В дискуссии приняло участие 14 человек. Студенты предлагали принять обращение к властям с требованием освободить Я. Куроня и К. Модзелевского, один из учащихся зачитал принесенный с собой проект резолюции с протестом против ограничения гражданских свобод, другой потребовал осудить «полицейскую систему». Декан факультета, однако, заявил, что не одобрит принятия каких бы то ни было резолюций [4. IX/962. К. 72–77].

Уже 27 октября Колаковский снова был вызван на ковер в ЦКПК. Состав лиц, разбиравших его дело, не претерпел существенных изменений. Это были все те же Р. Новак, М. Нашковский, Е. Штахельский, М. Погорилле и П. Гаевский. Теперь уже с философом говорили без обиняков. Новак взял с места с карьер: «Во время последней беседы, которую с вами провели в ЦКПК, мы обговорили ряд проблем, а также ваше отношение к партии. По этому вопросу вы написали заявление. Анализируя его, мы пришли к выводу, что оно неискреннее, так как обходит стороной некоторые упреки в ваш адрес. 21 октября 1966 г. в Варшавском университете прошло собрание, в котором вы приняли участие. У нас есть материалы с этого собрания, и мы считаем, что ваша речь имела антипартийный характер, направленный на провоцирование молодежи». Нашковский спросил философа: «Где же ваша партийность?». Колаковский парировал: «Партийность должна заключаться в отражении негативных явлений в нашем обществе», – и добавил в лоб: «Не правда, будто внутри партии существуют условия для такого типа дискуссий». Дальше философ уточнил: существует критика в экономической области, однако ее нет в сфере права и свободы прессы. Штахельского как министра здравоохранения особенно задела слова Колаковского о высоком уровне младенческой смертности в Польше (что, по мнению философа, было показателем отсталости страны). Он принялся оспаривать это утверждение, хотя Колаковский с самого начала заявил, что дело в отсутствии перспектив развития. Погорилле обвинил Колаковского в пренебрежении национальными интересами, и заявил, что такого критикана не стали бы терпеть даже в английском парламенте. Наконец, Р. Новак закончил беседу, объявив Колаковскому о его исключении из партии. Философ отреагировал следующим образом: «Решение [...] считаю неправильным и несправедливым. Буду подавать апелляцию. Мои выступления не были антипартийными. Опасны не те, кто критикуют, а те, кто молчат от страха. Партийность не останавливала меня перед критикой, так же и исключение из партии не изменит моих социалистических убеждений» [4. IX/135. К. 114–121]. 24 ноября философ направил послание в Политбюро ЦК, в котором просил восстановить его в ПОРП, однако от слов своих не отказывался, говоря, что нужно исправлять те стороны жизни, которые противоречат социализму и программе партии, а не репрессировать людей,

которые на них указывают [8. S. 251–254]. В ответ партийные власти настояли на лишении его кафедры в Варшавском университете и снятии с поста главного редактора журнала «Studia Filozoficzne» («Философские исследования»).

Исключение Колаковского произвело эффект разорвавшейся бомбы. Уже 31 октября об этом сообщило агентство Франс Пресс, назвав Колаковского «несомненно лучшим мыслителем поколения». Вместе с тем агентство указывало, что «деятельность профессора Колаковского уже давно позволяла предполагать подобное решение со стороны польской коммунистической партии».

1 ноября корреспондент «The New York Times» подтвердил эту новость, заявив: «Литературные круги в Варшаве не были застигнуты врасплох исключением Колаковского из партии; даже наоборот, выражается удивление, что ему так долго разрешали оставаться в ней».

2 ноября статью о деле Колаковского под названием «Страх перед правдой» опубликовала гамбургская газета «Die Welt». Автор статьи был согласен с французскими коллегами: «отношения между неудобным мыслителем и партией с течением времени так обострились, что для окончательного разрыва не хватало лишь повода [...] Партия терпит реформаторские высказывания только за закрытыми дверями, так как боится раскола в случае, если разные коммунисты начнут проповедовать разные идеи. Дело Колаковского – это урок того, что польская партия опасается не только правды, но и ее последствий, если о правде говорят открыто».

Материал о Колаковском под названием «Выдающийся философ исключен из партии» разместила у себя и западногерманская газета «Der Telegraph» [4. IX/135. К. 106–108].

Вскоре начали сбываться слова Погорилле о болезненной реакции гуманитарного сообщества. Когда 15 ноября член Политбюро З. Клишко на партконференции Варшавского университета сообщил о лишении Колаковского членства в партии, в поддержку ученого немедленно выступили несколько профессоров [6. S. 154–155]. 19 ноября письмо с протестом против исключения Колаковского направили 15 членов первичной парторганизации Союза писателей, в том числе бывший главный редактор ежемесячника «Nowa Kultura» поэт В. Ворошильский и известный киносценарист Т. Конвицкий. Большинство из этих пятнадцати были людьми, до той поры не замеченными в оппозиционных действиях, вдобавок некоторые из них состояли когда-то в Компартии Польши. Свой протест они обосновывали тем, что исключение такой выдающейся личности, как Колаковский может повредить партии в глазах общества [6. S. 148–149; 4. XI/961. К. 13–14].

В созданной комиссии ЦК для рассмотрения вопроса о письме протеста в ночь с 25 на 26 ноября 1966 г. была проведена беседа с подписавшими. Ни один из них, как выяснилось, не присутствовал на пресловутом собрании и не слышал речи Колаковского, поэтому каждому дали прочесть стенограмму выступления, основанную на пленках госбезопасности. Все сходились во мнении, что речь путанная и вообще малопонятная. Причину этого усмотрели либо в искажениях при перепечатке текста, либо в болезненном состоянии Колаковского, страдавшего от туберкулеза. Тем не менее ни один из авторов письма не отозвал своей подписи. Все старались отвести от Колаковского обвинение в антипартийной позиции, настаивая, что несогласие с текущей политикой еще не означает перехода во вражеский (т.е. социал-демократический) лагерь [4. XI/961. К. 15–67]. В итоге подписанты тоже были исключены из ПОРП. В Кракове от партбилета отказалась поэтесса, будущая нобелевская лауреатка Вислава Шимборская.

В начале декабря Политбюро получило еще одно письмо аналогичного содержания, подписанное пятью членами Союза писателей (в том числе литературным руководителем киностудии «Сирена», известнейшим переводчиком русской классики Е. Помяновским). 6 декабря с ними провели беседы представители ЦК.

Авторы второго письма также не знали содержания речи Колаковского и в своем поступке руководствовались теми же мотивами, что и их предшественники. Они также были изгнаны либо добровольно вышли из ПОРП. Некоторые из покинувших ряды партии, впрочем, оговаривались, что их решение не означает разочарования в коммунизме. «После 22 лет пребывания в партии, – писал поэт, эссеист и переводчик Северин Полляк, – после 43 лет участия в социалистическом движении я не перестал и не перестану быть коммунистом [...] тем не менее в сложившейся ситуации считаю невозможным оставаться в рядах партии». «Двуличным быть не умею, – писал автор исторических романов о наполеоновских временах Марьян Брандыс, – а в роли партийного оппозиционера чувствую себя невыносимо, поскольку за 24 года привык верить, что партия – это единственная сила, способная изменить к лучшему страну, в которой я живу» [4. XI/961. К. 119–126].

9 декабря состоялось закрытое партийное собрание варшавского отделения Союза писателей, посвященное разбору сложившейся ситуации, в котором приняли участие двое членов ЦК ПОРП. Это собрание было едва ли не самым бурным с 1956 г. О царившей там атмосфере свидетельствует выступление одной из журналисток, которое авторы информационной записки для руководства Службы безопасности посчитали самым сдержанным. Публицистка, в частности, заявила следующее: «Если учитель отправляет большую часть класса в угол, значит, что-то неправильно в учителе, а не в классе» [4. XI/961. К. 98].

Тон выступлений вывел из себя секретаря ЦК А. Старевича, который в эмоциональной речи пригрозил роспуском первичной парторганизации на том основании, что Союз писателей уже десять лет находится в оппозиции к ЦК. В ответ поднялась бывшая сотрудница Института общественных наук при ЦК ПОРП Я. Секерская (она «была бледна и в высшей степени взвинчена», отмечают авторы записки) и стала кричать, что «руководство партии не может быть безгрешно, это мы являемся партией, ее члены, а не только руководство». «Не дошло ни до голосования, ни до резолюции. Все были страшно распалены», – подытожили авторы [4. XI/961. К. 97–101; 5. MSW II 3068. К. 235–236].

Почти столь же напряженным выдалось отчетно-выборное собрание университетской парторганизации 11 декабря, на котором также присутствовали двое членов ЦК. Сразу после отчетного доклада разразилась дискуссия, в ходе которой ряд преподавателей и научных работников выступили в защиту Л. Колаковского и К. Помяна [6. S. 156].

Подобные высказывания привели к партийной чистке в Варшавском университете. В декабре специальные комиссии провели беседы с партийными работниками на тему «почему отдельные члены партии и Союза социалистической молодежи попадают под влияние чуждых и враждебных тенденций». Результатом этих бесед стало выявление потенциально «нестойких» лиц и составление плана работы по укреплению партийной дисциплины в университете [6. S. 156–157].

20 декабря 1966 г. прошла встреча редакций трех литературных изданий Варшавы, на которой звучали уже иные речи. Популярнейший прозаик, «польский Хемингуэй» Роман Братны потребовал публичной полемики с тезисами Л. Колаковского и оппозиционными литераторами, сокрушаясь при этом, что цензура не делает различий между его журналом и католическим еженедельником «*Tygodnik powszechny*». Главный редактор одного из изданий заявил: «Это была комедия, когда мы вместе с оппозиционерами вроде К. Брандыса⁵ притворялись, будто состоим в одной и той же партии. Надеюсь, теперь эта комедия закончена» [6. S. 153].

20 января 1967 г. прошло очередное собрание парторганизации Союза писателей. Вновь дошло до острой перепалки. Я. Секерская остановилась на многочис-

⁵ Казимир Брандыс (1916–2000) – крупный польский писатель, эссеист, критик и киносценарист. Вышел из партии в знак протеста против исключения Колаковского. Брат Марьяна Брандыса.

ленных акциях партийного руководства против творческой интеллигенции и потребовала, чтобы Политбюро выступило с самокритикой. Один из выступавших сравнил действия партии с репрессивными кампаниями в СССР и Китае (осудив при этом и авторов писем в защиту Колаковского). Е. Помяновский рассуждал о вреде для партии дела Колаковского, произнеся напыщенную фразу: «Наша партия имеет за плечами 25 лет истории, а наш строй – 50 лет» [4. 237/XVIII-268. К. 107] (имея в виду революцию 1917 г. в России).

Сторонники курса партийного руководства не намерены были обороняться, и перешли в наступление. С большой установочной речью выступил основной выразитель партийной линии в писательской организации, заместитель председателя Главного правления и литературный руководитель кинематографического объединения «Старт» Е. Путрамент. Он сказал, что в 1956 г. партия уже отошла от левацкого курса, и дальнейшее смещение вправо означает возврат к капитализму. Поэтому как бы ценны ни казались те союзники, которые помогли тогда новому руководству преодолеть сопротивление догматиков и спасти страну от гражданской войны, сейчас с ними нужно вести борьбу, ибо они выступают за второй этап перемен. К этим союзникам Путрамент отнес редакцию «Po prostu» и ряд членов парторганизации Союза писателей. В Польше, подчеркивал писатель, велика опасность национализма. С одной стороны, говорил он, в стране построен самый либеральный социализм из всех, что существуют в государствах, управляемых коммунистами, с другой – коммунистам противостоит громада польского католицизма – наиболее отсталого, тоталитарного и фетишистского в мире. Поэтому, утверждал Путрамент, любая оппозиционная партия будет опираться прежде всего на католицизм. О какой свободе говорит в таком случае Колаковский? – задавался вопросом писатель. – О свободе для реакции?

Журналист и сатирик З. Митцнер, арестованный когда-то НКВД, напомнил, как в 1952 г. одну женщину, потерявшую партбилет, едва не низвели до положения врага. Ныне же, продолжал он, к проступкам членов партии совсем другое отношение. Инакомыслящим вовсе не грозят репрессии: «сегодня, товарищи, никто не ждет вас у выхода, кроме ваших собственных автомобилей». Отсюда следовал вывод: Колаковский должен сравнивать нынешние времена с прошедшими, а не заниматься демагогией. Тем более, говорил Митцнер, исключение из партии – вовсе не изобретение коммунистов. Его самого исключили в 1935 г. из Польской социалистической партии за то, что он рассказал, как на похоронах Ю. Пилсудского собственными глазами видел двух лидеров этой партии [4. 237/XVIII-268. К. 87–113; 9].

Все эти высказывания свидетельствовали, что проводники влияния партийного руководства в среде творческой интеллигенции постепенно приходили в себя после скандала с Колаковским. Литературная оппозиция на время замерла. Прошедшее в мае 1967 г. общее собрание варшавского отделения Союза писателей не только обошлось без «нежелательных» выступлений, но и вообще было отмечено полной апатией присутствовавших [5. MSW II 3068. К. 245].

Казус Колаковского обозначил собой расхождение партийной верхушки с частью творческой элиты страны, причем, той ее частью, которая прежде очень пылко участвовала в строительстве Народной Польши. Это были люди хоть и не всегда идейно благонадежные, но глубоко искренние, живо воспринявшие лозунги социальной справедливости, с которыми пришла новая власть. Изначально далеко стоявшие от «буржуазной интеллигенции», они со временем сблизились с ней перед лицом авторитарного и лицемерного режима. Точкой невозврата здесь стало именно дело Колаковского.

Сам Колаковский в 1968 г. вынужден был покинуть страну. После его очередного выступления в Союзе писателей, бичующего политику властей в области культуры, и мартовских волнений студентов, закончившихся волной репрессий, ему

было запрещено преподавать и публиковаться. Транзитом через Париж Колаковский выехал в Монреаль, затем в Беркли, и наконец обосновался в Оксфорде, где понемногу стал крупнейшим специалистом по философии Гуссерля. В 1971 г. он написал «Тезисы о надежде и безнадежности», заложившие основы антирежимной деятельности его идейных союзников в Польше, в 1977 г. стал официальным представителем за рубежом Комитета защиты рабочих – первой открыто оппозиционной структуры в стране. Годом ранее закончил главный труд своей жизни – трехтомник «Основные течения марксизма. Возникновение. Развитие. Разложение» – книгу, написанную уже с радикально антикоммунистических позиций. Скончался он в 2009 г. в Оксфорде, увидев крах того строя, которому поначалу верно служил, а затем столь рьяно с ним боролся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kolakowski L.* Tendencje, perspektywy i zadania // *Życie Warszawy*. 1957 4 II.
2. Фронт национального единства (В. Гомулка, С. Игнар, С. Кульчиньский, Я. Франковский). Варшава, 1956.
3. *Gomułka W.* Węzłowe problemy polityki partii. Uchwały. Warszawa, 1957.
4. Archiwum Akt Nowych.
5. Instytut Pamięci Narodowej Biuro Udostępnienia (IPN BU) 0365/106 t. 1.
6. *Eisler J.* Polski rok 1968. Warszawa, 2006.
7. *Hemmerling Z., Nadolski M.* Opozycja wobec rządów komunistycznych w Polsce. Warszawa, 1991.
8. *List L.* Kołakowskiego do Biura Politycznego KC PZPR // *Listy do pierwszych sekretarzy KC PZPR (1944–1970)*. Wybór i opracowanie J. Stępień. Warszawa, 1994.
9. Ośrodek «Karta». AO IV/43.1.

© 2014 г. Л. Е. ГОРИЗОНТОВ

СССР И ПОЛЬША 1980-х ГОДОВ В ПАРИЖСКОМ ЖУРНАЛЕ «KULTURA»: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА МИХАИЛА ГЕЛЛЕРА

Статья посвящена анализу взглядов историка М.Я. Геллера. В 1969–1996 гг. он регулярно публиковал в польском эмигрантском журнале «Kultura» аналитические обзоры советской (российской) печати, уделяя особое внимание отношениям СССР с Польшей, делая пространные исторические экскурсы и споря с польскими аналитиками и западными советологами. В частности, предметом полемики стали проблемы преемственности дореволюционной России и СССР, советизации польского общества.

The article considers the views of historian Mikhail Geller. In 1969–1996, he was regularly publishing analytical reviews of the Soviet (Russian) periodicals in the Polish emigrant journal «Kultura», paying special attention to the Soviet-Polish relations and making extensive historical digressions, and entering into a controversy with Polish analysts and western Sovietologists. For instance, one of the disputable topics was the continuity between the pre-revolutionary Russia and the USSR, or Sovietisation of the Polish society.

Ключевые слова: Польша, Россия, СССР, М.Я. Геллер, эмиграция, журнал «Kultura», исторический континуитет, тоталитаризм, homo soveticus, компаративистика, западная советология.

Политическая эмиграция издавна играла важную роль в истории России и Польши. Еще в XIX в. между российскими и польскими эмигрантами установились тесные контакты, выявившие как общность, так и отличие позиций. Эти традиции получили развитие после Второй мировой войны [1].

Среди польских эмигрантских изданий особое влияние получил ежемесячный литературно-политический журнал «Kultura», выходивший в Париже с 1947 г. под редакцией Ежи Гедройца (1906–2000), еще при жизни ставшего в Польше культовой фигурой. Считается, что в кругу авторов журнала сложились идеи, которые были восприняты постсоциалистической Польшей.

Советский историк Михаил Яковлевич Геллер (1922–1997) после освобождения из лагеря, где он отбывал срок по сфальсифицированному экономическому преступлению, выехал в Польшу в 1956 г., что стало возможным благодаря репатриации его жены, жившей до войны в Западной Белоруссии (г. Слоним). В Варшаве Геллер более десяти лет проработал в Польском агентстве печати, занимаясь составлением внутреннего бюллетеня по вопросам, связанным с СССР. Потом,

Горизонтов Леонид Ефремович – д-р ист. наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Исследование осуществлено в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013–2014 гг., проект № 12-01-0222.

решив, что «довольно ПНР», он перебрался во Францию. Хотя Польша в среде советской интеллигенции имела репутацию своеобразного «окна в Европу», в конце 60-х годов XX в. там сложилась тяжелая морально-политическая атмосфера, характерной чертой которой стал рост антисемитских настроений [2]. Повлияли на решение уехать и чехословацкие события. Вместе с тем Геллер находил, что Польша ближе к западному миру, и считал проведенные в ней годы «декомпрессионной камерой», позволившей избежать кессонной болезни, которая грозила при непосредственном попадании на Запад из СССР [3. С. 77]. По свидетельству сына историка, «благодарность к Польше, понимание польских дел и привязанность к польским друзьям остались у отца навсегда» [3. С. 100].

Уже во время подготовки переезда имели место контакты с кругом журнала «Kultura» [4. С. 220]. Оказавшись в 1969 г. в Париже, Геллер сразу же получил возможность преподавать в Сорбонне, чему немало способствовала произошедшая тогда во Франции либерализация жизни, а также на постоянной основе публиковать в «Kulture» свои обзоры советской печати. Журнальная рубрика долгое время называлась «В советской печати». Тексты Геллера печатались под псевдонимом Адам Кручек – «в честь» функционера ПНР, казавшегося ему воплощением системы [3. С. 78]. Сотрудничество с журналом продолжалось более четверти века. В результате, по словам Геллера, сложилась «единственная хроника, единственное свидетельство о Советском Союзе, как его можно было увидеть из Парижа» [3. С. 157]. Часть обзоров перевел на польский язык сам Гедройц [4. С. 220].

В мемуарах Гедройц писал о Геллере: «Беседы с ним имели существенное значение для моего понимания Советского Союза, поскольку он знал эту страну по собственному опыту, а не из газет или из книг [...] Я регулярно говорю с ним обо всем, что касается России. Наши контакты очень частые и близкие». Советовался Гедройц с Геллером и по историческим вопросам. Редактор журнала «Kultura» отмечал, что Геллер «отлично знал польскую проблематику» и его деятельность «оказала огромное влияние на западное общественное мнение» [4. С. 196, 220; 3. С. 10]. Со своей стороны, Геллер очень высоко оценивал друзей и коллег из числа польских эмигрантов [3. С. 78].

Уже в 1982 г. анализ Геллером откликов советской печати на польские события был издан отдельной книгой в переводе на французский язык, а два года спустя опубликован в книжной серии журнала «Kultura» по-польски. Это был один из ранних опытов осмысления польского кризиса и, особенно, роли в нем советского фактора. Парижская «Kultura» фигурировала в тогдашней прессе СССР как один из вдохновителей беспорядков в Польше [5. С. 51]. В 1982 г. Геллер был лишен советского гражданства.

В результате многолетних почти ежемесячных публикаций Геллера в «Kulture» сложился обширный корпус текстов, который на языке оригинала издан в России в трех толстых томах под названием «Российские заметки». Последний по времени выхода в свет (2001) том, посвященный памяти Е. Гедройца, охватывает 1980-е годы, которые в истории Польши открывают создание «Солидарности» и завершают лишение коммунистов монополии на власть. В Советском Союзе за это десятилетие пройден не меньший путь от кульминации брежневского застоя до заката горбачевской перестройки.

Создавая хронику текущих событий (достаточно популярный жанр диссидентской и эмигрантской политической журналистики), Геллер прежде всего комментировал происходящее в СССР. Польша не являлась для историка предметом специального внимания: «польскими делами занимаются на других страницах журнала “Kultura”». «Я не могу считать себя знатоком новейшей польской журналистики», – подчеркивал он и даже признавался в том, что редко читает польскую прессу [5. С. 37, 542, 555]. Однако, помня о польском читателе своих комментариев и отдавая должное международному значению польского кризиса 1980-х годов,

Геллер живо откликался на связанные с его развитием события, особо подробно рассматривал советско-польские отношения, часто проводил параллели между Польшей и СССР. Компаративный подход вообще был присущ аналитике Геллера. Интересны наблюдения автора «Российских заметок» об асинхронности процессов демократизации в двух соседних странах.

Подобно западным кремлеведам, Геллер основывался на материалах доступной советской прессы, читая ее «между строк» и внимательно всматриваясь в используемую риторику. В условиях гласности периодика становилась все более информативной, на партийных и государственных форумах происходил оживленный обмен мнениями. Однако мемуары политических деятелей еще не были изданы, а стенограммы заседаний Политбюро рассекречены. Многие положения Геллера неизбежно носили характер догадок [6]. В отличие от значительной части западных советологов, как верно заметил Гедройц, он знал страну, о которой писал. Правда, долгое время в ней не был: в 1980-е годы Геллер не приезжал на родину ни разу.

Специфика комментариев определяется тем, что они принадлежат перу историка. Это яркий образец профессорской публицистики, написанной великолепным языком, остроумно, с большой эрудицией. Разбор современных процессов содержит многочисленные исторические экскурсы. Именно историю сознательно выбрал Геллер в качестве путеводной нити, помогающей не теряться в водовороте текущих событий [7. С. 30]. Его тексты заслуживают внимания как опыт изучения современной истории, о возможности написания которой сейчас ведутся споры.

«Эти тексты, – писал польский историк Т. Мянвич, – не были только обзором прессы СССР, как было указано в названии рубрики. Они являли собой концентрацию всего того, что составляло сущность творчества Геллера. В них были спаяны исторический анализ, литературная критика, парадоксы интеллектуального эссе и яркая политическая публицистика. Писавшиеся для журнала “Kultura” “Кручеки” – это также квинтэссенция метода Михаила Геллера: он показывал советскую систему в ее двойственной природе – она у него и страшная, и гротесковая одновременно». Обзоры Геллера способствовали «преодолению старой схемы польско-российских отношений» [3. С. 138].

Следует отметить, что подготовка текстов для журнала «Kultura» не являлась главным занятием Геллера, который известен как автор обобщающих исследований, прежде всего по советской истории и литературе 1920–1930-х годов. Именно историю литературы он преподавал в Сорбонне, его диссертации посвящены литературному отражению мира лагерей и творчеству А. Платонова. На 1980-е годы приходится пик исследовательской активности Геллера по изучению советского периода: увидели свет такие его книги, как многотомная «Утопия у власти» (в соавторстве с другим эмигрантом Александром Некричем) и «Машина и винтики». В 1990 г. публикуется уже индивидуальная книга о Горбачеве «Седьмой секретарь», ставшая завершением «Утопии у власти».

В 1980-е годы книги Геллера стали известны в Польше и притом гораздо более широко, чем в СССР. «Все мои книги во время Чрезвычайного положения издавались массовым подпольным тиражом», – вспоминал он. Подсчитано, что «Утопия у власти» печаталась в польском самиздате 21 раз! [3. С. 152; 8. S. 301]. Однако работавшая в журнале «Kultura» Э. Савицкая имела основания поставить вопрос: «Не был ли Геллер нужнее польскому читателю именно в качестве Кручека? Не сильнее ли он воздействовал именно как Кручек на формирование взглядов на сущность советского тоталитаризма?» [3. С. 76].

Главным продуктом социализма Геллер считал формирование *homo soveticus*. Однако у польского общества низкая «температура кипения», при которой недовольство выливается в открытый протест: «история показала, что из всех “социа-

листических народов” поляки закипают раньше всех». Согласно Геллеру, «особое место Польши в социалистическом лагере было связано со специфическими польско-русскими отношениями и религией» [5. С. 89–90, 170, 258]. События 1981 г. в Польше он характеризовал как мирную революцию, «подлинно народное движение» [5. С. 88, 106]. В СССР же, несмотря на крайне тяжелые условия жизни, народ продолжал безмолвствовать. Намеки советской пропаганды о том, что поляки «зажрались», получая помощь от СССР, имели тогда определенный успех [5. С. 97]. По словам Геллера, «Советский Союз – как и полагается первому в мире социалистическому государству – ушел далеко вперед в своем обесчеловечении» [5. С. 381].

В 1980 г. Геллер привел точку зрения А. Авторханова, полагавшего, что протестующие поляки многое заимствовали у советских диссидентов: само диссидентское движение, самиздат, даже свободные профсоюзы. Главная же польская новация состояла в соединении политического движения интеллигенции с социальным рабочим движением [5. С. 54–55]. СССР такого опыта не имел по крайней мере до лета 1989 г., когда забастовали шахтеры [5. С. 614–615, 647] и начались массовые уличные демонстрации. За время нахождения во главе КГБ Ю.В. Андропова диссидентское движение было разгромлено, причем в 1980-е годы репрессии даже ужесточились [5. С. 110]. Геллер внимательно относился ко всем проявлениям «русского освободительного движения» (историк использовал термин XIX в.), отдавал дань мужеству диссидентов, отслеживал поддержку ими поляков и польское влияние на их искания в области программных установок и тактики [5. С. 164–165, 170–171].

В 1980–1981 гг. польские события Советский Союз не затронули. «Широкой поддержки движение “Солидарности” в СССР не имеет», что явилось следствием как состояния общества, восприимчивого к пропаганде, так и гонений против инакомыслящих [5. С. 96]. Польский опыт осваивает в первую очередь власть, для которой Польша становится своеобразным полигоном, где «испытываются возможности приспособления старой системы к новым условиям». В том числе это опыт диалога с церковью [5. С. 172, 563–564, 581]. «Польский опыт дал Горбачеву, – писал Геллер, – важный аргумент в нелегком процессе ликвидации брежневской партийной машины» [5. С. 419, 440]. В конце 1988 г. «польский “полигон” необычайно важен для Москвы, ибо сегодня только в Польше идет подлинная политическая борьба, борьба за власть». В 1989 г. о Польше пишут так много, как не писали со времен «Солидарности», и пишут иначе. «Сегодня видно, – отмечал Геллер, – что польский опыт многому научил московских руководителей в одной области: отношения с оппозицией. Сегодня видно, что польский опыт практически остался неизвестен советскому народу, рабочим» [5. С. 565, 580–581].

«Особенность горбачевской революции в том, что она совершается по приказу сверху, по указаниям высшей инстанции», – считал Геллер. «Характерной чертой горбачевской “революции”», по его наблюдениям, было долгое «отсутствие серьезных социальных движений» [5. С. 614]. Даже когда в 1989–1990 гг. в СССР пробуждались массы и формировалась политическая оппозиция, главной оставалась перспектива «революции снизу» [5. С. 660], Геллер делал вывод, что курс Горбачева по-прежнему имеет решающее значение для развития ситуации. Архитектор перестройки «до сих пор еще не встретил подлинного организованного сопротивления попытке “перестроить” здание социализма, не меняя его фундамента» [5. С. 672].

По оценке Геллера, «реформаторская деятельность Горбачева [...] не отличается изобретательностью. Все то, что предлагается им, было уже испробовано раньше» [5. С. 552]. Симптоматично отрицательное отношение советского лидера к польскому опыту шоковой терапии. Дозировалась и гласность, долгое время

оставшаяся главной переменной в жизни страны. Ссылаясь на исторические прецеденты, Геллер настойчиво проводил мысль о том, что демонтажа системы не происходит, ее тоталитарный характер сохраняется.

Историк апеллировал к концепции тоталитаризма и подвергал критике теории модернизации и конвергенции, усилившие влияние в западной советологии в период перестройки. Он не верил в способность советского режима к эволюционному перерождению. Чтение советской прессы, полагал Геллер, – занятие «значительно более здоровое, чем чтение западной литературы о Советском Союзе», ибо первая обнаруживает намерения его руководителей [5. С. 42–43, 572–573]. Геллер принадлежал к тем, кто последовательно и жестко критиковал иллюзии западных политиков и советологов в отношении СССР. Будучи убежденным антикоммунистом, он называл СССР «последней на свете колониальной империей». Отсюда острота национального вопроса, в чем заключалось важное отличие СССР от Польши [5. С. 618, 656].

Скептические оценки сближали Геллера с А. Солженицыным, программу которого он считал утопической, и Б.Н. Ельциным, которому историк не симпатизировал, видя при этом разрушительный для СССР потенциал российского «ядра империи» и русского вопроса [5. С. 624, 674, 688–690, 697]. О Солженицыне Геллер написал ряд специальных работ, изданных отдельной книгой. Ценным является свидетельство историка о том, что Солженицын присылал ему рукопись своей программной статьи «Как нам обустроить Россию?», публикацией которой в 1990 г. «вермонтский отшельник» прервал свое длительное молчание по поводу происходящего на родине. В окончательный текст были внесены как мелкие, так и крупные поправки. Геллер выражал надежду, что «будущие биографы писателя займутся сравнением» [5. С. 688].

Особо внимательно Геллер отслеживал проявления рецидивов сталинизма. Не используя понятия исторической политики, он, по сути, рассматривал именно ее. Геллеру абсолютно чуждо увлечение Андроповым в качестве носителя исторической альтернативы для страны. Он высмеивал имевшие место в конце перестройки попытки раскрасить КГБ в «самые розовые краски» [5. С. 672]. Все это представляется весьма актуальным, выводя, в частности, на проблемы декоммунизации, которая составляет сейчас важное различие между Россией и Польшей (см. [9]). Геллер был явно обеспокоен мягкостью российских люстрационных инициатив [7. С. 143].

Горбачеву он не верил, придавая ключевое значение небывалой концентрации власти в руках последнего генерального секретаря. В своем восприятии архитектора перестройки Геллер ближе к советским гражданам, чем зарубежной общественности, в том числе польской, подверженной «горбомании». В различии общественного мнения в СССР и на Западе Геллер усматривал уникальность ситуации [5. С. 504–505; 7. С. 10, 20]. После распада Советского Союза он не изменил крайне негативной оценки Горбачева [3. С. 326; 7. С. 226]. Историк был свободен и от увлечения Ельциным [7. С. 14].

Комментарий Геллером перестроечных процессов не находил понимания у многих польских читателей журнала «Kultura», в том числе близких ему людей. Известный литературовед А. Дравич, в свое время способствовавший устройству Геллера в Сорбонну, назвал его «очернителем», осмеивающим «все попытки либерализации и демократизации России» [3. С. 32, 79–81]. В ту пору даже Л. Валенса, ведя переговоры с коммунистами, указывал, что по темпам реформирования СССР опережает Польшу.

Полемицировали с Геллером и на страницах журнала «Kultura». Е. Гедройц передавал историку отклики на его статьи «Встреча третьего типа» и «Польский пример». Читатели оспаривали тезис о том, что Российская империя была «нормальным» государством: с их точки зрения, «Россия была, есть и будет

“ненормальной”». Геллер решительно восставал против стереотипов: «О дореволюционной России было написано немало чепухи. Но не больше, чем о других странах – таинственном Востоке, таинственной Азии. Однако все это не идет в сравнение с тем, что писали, главное же, что продолжают писать о Советском Союзе и соцстранах» [5. С. 258, 451].

Хотя французская советология в меньшей степени, чем американская, «заражена советскими настроениями», большинство историков во Франции также не были согласны с выводами Геллера. «Долгие годы, – свидетельствовал он, – я вел с коллегами – западными историками спор о характере Советского государства» [3. С. 158–159; 5. С. 553]. По его словам, «западные историки фальсифицируют советскую историю не хуже советских [...] Объяснение, сводящее политику Москвы к продолжению политики Петра I и Александра III, очень утешительно для западных политиков. Коммунистический Советский Союз превращается в знаковую империалистическую Россию – похожую на другие империалистические страны своего времени: все мы были такими, отсталая Россия немного задержалась, но расширит еще слегка свои пределы и успокоится [...] Иррациональность советской политики в том, что разрастающаяся империя не приносит Москве никакой реальной пользы [...] Жители советской метрополии не только не стали жить лучше, они живут хуже [...]». Однако СССР не может не расширять сферы своего влияния [5. С. 6–7].

«Я рассматриваю нынешнюю эпоху как эпоху зрелого тоталитаризма», – писал Геллер. Один из «редких мужественных голосов о том, что все-таки советская система – тоталитарная система», принадлежал югославскому диссиденту М. Джиласу. Позднее, уже в годы перестройки, Геллер поддерживал тех советских публицистов, которые, в отличие от подавляющего большинства западных советологов (в том числе одного из родоначальников теории тоталитаризма З. Бжезинского), продолжали писать о тоталитарной системе [5. С. 12, 247, 572–573, 671; 3. С. 283].

Е. Борейша – польский историк, глубоко знающий дореволюционную империю и СССР, германский национал-социализм и итальянский фашизм, подобно Геллеру, квалифицировал советский режим как тоталитарный и задавался вопросом о континуитете российской истории. «Модные ныне теории, – писал он, – о прерывании российской нормальности и начинавшейся новой эпохи благосостояния и значительного цивилизационного прогресса под скипетром Романовых случайным путчем и системой, полностью навязанной многомиллионному населению, в то же время оправдывают миллионы активных строителей системы. Они освобождают сотни тысяч правящих сегодня в иных одеждах и цветах представителей советской номенклатуры от ответственности за нищету, пропаганду, террор и массовый геноцид» [10. С. 108].

Принципиально несогласный с тем, что СССР можно рассматривать как продолжение дореволюционной России, Геллер подчеркивал «особую роль поляков» в распространении этой советской дезинформации. «Наилучшее выражение она (интерпретация советской системы. – Л.Г.) нашла в заголовке труда замечательного историка Яна Кухажевского – “От белого царя (правильно: царизма. – Л.Г.) к красному”, – отмечал Геллер в 1983 г. – Кухажевского легко понять: он писал свою историю России в 20-е годы, когда характер Советского Союза вполне мог обманывать, в особенности поляков, имевших многовековые счеты с Россией». «Синдромом Кухажевского» страдали историки, руководившие американской внешней политикой, такие как З. Бжезинский и Р. Пайпс [3. С. 139–140, 272–273]. Согласно Геллеру, во второй половине XIX – начале XX в. польские политики А. Велепольский и Р. Дмовский «могли разговаривать с русским оккупантом, ибо существовал единый язык». «“Советские люди”, – считал он, – качественно не похожи на жителей Российской империи» [5. С. 95; 3. С. 274, 300].

Приход к власти А. Квасъневского в 1993 г. побудил Геллера сравнить тогдашних польских и российских наследников коммунистов. «В числе важнейших причин (успеха Квасъневского. – Л.Г.), – указывал историк, – советизация поляков, которую они, кажется, ни за что не хотят признавать. Скоро четверть века пишу я об этом на страницах “Культуры”, вызывая, как правило, острые возражения читателей. “Советизация”, процесс формирования человека, который чувствует себя дома в коммунистической системе, шла всюду, где коммунисты находились у власти» [7. С. 155–156]. «Есть много поляков, – свидетельствовал Геллер, – которые меня упрекали в том, что я распространял [...] понятие советского человека на них тоже, считая, что проблема не в том, что русский человек всегда любил рабство и его можно было превратить в советского человека, а что этот процесс шел, может быть, неодинаково быстро, с разной интенсивностью, но шел во всех странах нашего лагеря». «Когда я говорю гомо советикус, я имею в виду не только граждан первого в мире социалистического государства. “Советский человек” формируется всюду, где строят социализм» [3. С. 152, 329; 5. С. 19].

Внимание к «проблеме советского человека», проблеме «хомо советизации» [3. С. 164; 5. С. 176–177] сближало Геллера с А. Зиновьевым, с которым, однако, у него имелись и существенные расхождения. С точки зрения Геллера, это прежде всего человек, не желающий свободы и лишенный выбора. Близкий друг историка Г. Херлинг-Грудзинский критиковал его за пессимизм и допущение возможности переделать человека: российско-польский спор переносился в плоскость философской антропологии [5. С. 19, 422; 3. С. 152].

Звучали в адрес Геллера и упреки в русофобии, несправедливость которых хорошо показывают воспоминания о нем [3. С. 92, 107, 109]. Подобно А. Михнику, его можно охарактеризовать как антисоветского русофила [11]. «Знание России, даже любовь к ней необходимы историку, занимающемуся Советским Союзом, коммунистической партией, – полагал Геллер. – Необходимы, но не достаточны. Вторым элементом являются знание и любовь западной культуры» [3. С. 173–174, 181]. В наилучшем положении находятся те немногие историки, которые родились и жили в России, а затем, эмигрировав, узнали Запад и смогли посмотреть на свою родину со стороны [3. С. 143].

«История Польши и история России, – говорил Геллер, – связаны настолько, что для того, чтобы по-настоящему писать историю России, необходимо знать историю Польши. И наоборот, история Польши непонятна даже полякам, если не знать историю России». Убежденный в «необходимости сочетать знание истории двух народов», Геллер полагал, что «самые лучшие, самые, так сказать, настоящие европейцы в лучшем смысле этого слова – это поляки, которые любят Россию, которые знают Россию» [3. С. 144, 156–157, 184]. Думается, геллерская формула может быть распространена и на отношение россиян к Польше.

Знаменательны последние слова политической хроники Геллера, написанные им за несколько дней до кончины о постсоветской России: «Идет формирование людей, обладающих нормальными человеческими качествами. Идет очень медленное, очень мучительное освобождение от советского наследства» [7. С. 311]. Лично знавший Геллера эмигрант В. Амурский спустя много лет после смерти историка справедливо заключил: «Неоценимым можно считать его вклад в сохранение и развитие в эмиграции польско-российских контактов и отношений» [12].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Gorizontow L.* Aleksander Hercen jako historyk współczesności: wątki polskie // *Myślą i słowem. Polsko-rosyjski dyskurs ideowy XIX wieku.* Warszawa, 2014; *Gorizontov L.* East European Studies on Harvard University during the «Cold War» Era (based upon memoirs by M.K. Dziewanowski) // *East and West. History and Contemporary State of Eastern Studies.* Warsaw, 2009.
2. *Eisler J.* Marzec 1968. Geneza. Przebieg. Konsekwencje. Warszawa, 1991.

3. Вместо мемуаров: Памяти М.Я. Геллера. М., 2000.
4. *Giedroyc J.* Autobiografia na cztery ręce. Warszawa, 1994.
5. *Геллер М.Я.* Российские заметки 1980–1990. М., 2001.
6. *Горизонтов Л.Е.* Дефицит и «избыточность» в источниковом обеспечении исследований по современной истории // Гуманитарные чтения РГГУ–2010. Теория и методология гуманитарного знания. Россиеведение. Общественные функции гуманитарных наук. М., 2011.
7. *Геллер М.Я.* Российские заметки 1991–1996. М., 1998.
8. *Sowiński P.* Zakazana książka. Uczestnicy drugiego obiegu 1977–1989. Warszawa, 2011.
9. *Горизонтов Л.Е.* Восточноевропейский опыт в области прав человека // Культурные аспекты и правоприменительная практика в области прав человека в Европе. М., 2012.
10. *Борейша Е.В.* Итальянский фашизм, нацизм и сталинизм. Три тоталитаризма из перспективы XXI века // Европа. Журнал Польского института международных отношений. 2006. № 3.
11. *Михник А.* Антисоветский русофил. М.; Вроцлав, 2011.
12. *Амурский В.* Вспоминая Михаила Геллера // Новый журнал. Нью-Йорк, 2011. № 264 (сетевая версия: www.newreviewinc.com).

© 2014 г. О.Ю. МИХАЛЕВ

ПОЛЬСКИЙ СОЮЗ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ЛЕВЫХ СИЛ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Статья посвящена истории одной из крупнейших политических партий Польши – Союзу демократических левых сил (СДЛС) – в начале XXI в., анализируются причины утраты ею поддержки избирателей, и попытки сменяющих друг друга партийных лидеров переломить эту негативную тенденцию, рассматривается ситуация в партии в настоящее время, а также ее перспективы на предстоящих в 2014–2015 гг. выборах.

The article is devoted to the history of the Democratic Left Alliance (in Polish – *Sojusz Lewicy Demokratycznej*, or SLD) in the early twenty-first century. The article attempts to unravel the reasons as to why the party has begun to rapidly lose the popular support, the efforts to reverse this negative trend undertaken by the party leaders following. The party's present state is analyzed, as well as its prospects in the upcoming elections of 2014–2015.

Ключевые слова: Польша, внутренняя политика, политические партии, Союз демократических левых сил, президентские и парламентские выборы.

Последнее десятилетие XX в., без всяких сомнений, было периодом удачным для польских левых, что вряд ли кто-либо сумел бы заранее предсказать, учитывая крайне печальный опыт по строительству социалистического общества в Польше и полным политическим банкротством правящей Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), которая на первых свободных выборах в июне 1989 г. не сумела завоевать ни одного места в парламенте¹. Однако реформаторская часть бывших партийных функционеров и сочувствующих преобразованиям членов партии, объединившихся после роспуска ПОРП в январе 1990 г. в Социал-демократию Республики Польша (СДРП), сумела занять прочное место на политической сцене страны. Молодой лидер партии А. Квасьневский повел ее по пути отмежевания от идейно-политического наследия ПОРП и следования традициям польских социалистов межвоенного времени и современной европейской социал-демократии. Правильность выбранного курса подтвердили успехи СДРП в борьбе за голоса избирателей. Уже на парламентских выборах 1991 г. партия в составе коалиции Союза демократических левых сил (СДЛС) заняла второе место с почти 12% голосов, уступив только либералам из Демократического союза. А выборы 1993 г. завершились сенсацией. Получив поддержку почти 20,5% избирателей,

Михалев Олег Юрьевич – канд. ист. наук, доцент Воронежского государственного университета. Статья написана при финансовой поддержке Центра польско-российского диалога и согласия.

¹ История польской социал-демократии в 1990-е годы достаточно полно описана в отечественной литературе (см., например, [1]). Поэтому здесь я остановлюсь на событиях этого периода лишь в той мере, насколько это необходимо для понимания процессов, имеющих место в начале текущего столетия.

СДЛС благодаря особенностям нового порядка распределения мест в Сейме занял свыше 37% парламентских кресел. Это позволило социал-демократам совместно с Польской крестьянской партией (ПКП) сформировать правительство и на последующие четыре года стать у руля государственной власти. Триумфальное возвращение левых завершилось в 1995 г., когда А. Квасьневский во втором туре президентских выборов с небольшим перевесом одолел своего главного соперника Л. Валенсу. Правление СДРП, вопреки некоторым ожиданиям, не привело к реставрации «старого режима». Партия подтвердила верность социал-демократическому выбору, продолжив прежний курс и сохранив прозападную ориентацию внешней политики с перспективой вступления в НАТО и ЕС.

Успешность политики СДРП подтвердили итоги выборов 1997 г. За коалицию СДЛС голосовали на 700 тыс. человек больше, чем в 1993 г., в результате чего она получила 27% голосов и 35,6% мест в Сейме. Правда, этого оказалось недостаточно, чтобы вновь обрести возможность сформировать правительство. Благодаря объединению правых сил в Избирательную коалицию «Солидарность» они смогли опередить социал-демократов, заняв с 33,8% голосов первое место [2. С. 351]. СДРП извлекла из поражения необходимые уроки, главным из которых была необходимость более тесного сплочения левых сил. К этому же подталкивали и принятые в 1997 г. изменения в конституции страны, оставившие право выдвижения кандидатов на выборах только политическим партиям и отобравшие его у коалиций, в результате чего СДЛС лишился бы в будущем возможности участвовать в избирательной борьбе. В апреле 1999 г. представители 29 партий и политических группировок подписали декларацию о создании новой политической партии под названием «Союз демократических левых сил», утвердили ее программные документы и руководящие органы. Возглавил СДЛС бывший лидер СДРП Лешек Миллер, заявивший о том, что прежняя партия выполнила свою миссию и теперь нужна более четкая организационная форма. СДЛС определял себя как левую партию социал-демократической ориентации, которая осуждает коммунистический тоталитаризм с его ограничением свободы личности и экономическими деформациями, выступая за развитие демократического гражданского общества. Партия высказывалась за предоставление людям равных шансов на реализацию своих возможностей посредством улучшения материальных условий жизни, систем образования и здравоохранения. Не отказываясь от продолжения рыночных реформ, СДЛС призывал ограничивать «стихийную» приватизацию, считая необходимым сохранение регулирующей роли государства в экономике [3. С. 161–163].

Создание СДЛС означало не только заметное расширение рядов партии (по сравнению с 50 тыс. членов СДРП ее численность возросла до 115 тыс.), но и укрепление ее социальной базы за счет молодежи, членов профсоюзов, активистов общественных организаций [4. С. 160]. Это позволило польским левым в начале третьего тысячелетия добиться новых впечатляющих успехов в политической борьбе. На президентских выборах 2000 г. кандидат СДЛС А. Квасьневский уже в первом туре с 53,9% голосов обеспечил себе переизбрание, не оставив никаких шансов представителям правых партий. А на парламентских выборах в сентябре 2001 г. коалиция СДЛС и другой левой партии Союза труда получила 41% голосов, намного опередив своих соперников из правого лагеря, который к этому времени вновь распался на ряд отдельных группировок. Хотя это был лучший результат, которого смогла добиться какая-либо из партий за всю историю посткоммунистической Польши, все же его оказалось недостаточно для самостоятельного формирования правительства. Поэтому СДЛС пришлось прибегнуть к уже проверенному временем союзу с крестьянской партией, вследствие чего 10 октября было образовано коалиционное правительство во главе с Л. Миллером [2. С. 413, 418].

Придя к власти на волне критики правления правых, ассоциировавшегося в значительной части польского общества с болезненными последствиями трансформационных процессов и навязчивым антикоммунизмом, СДЛС стал перед лицом весьма сложных проблем, сразу же столкнувшись с необходимостью ускорения темпов экономического роста (в четвертом квартале 2001 г. он составлял всего 0,2%), увеличения эффективности государственных механизмов, избавления от огромного бюджетного дефицита (около 90 млрд злотых) и уменьшения уровня безработицы, от которой страдали более 3 млн человек [5. S. 172–173]. Стремление разрешить названные проблемы заставляло правительство позабыть о предвыборных обещаниях отстаивать интересы трудящихся и безработных, используя критикуемые ранее либеральные меры вроде снижения налога на юридических лиц, пересмотра социальных обязательств государства и реструктуризации убыточных отраслей промышленности. Однако идейная и психологическая неготовность лидеров СДЛС к проведению жестких либеральных реформ привела к тому, что предпринятые шаги оказывались недостаточными, половинчатыми, а их эффективность оставляла желать лучшего. В результате единственным реальным успехом правительства Миллера в сфере экономики стало увеличение темпов роста до 5,4% к 2004 г. Но политика урезания бюджетных расходов, возбуждая недовольство среди бюджетников и пенсионеров, не привела к сокращению дефицита бюджета из-за уменьшения темпов приватизации и необходимости выдачи многомиллионных дотаций убыточным государственным предприятиям, в первую очередь шахтам. Как следствие продолжался рост долга, который в 2004 г. превысил 50% ВВП. Еще хуже обстояло дело с борьбой с безработицей, которая в 2003 г. достигла рекордного уровня 20%. По этому показателю Польша твердо удерживала первое место в Европе. До уровня 11,8% возросло число поляков, проживавших за чертой бедности, что сопровождалось стремительным ростом доходов наиболее богатой части населения [2. S. 449–450].

Но еще более, чем экономические трудности, позиции СДЛС подорвали коррупционные скандалы, регулярно вспыхивавшие на протяжении 2002–2004 гг. Усиленно раздуваясь правой оппозицией, они создали у значительной части избирателей впечатление, что насквозь прогнила не только политическая элита социал-демократии, но и вся созданная при ее участии государственная система Третьей Речи Посполитой, исправить которую можно только с помощью радикальных общественно-политических перемен. Крупнейшим из скандалов, бросившим тень на самых высокопоставленных лиц – до премьер-министра Л. Миллера и президента А. Квасьневского, стала так называемая афера Рывина. Ее суть заключалась в следующем: в конце декабря 2002 г. главный редактор популярной «Gazeta Wyborcza» А. Михник предал гласности разговор с известным в Польше кинопродюсером Львом Рывиным, который предлагал от имени группы, «имеющей власть», за крупную взятку внести изменения в закон о радио и телевидении, позволяющие издателю газеты компании «Агора» приобрести телеканал «Польсат». В результате длительного расследования, в котором немаловажную роль играла следственная комиссия Сейма, не были выявлены лица, от имени которых выступал Рывин, и уголовному наказанию в виде двух лет тюремного заключения и крупного штрафа подвергся лишь сам виновник скандала. Однако главным пострадавшим оказался премьер Л. Миллер, который вынужден был неоднократно оправдываться перед следствием и журналистами, но делал это так неубедительно, что осенью 2003 г. о доверии к нему заявляли лишь 17% опрошенных граждан [2. S. 456–459]. Не успела затихнуть афера Рывина, как в СДЛС полетели новые камни. Весной 2003 г. разгорелась афера в Стараховицах, в которой оказались замешаны три депутата СДЛС, а также вице-министр внутренних дел З. Сobotка, обвиняемые в связях с организованной преступностью. Еще через год «Gazeta Wyborcza» опубликовала материал, рассказывающий о неправомερных действиях

правительства по смене руководства в крупнейшей польской нефтяной компании «Орлен». В эпицентре этого скандала вновь оказался Л. Миллер. Под таким грузом обвинений СДЛС в глазах избирателя превратилась в партию, совершенно не способную к проведению эффективной и прозрачной внутренней политики.

Подвергалось нападкам левое правительство и за промахи во внешней политике страны. В качестве крупнейшего достижения оно представляло вхождение Польши с 1 мая 2004 г. в качестве полноправного члена в Европейский союз, убеждая общество в том, что этот шаг разрешит или по крайней мере позволит смягчить значительную часть экономических и социальных проблем. Однако позитивный эффект от вступления в ЕС сказался далеко не сразу, наоборот, страна предстала перед необходимостью преодолеть непростой период адаптации к новым условиям существования в объединенной Европе. Тяжелее всего пришлось аграрному сектору, который и ранее считался наиболее отсталой и проблемной сферой экономики, а теперь должен был не только выживать в условиях усилившейся конкуренции, но и осваивать более жесткие стандарты и санитарные нормы, принятые в ЕС. Неудивительно, что цены на сельскохозяйственную продукцию с начала 2004 г. заметно поползли вверх, а обыватели бросились опустошать прилавки магазинов. Вступление в ЕС не улучшило положения и в сфере занятости, где надежда снизить безработицу за счет миграции избыточной рабочей силы в страны Западной Европы потерпела крах из-за отказа большинства стран-членов ЕС в ближайшие годы открывать свои рынки труда. Неудивительно, что правая оппозиция, эксплуатируя опасения и неуверенность рядовых поляков, начала обвинять правительство в том, что оно не смогло добиться на переговорах с ЕС благоприятных условий вступления, вследствие чего Польшу ожидают только новые экономические и политические трудности [5. S. 178–179].

Уступая давлению справа, правительство Миллера вынуждено было занять жесткую позицию по проекту европейского конституционного договора, поддержав выдвинутый правыми лозунг «Ницца или смерть», означавший бескомпромиссную защиту принятой в 2000 г. в Ницце системы голосования в Совете ЕС в противовес выдвигаемому в конституционном договоре принципу двойного большинства, а также выступив за вписание в преамбулу договора тезиса о христианских ценностях Европы, что звучало довольно странно из уст людей, ранее позиционировавших себя в качестве атеистов. Из-за упорства Польши полным провалом закончился саммит ЕС в декабре 2003 г., а страна еще более испортила отношения с лидерами Евросоюза Францией и Германией, в которых уже намечалась трещина, после того как Л. Миллер поддержал американское вторжение в Ирак (СДЛС оказалась единственной в мире социал-демократической партией, одобрившей эту акцию Вашингтона) (см. [6. S. 18–19]). Недовольство оппозиции вызывал и курс СДЛС в отношении России. Президента Квасьневского обвиняли в излишней мягкости, которая поставила Польшу в неравноправное по сравнению с восточным соседом положение и способствовала усилению имперских тенденций во внешнеполитическом курсе Москвы (подробнее см. [7. С. 30–42]).

Неудачи левого правительства внутри страны и на международной арене не могли не привести к резкому падению его популярности. В июне 2002 г. готовность голосовать за СДЛС высказывали 35% опрошенных, что в целом подтвердили октябрьские выборы в местные органы власти, где партия набрала 33,7% голосов (в разных воеводствах от 18 до 43%), одержав победу в 13 из 16 воеводств, хотя и потерпела ряд чувствительных поражений, в том числе в борьбе за пост президента Варшавы, доставшийся представителю правоконсервативной партии «Право и Справедливость» (ПиС) Л. Качиньскому. Однако после того как разразилась афера Рывина, поддержка избирателями правящей коалиции стала стремительно слабеть. Если в апреле 2003 г. за нее высказывались 29% опрошенных граждан, то в конце 2003 г. – 18%, а в марте 2004 г. – уже менее 10%, в том числе

деятельность Л. Миллера персонально одобряли всего 8%. Разочарование политикой правительства коснулось даже членов СДЛС. К концу 2003 г. численность партии сократилась более чем на 70 тыс. человек. Большинство из покинувших ее связывали свой уход с тем, что СДЛС не исполнил своих предвыборных обещаний и отошел от декларируемых левых ценностей [2. S. 446–447; 5. S. 166].

На этом фоне усилились трения внутри правящей коалиции, завершившиеся ее распадом 1 марта 2003 г. Министры из крестьянской партии ушли в отставку, а кабинет Миллера стал правительством меньшинства. Не без труда (221 голосом против 202) СДЛС удалось отклонить в Сейме предложение ПиС о его отставке и еще почти год выигрывать парламентские голосования по наиболее важным вопросам. Но после того как за отставку премьера высказался президент Квасьневский, с которым у Миллера возник ряд противоречий по кадровым и политическим вопросам, и усилились разногласия в руководстве СДЛС, озабоченном перспективами партии на предстоящих выборах, ее лидер был вынужден пойти на уступки. 17 февраля 2004 г. Миллер заявил, что на мартовском партийном съезде уйдет с поста председателя партии. Действительно, 6 марта съезд СДЛС избрал новым председателем партии Кшиштофа Яника, которого, впрочем, многие наблюдатели сочли продолжателем прежнего политического курса, а не потенциальным реформатором. Поэтому смена руководства не успокоила недовольных, которые объединились вокруг маршала Сейма Марека Боровского и выступили с заявлением под названием «Достаточно обманов», содержащим резкую критику правительства. Они требовали созыва чрезвычайного съезда, который осудил бы прежний стиль руководства, приведший к «маразму в партийных рядах» и запретил совмещение партийных и административных постов, что означало бы решительное обновление партийной элиты. Большинство членов съезда заявление не поддержали, сочтя его чрезмерно радикальным, и тогда сторонники Боровского, несмотря на все усилия Яника, до конца стремившегося предотвратить раскол в партии, решили выйти из состава СДЛС. 26 марта 2004 г. они объявили о создании новой партии под названием Польская социал-демократия (ПСД) [2. S. 469].

Программная декларация ПСД утверждала, что СДЛС перестал быть партией для людей, а превратился в партию для себя, добыча и удержание власти стало для него самоцелью, а не средством реализации программных установок. Отмежевываясь от скомпрометировавшего себя СДЛС, ПСД рассчитывала занять на политической сцене место современной левой партии, не связанной с обвинениями в коррупции и злоупотреблениях. Она заявляла о намерении следовать трем главным принципам: здоровое государство, свободное от скандалов и общественных деформаций; социал-демократия, отстаивающая интересы людей труда, борющаяся с бедностью и безработицей; и Европа, понимаемая как шанс на дальнейшее развитие страны. Партия требовала отставки кабинета Миллера и создания такого правительства, которое подготовило бы страну к интеграции в ЕС, навело порядок в государственных финансах и предотвратило переход власти в руки популистов и демагогов [8]. Создавая новую партию, Боровский, вероятно всего, исходил из предположения, что СДЛС уже не удастся преодолеть кризис, и ПСД легко займет освободившееся место на левом фланге. Однако эти расчеты оказались ошибочными. Партия Боровского так и не смогла составить достойную конкуренцию СДЛС. Стартуя в избирательных кампаниях самостоятельно, она ни разу не преодолела процентный барьер, а если в 2007 г. сумела получить несколько мест в Сейме, то лишь благодаря вхождению в коалицию с СДЛС [9. S. 28].

В день образования ПСД Миллер заявил, что уйдет с поста премьер-министра 2 мая, на следующий день после официального вступления Польши в ЕС. Решение о его преемнике по сути единолично принял президент Квасьневский, поручивший право формирования правительства Мареку Бельке, который, хотя являлся членом СДЛС с 1999 г. и уже занимал в правительстве министерские посты (в том числе

вице-премьера и министра финансов), считался скорее не политиком, а профессионалом, не слишком связанным партийными обязательствами. Действительно, Белька предупредил, что не намерен участвовать в предвыборной кампании и держаться за свое место, а рассматривает себя в роли человека, получившего годичный контракт на исполнение обязанностей премьера. Лишь с третьей попытки, под угрозой досрочных выборов, пройдя процедуру утверждения на должность в Сейме, Белька серьезно обновил состав кабинета, избавившись от ряда скомпрометировавших себя так называемых партийных баронов (глав отделений партии в воеводствах). Новое правительство ускорило приватизацию, провело ряд важных законов, призванных навести порядок в бюджете, хотя и не сделало то, чего от него ждали в обстановке, когда главной темой повестки дня стала борьба с коррупцией – не представило никаких антикоррупционных предложений. Поэтому несмотря на то, что личный рейтинг премьера ощутимо поднялся, достигая 40%, это никак не повлияло на смену избирателями партийных предпочтений. Состоявшиеся в июне 2004 г. выборы в Европарламент подтвердили, что акции СДЛС по-прежнему котируются низко: партия получила лишь 9,3% голосов [10. 2005. 2 VII. S. 20–24]. Такое состояние дел на левом фланге политического спектра делало почти совпавшие по времени парламентские и президентские выборы осени 2005 г. практически безальтернативными в плане неминуемой победы правых сил. Однако у СДЛС еще оставалось время, чтобы попытаться сохранить хотя бы часть своего политического влияния.

Для этого было необходимо в первую очередь избавиться от негативных ассоциаций партии с «государством Миллера», решительно обновив ее руководящие органы и идейный багаж. Такую задачу выполнил съезд СДЛС, работавший в три сессии в мае–июле 2005 г. Новым лидером партии он избрал 31-летнего Войцеха Олейничака, который начал политическую карьеру лишь в 2000 г. в качестве члена предвыборного штаба А. Квасьневского. Позже Олейничак хорошо зарекомендовал себя в должностях депутата Сейма, вице-министра и министра сельского хозяйства. Генеральным секретарем СДЛС был избран его ровесник Гжегош Наперальский, кардинальное обновление затронуло и посты вице-председателей партии [11. S. 127]. Принятый съездом избирательный манифест подчеркивал успехи, достигнутые страной в период пребывания у власти левых правительств: вступление Польши в Евросоюз, обещавшее в перспективе сокращение отставания в уровне развития от стран Западной Европы, ускорение темпов экономического развития, сокращение безработицы, упрощение условий работы для начинающих предпринимателей, упорядочение системы здравоохранения. Манифест утверждал, что Польша значительно изменилась в лучшую сторону за предшествующие четыре года, а если руководством страны и были допущены какие-то ошибки, то партия выступает за справедливое наказание виновных и отмежевывается от людей, ставящих собственный интерес выше общественного. СДЛС заявляла, что видит Польшу в будущем справедливой, демократичной, толерантной и процветающей страной, в которой каждому гражданину будут обеспечены равные шансы на самореализацию. Для достижения этой цели главными своими задачами на ближайшие годы партия объявляла борьбу с безработицей, повышение уровня оплаты труда и уменьшение дифференциации между богатыми и бедными, обеспечение равного доступа к образованию, противодействие всем формам дискриминации [12. S. 25–27].

Второй важной задачей для СДЛС стало определение стратегии на президентских выборах. Это представлялось особенно важным, поскольку левые не могли рассчитывать на то, что опередят правых по количеству завоеванных мест в Сейме, зато при удачном выборе кандидатуры на президентский пост имела надежда на победу над Л. Качиньским, который в начале лета 2005 г. лидировал в опросах общественного мнения. Однако список крупных политических фигур

в распоряжении СДЛС оказался весьма ограничен. А. Квасъневский не мог претендовать на третий срок, набравший популярность М. Белька дистанцировался от СДЛС и заявил о поддержке образованной в феврале 2005 г. левоцентристской Демократической партии (ДП), новые лидеры были пока слишком малоизвестны, а прежние в большинстве своем ассоциировались с «эрой Миллера». В такой ситуации партия решила поддержать кандидатуру маршала Сейма Влодзимежа Чимошевича, занявшего эту должность после выхода из партии М. Боровского, – опытного политика, неоднократно получавшего министерские посты в левых правительствах, а в 1996–1997 гг. возглавлявшего кабинет. Он, правда, поначалу отказывался принять участие в предвыборной гонке, выражая желание завершить политическую карьеру, но под давлением руководства СДЛС и лично Квасъневского включился в борьбу. Поддержка действующего президента позволила Чимошевичу удачно начать кампанию, и по прогнозам середины лета он уверенно проходил во второй тур, где имел неплохие шансы на успех. Однако его политические противники справа провели через следственную комиссию Сейма массированную атаку, обвинив Чимошевича в укрывательстве доходов и лжесвидетельстве. Основой обвинения послужили документы, которые, как впоследствии выяснилось, были подделаны бывшей помощницей политика. Иск был направлен в прокуратуру, где дело и рассыпалось, но возмущенный примененными против него приемами Чимошевич решил отказаться от дальнейшей борьбы и снял свою кандидатуру [9. S. 29]. Это окончательно отодвинуло СДЛС на обочину избирательной кампании, в результате чего партия в сентябрьском голосовании показала худший результат за всю историю посткоммунистической Польши, уступивший даже итогам выборов 1991 г., когда левым приходилось действовать в исключительно неблагоприятных условиях. С 11,3% голосов СДЛС расположился лишь на четвертом месте, пропустив вперед не только консервативную ПиС, либеральную «Гражданскую платформу» (ГП), но и популистскую «Самооборону» (подробнее см. [13]). Получив всего 55 депутатских мандатов, партия впервые в своей истории не стала даже крупнейшей оппозиционной фракцией Сейма. Фактически она оказалась лишена какого-либо влияния на принятие решений органами государственной власти.

Чувствительное поражение заставило партийное руководство всерьез задуматься о стратегии выхода из кризиса. Необходимо было преодолеть негативные последствия пребывания партии у власти, обновить ее, пересмотрев роль на политической сцене страны и методы деятельности. Основные усилия СДЛС решил направить на борьбу с расколом левых сил, пагубное воздействие которого стоило ему немало потерянных голосов в ходе избирательной кампании. Затягивать с разрешением этого вопроса не следовало, так как осенью 2006 г. предстояли выборы в органы местного самоуправления, и еще одно поражение в них могло стать настоящим приговором для партии и ее молодых лидеров. Правда, внутри СДЛС с самого начала не было единства взглядов на будущую коалицию. Если Олейничак высказывался за вовлечение в нее ДП, что имело целью расширить круг сторонников коалиции за счет центристского электората, то Наперальский выступал за более узкое соглашение левых партий, в котором можно было рассчитывать на большую идейную и программную сплоченность [14. S. 28–29]. Не без усилий Олейничаку удалось отстоять свою позицию, но это означало, что его судьба как политика будет полностью зависеть от успеха создаваемой коалиции.

Трудные для всех сторон переговоры в конце концов достигли цели. СДЛС вместе с Союзом труда, ПСД и ДП 3 сентября 2006 г. заключил соглашение о формировании блока под названием «Левые и демократы» (ЛиД). Программная декларация коалиции «С людьми и для людей» в качестве ее главных целей называла противодействие находящимся у власти правым, которые стремятся превратить Польшу, в том числе ее органы местного самоуправления, в замкнутую,

отсталую страну, зараженную ксенофобией. Отражая давление центральной власти на местные органы, необходимо добиваться расширения компетенции последних, поставить местное самоуправление на службу людям, уничтожить в нем проявления некомпетентности, злоупотребления властью, коррупции [12. S. 120–122]. Состоявшиеся 12 ноября выборы показали, что создание левой коалиции было шагом в правильном направлении. Хотя наиболее высоких результатов добились, как и годом ранее, ГП и ПиС, чьи политики возглавили крупнейшие города страны, левым удалось улучшить свои показатели. С 14% голосов Лид финишировали на третьем месте, ненамного опередив крестьянскую партию [10. 2006. 25 XI. S. 32]. Такой итог был воспринят как небольшой, но успех коалиции. Олейничак пришел к выводу о необходимости не только ее сохранения для предстоящих парламентских выборов, но и дальнейшего расширения за счет левоцентристских партий и группировок, а также придания большей внутренней сплоченности. Началась работа над созданием общей программы коалиции, которую возглавил вернувшийся после некоторого перерыва к политической деятельности А. Квасьневский [14. S. 34].

Коалиция Лид, действительно, приняла участие в досрочных парламентских выборах в октябре 2007 г., завоевав 13,15% голосов, принесших входящим в ее состав партиям 53 места в Сейме, из которых 40 получили представители СДЛС [15. S. 259–260]. Однако такие итоги не принесли удовлетворения коалициантам. В СДЛС, представительство которого в Сейме по сравнению с предыдущими выборами еще более сократилось, возобладало мнение, что его малые партнеры получили места в парламенте за его счет, ничего не дав взамен. Начали нарастать идеологические разногласия между союзниками, особенно между СДЛС, стремящимся идти влево, и ДП, подчеркивавшей, что она не является левой партией и не приемлет радикальных социальных лозунгов [10. 2008. 5 IV. S. 6]. В результате уже к весне 2008 г. начались разговоры о смерти коалиции, в конце марта из нее вышла ДП, 19 апреля – ПСД, а еще через три дня депутатский клуб Лид был формально распущен. В принятом по этому поводу постановлении национальный совет СДЛС указывал, что прежняя формула Лид исчерпала себя. Создание левого проекта требует большего программного единства и ясно выраженной идейной идентичности. Поэтому партия не отказывается от сотрудничества как с бывшими союзниками, так и с другими левыми группировками, профсоюзами, общественными организациями, но совместная работа должна строиться на новых принципах [12. S. 78].

Бесславный конец Лид был серьезным ударом по председателю СДЛС В. Олейничу, который последовательно выступал за сотрудничество партии с левоцентристскими силами и даже, как считалось, был не прочь наладить диалог с либералами из ГП. Между тем в СДЛС нарастали противоположные тенденции, указывавшие в качестве главного противника партии именно «Гражданскую платформу», а не консервативный ПиС, идеологии которого не являются чуждыми некоторые левые подходы в социальных вопросах. Это наглядно проявилось, когда в Сейме начались дебаты вокруг закона о СМИ, на который ранее президент Л. Качиньский наложил вето. Преодолеть его правящая ГП могла только с подключением голосов СДЛС, однако тот предпочел выступить на стороне ПиС, вследствие чего закон был отвергнут, а политологи заговорили о фактическом формировании противоестественной, как казалось ранее, коалиции ПиС–СДЛС, способной заблокировать прохождение в Сейме либеральных законопроектов, предлагаемых ГП [10. 2008. 2 VIII. S. 16–20].

К этому времени СДЛС уже возглавил новый лидер – Гжегош Наперальский, который на состоявшемся 31 мая 2008 г. партийном съезде 231 голосом против 210 обошел Олейничака в борьбе за кресло председателя. Этот съезд был характерен тем, что на него впервые не получили приглашения давние лидеры польских

левых: А. Квасьневский, В. Ярузельский, М. Раковский. Возможно, стремление к обновлению как раз и помогло одержать победу Наперальскому, хотя сторонники Олейничака утверждали, что все дело не в идейных разногласиях или стремлении найти выход из сложного положения, в котором находится СДЛС, а в личных амбициях нового председателя партии. Став депутатом Сейма лишь в 2004 г., он уже через год занял должность генерального секретаря СДЛС, которую с успехом использовал для того, чтобы заручиться поддержкой региональных партийных организаций. Именно то преимущество, которое Наперальский получил в закулисной борьбе, помогло ему победить Олейничака [10. 2008. 31 V. S. 20, 22].

Смена лидеров была воспринята довольно критично не только внутри СДЛС, где некоторые противники Наперальского заговорили о кризисе, даже о «самоубийстве» партии, но и за его пределами. Популярная газета «Metro» привела мнения политиков из ГП и ПиС, в один голос утверждавших, что новый председатель ведет партию в сторону «замкнутой посткоммунистической секты», «идет в ортодоксию» [16]. Однако сам Наперальский пообещал стать польским Сапатеро, который приведет левых к успеху и заставит правые партии потесниться у руля власти. Он заявил о том, что хотел бы видеть СДЛС «более левым, более демократичным и более союзом», открытым на сотрудничество с левыми организациями и профсоюзами. Подчеркнув, что под его руководством партия будет более последовательной в защите левых ценностей, Наперальский в качестве ее главных целей назвал снижение безработицы, увеличение оплаты труда, повышение налога на богатых, обеспечение равного доступа к образованию, приближение поляков к европейским стандартам жизни. По его мнению, СДЛС будет способен на выборах 2009 г. в Европарламент получить 15–20% голосов, а еще через два года, к парламентским выборам, стать второй по значимости политической силой Польши [10. 2008. 12 VII. S. 21–22].

Оптимистичные прогнозы Наперальского не оправдались. Партию продолжали разрывать противоречия по идеологическим и тактическим вопросам между сторонниками Наперальского, провозгласившего крен влево, и Олейничака, отстаивавшего необходимость движения в сторону центра. По правде говоря, и тот и другой курс имели существенные изъяны. Дело в том, что после выборов 2005–2007 гг. политическая система Польши стала приближаться к двухпартийной модели. Две доминирующие партии – ГП и ПиС – ведут борьбу за право формирования правительства, в то время как несколько менее успешных партий могут в лучшем случае повлиять на распределение мест в Сейме. Фактически многие избиратели отдавали свои голоса за, к примеру, ГП не потому, что полностью разделяли ее взгляды, а из опасения, что, если они проголосуют за одну из «малых» партий, это сыграет на руку ПиС. Таким же образом рассуждали многие из избирателей ПиС, голосовавшие за него, дабы не допустить победы ГП. Поэтому слишком активное педалирование социальной тематики могло для СДЛС грозить оттоком ее избирателей в пользу ПиС, тогда как сближение с центром означало заведомо проигрышную игру на поле ГП. Разрешить эту дилемму СДЛС по большому счету не удалось до сих пор, и выборы в Европарламент 2009 г. только подтвердили наметившуюся тенденцию. Партия в коалиции с Союзом труда получила чуть более 12% голосов, что принесло ей 7 мест. Она стала третьей после ГП и ПиС (44,4 и 27,4% соответственно), что даже позволило Наперальскому заявить о сломе двухпартийной системы [10. 2009. 20 VI. S. 14]. Но непредвзятому наблюдателю было очевидно, что отрыв от лидеров слишком велик, и сократить его у СДЛС не получается. Пожалуй, можно было говорить только о маленькой личной победе Наперальского, поскольку его соперник Олейничак получил мандат евродепутата и таким образом выбыл из борьбы за лидерство в партии.

Выборы в Европарламент следовало рассматривать как прелюдию к главным политическим баталиям, которые открывались президентскими выборами 2010 г.

Шансы на успех в них СДЛС заведомо были невелики, поскольку фигур такого калибра, которые могли бы составить реальную конкуренцию соперникам (действующий президент Л. Качиньский от ПиС и маршал Сейма Б. Коморовский от ГП), в ее распоряжении не имелось. Партийная конференция выдвинула кандидатом в президенты Ежи Шмайдиньского – политика старшего поколения, начинавшего карьеру еще в ПОРП и занимавшего министерские посты в правительствах Л. Миллера и М. Бельки. В опросах Шмайдиньский имел не слишком высокий рейтинг – около 10%, и вряд ли предполагал бороться за победу, но его удачное выступление могло сплотить левый электорат и поправить позиции партии на предстоящих в 2011 г. парламентских выборах [10. 2010. 2 I. S. 10]. Однако он даже не успел по-настоящему включиться в предвыборную гонку. 10 апреля 2010 г. вместе с Л. Качиньским и еще более чем 90 пассажирами президентского самолета он погиб в авиакатастрофе под Смоленском. Потеря для СДЛС была вдвойне чувствительной. Во-первых, в партии ощущался острый дефицит сильных политических фигур: те люди, благодаря которым партия добилась успехов в 1990-е – начале 2000-х годов либо успели скомпрометировать себя, либо отошли от партийных дел (А. Квасьневский, Л. Миллер, В. Чимошевич, М. Боровский, Ю. Олексы), а новое поколение еще не успело набрать необходимый политический вес. Поэтому, хотя в руководстве партии обсуждались три кандидатуры, на самом деле реальной альтернативы ее председателю Г. Наперальскому не было. 22 апреля он и был выдвинут от СДЛС для участия в выборах [17]. Во-вторых, вследствие гибели действующего президента предвыборная кампания становилась очень короткой, по закону на нее отводилось лишь два месяца, и сократить за это время отставание от конкурентов, уже включившихся в борьбу, было крайне сложно.

Кандидатура Наперальского имела немало слабостей, и с рейтингом в 3% на старте кампании вряд ли стоило рассчитывать даже на попадание во второй тур, но она располагала и одним важным преимуществом. Наперальский был молод, ему исполнилось лишь 36 лет, и этот факт позволял надеяться на поддержку молодых избирателей, тем более что опросы показывали, что до 30% молодежи готовы отдать ему свой голос. Предвыборная кампания Наперальского во многом и была построена в расчете на привлечение симпатий молодежи. Он говорил с молодыми избирателями их языком, в том числе общаясь в Интернете, выпускал записи песен, лично раздавал листовки, чем вызывал насмешки конкурентов, но добился своего, получив 13,7% голосов. Среди избирателей от 18 до 24 лет результат Наперальского был еще лучше – 20%. СМИ назвали Наперальского фактическим победителем в первом туре. И действительно, окончательный исход выборов теперь зависел от того, за кого проголосуют его сторонники, и выясняется ли он сам в чью-либо поддержку [10. 2010. 26 VI. S. 10]. Впрочем, Наперальский в конце концов принял решение никого не поддерживать, предоставив право избирателям определяться в выборе между Коморовским и Я. Качиньским самим.

Неожиданно высокий результат Наперальского руководство СДЛС восприняло как явный успех и свидетельство движения партии в правильном направлении. Казалось, это подтверждали и состоявшиеся в ноябре 2010 г. выборы в органы местного самоуправления, в которых СДЛС досталось чуть более 15% голосов. Раздавались заявления, что на парламентских выборах партия будет стремиться достичь планки в 20%. Этот результат, учитывая ухудшавшиеся показатели Крестьянской партии, давал надежду на вхождение в состав правительственной коалиции вместе с ГП. Скептики, правда, не находили в итогах выборов тенденции к росту, говоря о том, что СДЛС пока лишь удалось преодолеть падение популярности, стабилизировав число своих сторонников [18. 2010. 23 XI].

Какая из точек зрения правильная, предстояло выясниться очень скоро – в начале октября 2011 г. Большую часть времени до парламентских выборов в СДЛС царили умеренно оптимистические ожидания. Опросы показывали небольшой рост

поддержки партии, в некоторых фигурировала даже искомая цифра 20%, поэтому ее сторонники рассуждали о том, что, видимо, подходит к концу период пребывания в оппозиции, и после выборов ГП и СДЛС сформируют правительство (см., например, [10. 2011. 18 V. S. 17–18]). Ближе к осени, правда, стали поступать тревожные сообщения о начинающемся падении популярности, но итоги выборов превзошли самые худшие опасения. СДЛС показал очередной плохой результат в своей истории, не преодолев в этот раз даже 10-процентного рубежа. За него проголосовали лишь 8,24% избирателей, что принесло партии 5-е место и 27 депутатских мандатов [19. S. 569].

Основных причин поражения было две. Во-первых, появление летом 2011 г. на политической сцене Польши леволиберальной партии Движение Паликота. Ее основал и возглавил Януш Паликот, порвавший в 2010 г. с ГП. Он показал себя искусным политическим шоуменом, сделавшим ставку на поднятие острых для общества тем. Его основной удар был направлен против костела: Паликот предлагал снизить его влияние на политическую и общественную жизнь, прекратив финансирование костела из государственного бюджета, убрав преподавание религии из школ, запретив духовным лицам принимать участие в светских праздниках. Кроме того, в программе движения Паликота фигурировали такие неоднозначные для поляков требования, как легализация гомосексуальных браков и мягких наркотиков, разрешение аборт и искусственного оплодотворения, выдача бесплатных средств контрацепции и т.д. [19. S. 334–336]. Агрессивный антиклерикализм Паликота привлек на его сторону значительную часть избирателей левых взглядов. Его успех стал наибольшей неожиданностью кампании: с 10% голосов Движение Паликота заняло третье место – сразу вслед за фаворитами – ГП и ПиС. И этот результат был достигнут главным образом за счет СДЛС, который никогда не осмеливался столь решительно противопоставить себя костелу. Во-вторых, СДЛС не предложил избирателям ни новых идей, ни новых ярких имен. Он, правда, подготовил к выборам 150-страничную программу под названием «Завтра без опасений» [19. S. 161–312] (самую объемную среди всех партий, принявших участие в избирательной кампании), где излагал свое видение множества проблем, от борьбы с коррупцией до развития информационных технологий, но эта программа не смогла заинтересовать избирателя. Наблюдатели единодушно отмечали идейную невыразительность СДЛС, делавшую его бледной тенью ГП [10. 2011. 17 VIII. S. 19–20; 24 VIII. S. 17]. Что же касается новых лиц, то с этим дело обстояло еще хуже. Наперальский, в котором всегда замечали больше качеств аппаратчика, чем политика, за годы своего лидерства избавился практически от всех сколько-нибудь заметных фигур, превратив СДЛС в партию вождистского типа, какой он ранее никогда не был. Если в 1990-е – первой половине 2000-х годов в нем уживалась целая плеяда видных политиков (Квасьневский, Миллер, Чимошевич, Олексы, Шмайзиньский, Яник, Боровский), часто не соглашавшихся друг с другом, но все же находивших общий язык, то к началу второго десятилетия XXI в. СДЛС стал управляться одним человеком, и его ошибки подводили под удар всю партию [10. 2011. 14 IX. S. 24–25].

Неудивительно, что основная ответственность за бесславно проигранную кампанию падала на лидера, поэтому Наперальский после выборов заявил об уходе с поста председателя партии. Новым главой парламентского клуба СДЛС, а с декабря 2011 г. и председателем партии стал Лешек Миллер, избранный, по всей вероятности, за неимением лучшего. По словам известного публициста Я. Парадовской, «он получил власть над партией догорающей, не видящей цели существования, которая в глазах многих выглядит скорее банкротом, чем организацией, которую еще можно реанимировать» [10. 2011. 14 XII. S. 7]. Выбор Миллера означал конец эксперимента по омоложению руководства СДЛС, не принесшего ожидаемых эффектов. Молодые лидеры не смогли придать партии новый импульс, а по сути

дела продолжали эксплуатировать наследство, доставшееся им от старших товарищей. Но получится ли у Миллера вдохнуть новую жизнь в СДЛС? Пока можно сказать, что его стратегия основывается не столько на решительном изменении ситуации внутри партии, сколько на пассивном выжидании складывания более благоприятной обстановки. Это выжидание имеет две цели. Первое: «пережить Паликота», дождаться момента, когда не имеющая прочных организационных структур и финансовой поддержки партия Паликота (с октября 2013 г. она получила название «Твое движение») сойдет с политической сцены и освободит для СДЛС его «законное» место на левом фланге. Основания на это надеяться есть. Антиклерикализм и экстравагантные выходки Паликота уже не производят того впечатления, что раньше, приевшись полякам, и его поддержка падает. Согласно опросам общественного мнения, на протяжении второй половины 2012–2013 гг. за него готовы были голосовать не более 6% избирателей [20]. Второе: дождаться, когда начнут сдавать позиции лидеры, прежде всего ГП. К этому тоже есть достаточно весомые предпосылки. Поляки начинают уставать от правления коалиции ГП и крестьянской партии, значительная часть которого пришлась на период экономического кризиса. Хотя в сравнении с другими странами Евросоюза польская экономика имеет неплохие показатели, негативные последствия кризиса дают о себе знать ростом безработицы и неуверенности в завтрашнем дне. Это отражается на доверии к правящей партии. С лета 2013 г. число желающих голосовать за ГП стало меньше, чем за ПиС, и колеблется на уровне 23–25% [20]. Сумеет ли СДЛС использовать эти факторы в свою пользу? Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, нужно проанализировать причины поражений в последних избирательных кампаниях.

Наиболее сложным вызовом для СДЛС является переживаемый кризис идентичности. Как отмечает Я. Парадовская, его лидеры слишком долго были убеждены в том, что могут рассчитывать на постоянный электорат в 25–30%, который вернется, стоит только порвать с последствиями неудачного правления 2001–2005 гг. Однако эта ниша оказалась занята ПиС, который, пребывая у власти в 2005–2007 гг., пошел в социальной политике далеко влево, флиртуя с профсоюзами, выступая против приватизации, раздавая льготы и обещая опеку над каждым простым поляком. СДЛС, в период своего правления не отваживавшийся на столь явный популизм из соображений экономической целесообразности, вряд ли может здесь предложить что-то новое [10. 2006. 18 III. S. 33]. В то же время левые не могут идти в сторону либерализма, поскольку на этом поле с успехом играет ГП. Поэтому в польской политической системе, которая в последнее время продвинулась в сторону формирования двухпартийной модели и в которой уходит в прошлое традиционный раздел на наследников ПОРП и «Солидарности», СДЛС рискует оказаться изолированным в относительно узкой нише посткоммунистического электората, и это при том, что даже его противники отмечают, что сильная левая партия Польше нужна.

Еще одной серьезной проблемой являются персональные конфликты в руководстве партии. В 1990-е годы ее успехи основывались на объединении всех левых сил, которые сообща одерживали победы над вечно ссорящимися между собой правыми. В XXI в. ситуация сменилась на диаметрально противоположную. Сплотившимся в две крупные партии правым СДЛС пока не может противопоставить ничего. Выхода из этой ситуации не видно, поскольку Миллеру как руководителю партии пока лучше получается выдавливать из нее своих оппонентов, чем договариваться с союзниками. В конце 2012 г. из СДЛС ушел давний соратник Квасьневского евродепутат Марек Сивец, в апреле 2013 г. из его рядов был исключен Рышард Калиш, видный партийный деятель, занимавший в том числе министерский пост (к слову, после выборов 2011 г. он был соперником Миллера в борьбе за должность председателя парламентского клуба СДЛС).

У обоих конфликт с Миллером произошел из-за идеи выставления на выборах в Европарламент 2014 г. совместного списка с Движением Паликота. Ее активно поддержал Квасьневский, но Миллер выступил категорически против [18. 2012. 8 XII; 2013. 8 IV]. Он тоже за объединение левых, но без Паликота. Впрочем, такое объединение пока остается благим пожеланием. В июне 2013 г., правда, СДЛС провел пышный конгресс левых сил с участием около 90 партий, организаций и общественных объединений [18. 2013. 16 VI], но эффект от этого мероприятия трудно назвать значительным.

Собственно, в неудачах в поиске союзников следует видеть еще одну важную проблему СДЛС. По мнению некоторых польских аналитиков, главным виновником в этом является партийный аппарат, который не заинтересован в переменах. Руководители уровня воеводств при существующем положении дел всегда могут рассчитывать на получение мест в депутатских списках, претендовать на должности в органах местного самоуправления. Приток новых людей заставит их потесниться в насиженных креслах, отчего идеи коалиций в аппарате и вызывали сопротивление, как это было в случае с Лид [10. 2011. 26 X. S. 25]. Впрочем, пока мало что указывает на то, что Миллер хочет всерьез изменить партийную бюрократию. Скорее создается впечатление, что он намерен сохранить модель, сложившуюся при Наперальском, в котором лидер партии руководит, опираясь на поддержку аппарата.

В какой мере руководству СДЛС удастся справиться со стоящими перед ним задачами, покажут предстоящие выборы: в 2014 г. в Европарламент, а в 2015 г. – президентские и парламентские. Готовясь к ним, Миллер демонстрирует оптимизм, говоря, что после выборов СДЛС войдет в состав правительственной коалиции, причем это он будет диктовать условия и выбирать себе партнера [18. 2013. 3 IX]. Но такие прогнозы мы уже слышали неоднократно. Сбудутся ли они на этот раз?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Задорожнюк Э.Г.* Социал-демократия в Центральной Европе. М., 2000; *Лыкошина Л.С.* «Левый выбор» Польши и перспективы социал-демократии. М., 2003.
2. *Dudek A.* Historia polityczna Polski. 1989–2005. Kraków, 2007.
3. *Partie i koalicje polityczne III Rzeczypospolitej.* III wyd. Wrocław, 2004.
4. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3-х т. М., 2002. Т. 3. Трансформации 90-х годов. Ч. 2.
5. *Partie polityczne: permanentne problemy.* Kielce, 2005.
6. *Studia Europejskie.* 2004. № 2.
7. *Международная жизнь.* 2005. № 11.
8. *Ogłaszamy powołanie Socjaldemokracji Polskiej. Deklaracja programowa uchwalona w dniu 26 marca 2004 r.* // <http://www.sdpl.pl/index.php/ida/116> (последнее посещение 11.11.2013 г.).
9. *Lewica w praktyce rządzenia. Problemy wybrane.* Toruń, 2010.
10. *Polityka.*
11. *Sieklucki D.* Partie lewicy i centrolewicy w polskim systemie partyjnym. Aktywność SLD, PSL i UP na polskiej scenie politycznej. Kraków, 2006.
12. *Zbiór podstawowych dokumentów z działalności Sojuszu Lewicy Demokratycznej w okresie 29 maja 2005 – 1 czerwca 2007.* Warszawa, 2007.
13. *Михалев О.Ю.* Правые у власти / Аналитические обзоры Центра изучения Центральной и Восточной Европы. Воронеж, 2006. Вып. 1.
14. *Polska lewica u progu XXI wieku. Wybrane aspekty.* Wrocław, 2008.
15. *Piasecki A.* Wybory w Polsce. 1989–2011. Kraków, 2012.
16. *Metro.* 2008. 27 X.
17. *Rzeczpospolita.* 2010. 23 IV.
18. *Cazeta Wyborcza.*
19. *Wybory 2011. Partie i ich programy.* Warszawa, 2013.
20. *Preferencje partyjne w październiku. Komunikat badań CBOS BS/140/2013.* Warszawa, 2013. S. 3. (http://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2013/K_140_13.PDF) (последнее посещение 15.11.2013 г.)

© 2014 г. Л.С. ЛЫКОШИНА

ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬШЕ

Рассматриваются основные направления исторической политики в современной Польше, неоднозначный подход к празднованию годовщин некоторых исторических событий, в частности восстания 1863 г., Дня независимости 11 ноября. Анализируются различия в исторической политике основных политических партий: «Гражданской платформы» и «Право и справедливость» в контексте политической борьбы.

Main directions of historical policy in modern Poland and ambiguous approach to some anniversaries of the historical events (1863 uprising or November 11 independence Day, for example) became the subject of the present study. It also analyzes some existing differences in the historical policy of the main political parties: «Civil platform» and «Law and Justice» in political struggle context.

Ключевые слова: Польша, историческая политика, восстание 1863 г., День независимости 11 ноября, Д. Туск, Б. Коморовский, Я. Качиньский.

Строки Ю. Словацкого «Шли, крича, Польша, Польша...», написанные в XIX в. часто приводятся в разном контексте современными польскими авторами: историками, социологами, публицистами, политиками. Слова классика польской литературы вполне соответствуют нынешней польской действительности, особенно, если вспомнить их продолжение: Бог, взглянув с небес на идущих поляков, спросил: «А какая Польша?». Поиски ответа на этот вопрос содержатся, в частности, в проводимой в стране исторической политике.

Термин «историческая политика» приобрел особую популярность в Польше с середины 2000-х годов, будучи позаимствованным из немецкого общественно-политического дискурса. Понятие исторической политики связано с проблемой исторической памяти, привлечшей внимание ученых в 20-е годы XX в., и приобрел особую популярность в 80-е годы того же века. В Польше исследование исторической памяти связано, прежде всего, с именем Н. Ассородобрай, которая еще в 60-е годы XX в. использовала термин «историческое сознание». Серьезная роль в изучении данной проблематики принадлежит также Б. Шацкой, продолжившей дело Ассородобрай, а также таким польским исследователям, как Р. Траба, А. Новак, М. Чихоцкий, З. Краснодебский, Е. Едлицкий, Л. Нияковский. Перечисленные авторы отнюдь не являются единомышленниками, а проблемы исторической памяти и исторической политики относятся к числу наиболее спорных и неоднозначных.

Если рассматривать историческую политику как фактор формирования исторического сознания, то следует признать тесную взаимосвязь означенных понятий.

Общим местом является констатация факта, что историческое знание отличается от исторического сознания. Для последнего весьма характерны элементы селективности и эмоциональная окрашенность. Очевидно, что любое государство заинтересовано в том, чтобы историческое сознание максимально соответствовало интересам правящей элиты. В качестве инструмента для достижения этой цели и используется историческая политика. Сколько бы ни говорилось о неправомерности таковой, можно констатировать, что историческая политика существует в любом государстве и даже декларативный отказ от нее тоже означает определенную историческую политику.

После 1989 г. в Польше, по сути, сформировалось два основных направления исторической политики: либеральное и консервативное. Причем не историки, а скорее публицисты, СМИ и определенные политические силы определяют облик исторической политики. Главным адептом необходимости активной исторической политики в нынешней Польше является партия «Право и справедливость» (ПиС) и ее лидер Я. Качиньский, представляющие консервативное направление¹. Соответственно в период пребывания этой политической формации у власти², именно консервативное направление было определяющим. В программе ПиС, принятой в 2004 г., содержалось положение о необходимости исторической политики. Причем идеологи ПиС исходили из того, что до них исторической политики не было, а была скорее политика «национальной амнезии», которую проводили, в частности, «первый некоммунистический премьер» Т. Мазовецкий с его «политической жирной чертой», президент А. Квасьневский, выдвинувший лозунг «выберем будущее», А. Михник и его либеральная «Gazeta Wyborcza». Предлагаемая ПиС версия исторической политики основана на отказе от «критического патриотизма», восходящего к идеям Я.Ю. Липского, и, как полагает Р. Траба, опирается на ценности «этнического патриотизма» XIX в. [1].

Покойный президент Л. Качиньский огромное внимание уделял исторической политике. Именно он был инициатором создания Музея Варшавского восстания, поддерживал деятельность Института национальной памяти³. Я. Качиньский, позиционируя себя наследником дела брата, настаивает на своей версии исторической политики, которая должна утверждать положительный, духоподъемный образ польского народа. Я. Качиньский предлагает даже создать при польских посольствах своеобразные «антидиффамационные центры», которые отслеживали бы и быстро реагировали на все попытки опорочить польскую историю и вообще образ Польши, усматривая прекрасный образец такого рода политики в деятельности Израиля.

По мысли идеологов ПиС, пока у власти остаются антипольские правительство и президент, нужно создавать некое параллельное, альтернативное общество со своей прессой, своей системой образования, своей идеологией. Примечательно, что в последней все более отчетливо видны следы идеологии Романа Дмовского. В документах ПиС апелляция к духовному наследию эндеции очевидна. Катего-

¹ Следует отметить, что в 2003 г., когда ПиС активно поддерживала идею обновления государства, «моральной революции», укрепления патриотизма, приоритет этих ценностей отстаивала и «Гражданская платформа» (ГП).

² ПиС преобладала в сейме в 2005–2007 гг. В 2005–2010 гг. Лех Качиньский был президентом Польши.

³ Институт национальной памяти (ИНП) был создан в 1998 г. на базе Главной комиссии по расследованию преступлений против польского народа. ИНП финансируется из государственного бюджета. Главу ИНП назначает и отзывает сейм. В рамках института функционируют Бюро предоставления и архивирования документов, Бюро общественного образования, Люстрационное бюро. ИНП занимается сбором и обработкой документов органов государственной безопасности периода ПНР, расследованием нацистских и коммунистических преступлений, образовательной деятельностью. Главный офис ИНП находится в Варшаве. В 11 городах открыты отделы Института, в семи городах – делегатуры. Институт осуществляет масштабную издательскую деятельность.

рия народа, рассматриваемая как некая высшая непререкаемая ценность, которую надо защищать от «чужих» и от «врагов», ставится во главу угла. Причем главные враги внутри самой Польши: это нынешнее руководство страны.

Для борьбы за воплощение в жизнь своих идей ПиС располагает достаточно мощными средствами, прежде всего серьезной интеллектуальной базой, в частности, в виде различного рода исследовательских центров. В Варшаве действует Институт Собеского, возглавляемый П. Шаламахой, некогда работавшим в правительстве ПиС. Формально Институт не связан ни с какой политической партией. Но в реальной жизни его сотрудники и эксперты разрабатывают для ПиС программные документы, проводят экспертизы. В Кракове создан Ягеллонский институт, возглавляемый профессором В. Рошковским – историком и экономистом, связанным с ПиС, в Люблине институт им. Казимира Великого. ПиС поддерживает одна из наиболее популярных в стране газета «*Rzeczpospolita*», «*Gazeta Polska*», праворадикальный еженедельник «*Uważam Rze*». «Право и справедливость» широко представлена в Интернете не только на своем официальном сайте, но и в Твиттере, на многих сайтах и в блогах. Одна из самых консервативных польских партий едва ли не успешнее всех других пользуется новейшими техническими средствами⁴. Главным объектом исторической политики в нынешней Польше является период социализма, но это не означает, что другие исторические периоды остаются вне поля влияния ее адептов.

Понятие «историческая политика» включает комплекс мер, целенаправленно применяемых государством и политическим классом для формирования в обществе желательного (и отнюдь не всегда объективного) образа прошлого. Для достижения этой цели используются и финансовые рычаги, и контроль над СМИ и системой образования, и воздействие на общественное сознание посредством различного рода символических акций, в частности соответствующим образом организованных и эмоционально насыщенных праздничных мероприятий.

Именно последний аспект вопроса представляется особенно интересным и показательным в нынешней Польше в связи с организацией празднования в последнее время годовщин некоторых памятных дат. В эти дни особенно отчетливо проявились как отсутствие единства польского политического класса⁵ и общества в целом, так и стремление различных политических сил проводить свою «историческую политику», использовать историю для достижения политических целей.

В 2013 г. исполнилось 150 лет со дня Январского восстания 1863 г., события, вызывающего противоречивые суждения и споры как в прошлом, так и в наши дни. Кратко суть полемики можно выразить, вспомнив слова песни, популярной в годы восстания: кто-то видел главное в том, что «пошли наши в бой», а кого-то страшно раздражало, что «пошли наши в бой без оружия» (слова из одной и той же песни). «Что же идти-то, коль нет оружия. Сколько можно упиваться своими поражениями!» – с горечью вопрошают и в наши дни многие поляки, комментируя в Интернете многочисленные материалы, посвященные восстанию. «Свобода не завоевывается без крови!» – спорят с ними другие.

В январские дни 2013 г., размышляя о событиях 1863 г., некоторые поляки вспомнили о цехах, которые без восстаний и кровопролития стали независимым государством. Так, известный польский социолог Р. Марковский в радиointервью

⁴ Следует заметить, что ПиС пользуется поддержкой значительной части польского общества (по крайней мере 1/3), а рейтинги Я. Качиньского в последнее время неуклонно растут и в настоящее время (осень 2013 г.) опережают рейтинги главы правящей партии Д. Туска.

⁵ Как известно, политическая элита Польши, а также польское общество в целом в настоящее время расколота. В качестве противоборствующих выступают две политические силы: правящая партия «Гражданская платформа» во главе с премьером Д. Туском и во многом поддерживающий ее президент Коморовский, и с другой – «Право и справедливость» во главе с Я. Качиньским. Обе стороны представляют свое видение ситуации в стране, в том числе и в плане исторической политики.

заметил, что восстаний в Польше слишком много и он охотно поделился бы ими с чехами. Ему симпатична позиция Швейка, который сидел в пивной и пережидал, когда пронесутся мимо «все эти сумасшедшие» как с одной, так и с другой стороны. Конечно же, Марковский получил гневную отповедь: публицист П. Семка резонно заметил, что «переждать» не всегда удается и «пивные тоже горят» [2].

В межвоенной Польше участники восстания были окружены заботой государства: им платили пенсии, из ветеранов было сформировано специальное воинское подразделение, военные первыми отдавали им честь. А что нынешние поляки знают о восстании? Сохранилась ли память о нем? По данным социологов двое из трех поляков не знают, когда восстание началось, 31% не знает, как закончилось; 53% респондентов думают, что поражением, 11% – победой; 70% не знают, кто руководил восстанием. Только 17%, демонстрируя знание истории, правильно называют имя диктатора восстания Ромуальда Траугутта, 8% полагают, что восстанием руководил Костюшко, а 4% – Пилсудский. Почти половина респондентов не уверена в том, что восстание было нужно [3].

Но в отличие от многих соотечественников польский президент Б. Коморовский (как известно, историк по образованию, да еще и писавший диплом о Пилсудском) вслед за Первым маршалом твердо уверен в целесообразности и значимости восстания. Более того, как Пилсудский верил в то, что Январское восстание породило легионы и 1918 г., принеший свободу Польше, так и Коморовский верит в то, что Варшавское восстание (1944) породило 1989 г. и демократическую революцию в стране. Недаром в дни празднования юбилея восстания, проходившего под патронатом Коморовского, польский президент возложил венок к памятнику Польскому подпольному государству и Армии Крайовой, акцентируя тем самым связь между Январским восстанием и польским сопротивлением в годы Второй мировой войны [4].

Для Коморовского чрезвычайно важен мотив единения в период восстания поляков разных сословий и разных вероисповеданий, мотив совместной борьбы всех народов Речи Посполитой против общего врага – России. Для президента, древний род которого имеет литовские корни, особенно значимым представляется, что «Январское восстание явилось последним историческим аккордом той прекрасной многоязычной симфонии, которую веками исполняло польско-литовское государство. На повстанческих знаменах, печатях и гербе Национального правительства последний раз были вместе Белый орел, Погоня и Михаил Архангел» [5].

Но в настоящее время не у всех народов бывшей Речи Посполитой эти слова президента Польши вызывают умиление. Правда, в Литве 2013 год был объявлен годом Январского восстания, а вот в Белоруссии ситуация далеко не столь однозначна. Оппозиция призвала праздновать юбилей, усматривая в восстании славную страницу борьбы за национальную независимость, а официальный Минск отнесся к этому событию без особого энтузиазма. Так что «симфония» звучит не очень гармонично.

Коморовский полагает, что 150 лет – срок достаточный, чтобы забыть все распри, все споры между лидерами восстания, среди которых были, как известно, «красные» и «белые», т.е. умеренное и радикальное крыло. Тем более, что кто к какому лагерю относился, знают сейчас лишь профессионалы. Для остальных же все участники восстания стали «красно-белыми».

Акцентируя важность памяти о единении участников восстания, президент в ходе торжеств не раз напомнил соотечественникам, что за свободу Польши боролись не только представители разных национальностей, но и разных вероисповеданий, в том числе и иудейского.

Январские торжества в память о восстании 1863 г. наглядно показали реальный контекст, в котором польские политики пытаются реализовывать свое видение истории. Стремясь разрядить обстановку, Коморовский предложил отказаться от

термина «историческая политика», заменив его на более мягкий и примиряющий термин «историческая память», предполагающий стремление к примирению и взаимоуважению, к толерантности [6].

Достичь этих высоких целей в расколотом польском обществе весьма непросто. Ведь даже юбилей восстания стал поводом для новых залпов «польско-польской войны», уже не первый год идущей в стране и особенно обострившейся после трагической гибели президента Л. Качиньского. Я. Качиньский, исходя из своего видения истории, пытается создать некую «другую», «настоящую», Польшу. В День независимости 11 ноября 2012 г. лидер «Права и справедливости» в Кракове провел свой марш: подобно Коморовскому он с группой единомышленников почтил память Иоанна Павла II, Пилсудского и Леха Качиньского, похороненного на Вавеле, возложил цветы к их памятникам и произнес при каждом возложении слова, соответствующие моменту.

В январские дни 2013 г. Качиньский организовал свое празднование юбилея восстания: «Право и справедливость» провела свои памятные мероприятия, открыла свои выставки и организовала свои научные конференции, аргументируя свою позицию тем, что «глава польско-российского кондоминиума» (как подчас называют Туска его политические противники) не согласился даже признать 2013 год годом Январского восстания, а его партия «Гражданская платформа» заблокировала принятие соответствующего решения сеймом⁶.

В сейме все необходимые памятные акции были реализованы: жертв восстания почтили минутой молчания, приняли постановление, подготовленное «Правом и справедливостью», в котором отмечался антироссийский и национально-освободительный характер восстания, и совместная борьба всех народов Речи Посполитой. Премьер Туск, выступая в сейме, особо подчеркнул роль восстания как «фундамента польского видения независимости», отметив при этом «трагический баланс» восстания, приведшего к многочисленным жертвам [7].

Но защитники исторической памяти из лагеря «Права и справедливости» не верят Туску, считают, что он просто боится раздражать Россию, да и вообще боится взрыва народного негодования, ведь после Варшавского восстания через тридцать с небольшим лет возникла «Солидарность», а после «Солидарности» тоже прошло уже тридцать три года...

В высказываниях по поводу восстания 1863 г. Я. Качиньский особенно подчеркивал значимость той моральной революции, которая восстанию предшествовала. Именно моральная революция, по мнению главы «Права и справедливости», нужна сейчас полякам, ибо только она позволит избавиться от антипольского правительства Туска и создать «настоящую» IV Речь Посполитую взамен неудавшейся ныне существующей III Речи Посполитой.

Эпатирующий общество Я. Паликот, глава собственной партии «Движение Я. Паликота», в январские дни 2013 г. выступил с традиционных для него антикатолических позиций, призвав «покончить с догматом о том, что Католическая церковь всегда была на стороне Польши» [8]. Паликот убежден, что церковь всегда отстаивала только свои собственные интересы и интересы Ватикана, а если некоторые ксендзы и поддержали восстание, то сделали это по принуждению. А польские социал-демократы вообще считают, что нечего упиваться столь давней историей, надо объявить 2013 год годом Эдварда Герека, столетие которого как раз совпадает с этой датой. Ведь именно при Гереке, в 70-е годы XX в., Польша

⁶ Соответствующее постановление еще в 2012 г. принял сенат. Сенаторы, возглавляемые Б. Боровичем (который так же, как и президент Коморовский и премьер Туск историк по образованию) почти единогласно приняли данное решение: лишь двое воздержались при голосовании. Против же выступил только один независимый сенатор – К. Кутц, считающий, что в истории следует искать события, придающие энергию и бодрость ныне живущим поколениям, а не упиваться мартирологией.

достигла больших успехов, а уровень жизни поляков заметно повысился. Негоже отдавать историю на откуп «Праву и справедливости», считает глава польских социал-демократов Л. Миллер, заявляющий, что «у нас тоже есть свои герои!»

Новые, непривычные для поляков, склонных скорее к торжественно-мариологическому видению истории, мотивы празднования внес Коморовский в организацию акций, связанных с Днем конституции и Днем флага (2 мая 2013 г.). Президент пытался придать торжествам неофициальный, веселый характер, призывая поляков не забывать, что «праздники для того и существуют, чтобы их праздновать». Но позитивный и несколько «облегченный» настрой президента не встретил однозначного одобрения польского общества.

Судя по реакции пользователей Интернета, не всем полякам понравился и шуточный тон президентского видения празднования Дня конституции. Шоколадный орел как символ Польши и розовые, а не красно-белые цвета листовки с шуточными, но вполне патриотическими стихами, разбрасываемыми над Варшавой, смутили сердце ни одного поляка.

За умиротворяющим и объединяющим стремлением к утверждению «исторической памяти» польского президента нельзя не увидеть и настоящую «историческую политику». Правда, она имеет скорее не внутреннюю, а внешнюю направленность. Коморовский в дни исторических торжеств, в частности отмечая юбилей Январского восстания, неоднократно подчеркивал общее прошлое поляков, литовцев, белорусов – одним словом всех народов, некогда входивших в состав I Речи Посполитой, призывая не забывать эту общность и выражая надежду на то, что она поможет проведению общей политики в настоящем, общему стремлению к европейской интеграции.

Пожалуй, наиболее ярко разное видение сущности нынешней Польши и сути исторической политики проявилось в дни празднования Дня независимости 11 ноября. Наиболее бурно эту дату праздновали в 2011 г. Некогда Е. Гедройц, редактор издаваемого в Париже в годы социализма и очень популярного среди оппозиционно настроенной польской интеллигенции журнала «Kultura», говорил, что польская политика управляется «двумя гробами»: Пилсудского и Дмовского, акцентируя внимание на той особой роли, которую играет история в общественном сознании поляков. Время двух самых известных политиков межвоенной Польши, по-разному представлявших польскую независимость, давно миновало, но (с известной долей условности) можно сказать, что спор между ними все еще продолжается, принимая, конечно, современное обличье и обретая новые нюансы.

В соответствии со сложившейся традицией, 11 ноября 2011 г. были и речь президента, и возложение венков к могиле Неизвестного солдата, и призывы к единству и патриотизму. Многие варшавяне в это день не смогли сдержать слез. Но, скорее, не от чувства радости и умиления, а от слезоточивого газа, примененного полицией во время столкновения участников и «групп поддержки» двух акций, проходящих в этот день: «Марша независимости» и «Цветной независимой».

Среди нескольких тысяч участников марша были представители Национально-радикального лагеря, Всепольской молодежи (истоки обеих организаций восходят к достаточно радикальному направлению Национальной демократии), многочисленных патриотических и католических организаций, сторонники консервативной «Gazety Polskiej», активисты «Солидарных 2010», свято верящих в то, что президент Л. Качиньский погиб в апреле 2010 г. в результате происков России. Были ветераны Армии Крайовой и многие жители столицы, стремящиеся отметить этот праздник скорее под патриотическими, чем под какими-либо другими знаменами. В колоннах шли участники групп исторической реконструкции в костюмах разных эпох, символизирующие славные страницы польской истории, были и некоторые политики и журналисты, симпатизирующие правой идее. Шли в колонне и футбольные фанаты, вряд ли слишком озабоченные патриотическими идеями.

Незадолго до 11 ноября организаторы марша заявляли, что они выведут на улицы столицы 11 тысяч патриотов, разделяющих национально-радикальные, консервативные, правые взгляды и стремящиеся к созданию Польши «свободной как от социализма, так и от демолиберализма». Марш был вполне законный, мирный и согласованный с властями. Путь его пролегал через центральные улицы города к памятнику Р. Дмовскому. Однако дойти до памятника участникам марша не удалось: путь им преградили сторонники другой акции – «Цветная независимая», проходящей в этот день в Варшаве под эгидой левых и антифашистских организаций, объединившихся в Соглашение 11 ноября, еще в преддверии праздника уведомивших общественность о своей готовности противостоять «коричневому шовинизму».

Акция «Цветной независимой» носила подчеркнuto наднациональный, мультикультурный характер (отсюда и название «цветная», «разноцветная независимая», а не польская красно-белая) и проходила в виде концерта на одной из варшавских площадей. Но песни и музыка не смогли умиротворить некоторых решительно настроенных групп варшавской молодежи, готовых вступить в бой скорее ради самого боя, чем ради идей.

День независимости не стал днем торжества демократии и плюрализма. Более того, он стал днем погромов и уличных боев. Столкновения националистов и левых (при всей условности этих определений) происходили 11 ноября и в предыдущие годы, но никогда прежде они не носили столь яростный характер: итогом противостояния стало более 200 задержанных полицией, десятки раненых, разбитые кинокамеры и машины телевизионщиков.

Основной «движущей силой» погрoма были не левые интеллектуалы и не идейные наследники Дмовского. Они не кидали камни и не били противников палками по голове. Это делали группы футбольных фанатов, анархисты, экстремисты из языческого объединения «Задруга» и просто хулиганы, ищущие повод поиграть мускулами. Но их действия стали следствием идейного противостояния левых и правых. Не все читают Маркса или Дмовского, но практически все пользуются Интернетом и видят расклеенные плакаты. Антифашисты и левые еще в 2010 г. грозились заблокировать ставший уже традиционным марш правых. Накануне праздника город был заклеен плакатами с надписью «блокировали, блокируем и будем блокировать». И хотя блокада по мысли организаторов должна была носить мирный характер, в Интернете были предусмотрительно размещены инструкции о том, как вести себя в случае столкновений с полицией. Инструкции пригодились: антифашисты действовали достаточно жестко: в ход пошли и палки, и камни, и баллончики с газом и пульверизаторы с краской («пусть варшавяне знают, что “меченые краской” – фашисты!» – объясняли они позже свои действия). Сами борцы с фашизмом не стремились к излишней популярности: их лица были нередко скрыты масками. Интересно, что в ряды польских антифашистов влились их соратники из Германии, которые вели себя очень активно и по-боевому, не стесняясь применять силу. Потесненные с варшавских улиц немецкие борцы с фашизмом нашли приют в редакции журнала «*Krytyka Polityczna*», **вокруг которого** объединяются польские левые интеллектуалы, во главе с С. Сераковским. Но в этот день левые показали, что они способны применить против политических противников не только интеллектуальную силу, но и нечто более грубое: во всяком случае, когда их немецкие единомышленники покинули редакцию, полиция обнаружила там и кастеты, и палки. Правые обвинили именно журнал в том, что польский «марш независимости» был атакован немцами. Возмущенный Я. Качиньский потребовал выдворения редакции из арендуемого ей здания в самом центре Варшавы. Но сами левые категорически отрицают свою причастность к появлению немцев в Варшаве, доказывая, что антифашисты всей Европы всегда готовы проявить солидарность. За журнал «*Krytyka Polityczna*» вступилась вся

польская интеллектуальная элита: с открытыми письмами в ее защиту выступили и писатели, и кинематографисты во главе с А. Вайдой, и художники.

В противостоянии с «Маршем независимости» приняли участие известные польские политики: Я. Паликот, триумфально вошедший в польский сейм последнего созыва главным образом благодаря своему откровенному антиклерикализму, социал-демократ Р. Калиш, ветеран демократической оппозиции С. Блюмштайн.

События этого дня очень напоминали обстановку в стране в межвоенный период, столкновение сторонников разных политических сил, действовавших в то время. С тех пор прошло уже много лет, и многое изменилось в мире. Нынешние правые отнюдь не всегда готовы стать под знамена Р. Дмовского. Уж если и заявляют о своей приверженности к кому-то из политиков II Речи Посполитой, то только к Ю. Пилсудскому. Именно он кумир и президента Коморовского, и премьера Туска, и Я. Качиньского. Нет в нынешней Польше оснований для реального антисемитизма (в разжигании которого обвиняют Дмовского), так как практически нет евреев. Нет и реальной угрозы фашизма. Вряд ли можно говорить и о реальной угрозе польской национальной идентичности со стороны «врагов польского народа» и «врагов костела», к которым причисляют представителей сексуальных меньшинств, иммигрантов, атеистов. Но нет, вместе с тем, единого и сплоченного польского народа. Страна разделена, что в полной мере продемонстрировали последние президентские и парламентские выборы. Идет «польско-польская война» скорее между сторонниками модернистской и проевропейской концепции развития и приверженцами консервативной, национально-католической концепции.

В день празднования очередной годовщины Дня независимости 11 ноября 2012 г. вопрос вновь приобрел остроту. Правда, не в той степени, как это было в 2011 г. Праздник прошел значительно спокойнее, хотя не обошлось без раненых, арестов, столкновений с полицией и просто уличных драк. Но масштаб был не тот. Не стоит думать, однако, что поляки обрели сплотившую народ национальную идею. Просто в этот день было как бы несколько праздников, разведенных при помощи сил правопорядка во времени и в пространстве.

Самым мирным и спокойным был марш президента Бронислава Коморовского, который не ограничился традиционным возложением венков к могиле Неизвестного солдата, а избрал другой сценарий: возглавил колонну в несколько тысяч варшавян, принявших лозунг президента «Свобода прекрасна, она принадлежит всем нам». Многие из единомышленников президента со значками с надписью «Я иду с Бронексом» приняли участие в марше, особый колорит которому придавали группы исторической реконструкции и чудом сохранившийся танк времен польско-советской войны 1920 г. Маршрут движения колонны вполне соответствовал избранному лозунгу. Марш прошел по Королевскому шляху (т.е. центральными улицами Варшавы) от памятника Пилсудскому на площади его имени до памятника Начальнику государства у Бельведера. Под звуки «Первой бригады» – марша легионов Пилсудского президент и потомки маршала возложили цветы к его монументу.

На пути следования марш независимости делал остановки у памятников заслуженных поляков, во время которых произносились речи и звучала музыка: у памятника «примасу тысячелетия» С. Вышиньскому, и лидеру крестьянского движения межвоенной Польши В. Витосу, и Главному коменданту Армии Крайовой С. Гроту-Ровецкому, и премьеру Польши И. Падеревскому, подписавшему Версальский договор, и, наконец (что случилось впервые в истории страны), у памятника Р. Дмовскому. Более того, Б. Коморовский выразил сожаление, что в Варшаве нет памятника И. Дашиньскому, представляющему польскую социалистическую мысль.

Идиллии, однако, не было. Пафос единения во имя Польши пытались сбить группы противников президента, на каждой остановке марша разворачивавшие транспаранты с упреками по поводу слишком мягкого отношения главы польского государства к абортам, потворству сексуальным меньшинствам, низкопоклонству перед Евросоюзом. Не обошлось, конечно, и без смоленской темы и обвинений в покушении на жизнь Л. Качиньского. Тем более, что буквально накануне Дня независимости отмечался день памяти смоленской катастрофы (что происходит 10 числа каждого месяца) и Я. Качиньский вновь призывал биться за правду до конца и разоблачить заговор. Главу ПиС не остановило даже недавнее высказывание З. Бжезинского, призвавшего отказаться от «вздорных бредней о покушении» в связи в появившейся в газете «Rzeczpospolita» статье о якобы найденных следах взрывчатых веществ на обломках разбившегося самолета. Качиньский уверен, что обретение правды близко, как никогда, а измена нынешних польских руководителей очевидна. В связи с Днем независимости Качиньский еще раз напомнил соотечественникам, что независимость не продается, хотя не преминул заметить, что надо решительно противостоять попыткам ЕС урезать польский бюджет, ведь деньги положены полякам, хотя бы потому, что у них такая трагическая история.

Лидер ПиС отмечал День независимости в Кракове. У него был свой марш и свои герои: подобно Коморовскому он с группой единомышленников почтил память Иоанна Павла II, Пилсудского и Леха Качиньского, возложив цветы к их памятникам и произнеся соответствующие слова.

По-своему отмечали праздник польские националисты, считающие этот праздник своим, хотя в межвоенной Польше именно они обвиняли Пилсудского во всех смертных грехах и никоим образом не приветствовали празднование 11 ноября. В 2012 г. радикально настроенным националистам трудно было в бою доказать свою любовь к Польше: не на кого было обрушить праведный гнев, ведь их политические противники уже завершили празднование. Тем не менее, вопреки недавно принятому закону, группы решительно настроенной молодежи применяли пиротехнику, нашли повод столкнуться с полицейскими и с попавшими под горячую руку гражданами, в результате чего более 100 человек было арестовано. В колоннах националистов были разные люди: и вполне солидные и серьезные сторонники идеи национального развития Польши, и радикальные Всепольская молодежь и Национально-радикальный лагерь. «Роман Дмовский – освободитель Польши», – скандировали участники марша.

Нынешнее польское руководство радикальных националистов никоим образом не устраивает. На транспарантах были обвинения и угрозы в адрес Туска и Коморовского, обещания «не забыть Смоленск». Звучала «Рота» (польская патриотическая песня на слова М. Конопницкой, написанная в 1908 г. и очень популярная в свое время).

Р. Винницкий, лидер Всепольской молодежи, по завершении марша заявил о создании Национального движения, с целью ликвидации нынешней III Речи Посполитой, как воплощения предательства «круглого стола» (как известно, именно в результате соглашений «круглого стола» в 1989 г. произошла смена политического и экономического строя в Польше, но и по сей день немало поляков считают это соглашение преступным сговором с коммунистами). Винницкий полагает, что нынешняя Польша – колония Евросоюза, а политика властей антинациональна и с ней надо решительно бороться, ибо среди властной элиты нет достойных лидеров, даже Я. Качиньский не может рассматриваться в качестве такового, ведь он не использовал свой шанс, отдал власть и не сумел изменить Польшу.

Национал-радикалы настроены более решительно, чем Всепольская молодежь. Организация во время своих акций выдвигает требования, далекие от просвещенного национализма, требуя вернуть Польше Львов и Вильнюс, расправиться с

сексуальными меньшинствами так же, как «Гитлер с евреями». Лидер национал-радикалов П. Холехер твердо обещает, что в случае их победы «не будет никакой жирной черты» и все получат по заслугам.

Роман Гертых (ныне уже несколько подзабытый польский политик, несколько лет назад возглавлявший националистическую партию «Лига польских семей», бывший министр образования при президенте Л. Качиньском) весьма резко отозвался о своих недавних политических единомышленниках, назвав, в частности, Национально-радикальный лагерь «антисистемными сопляками», недостойными и произносить имя Дмовского (семья Гертыхов традиционно поддерживала национальных демократов, а дед Романа, Енджей, был близким другом и единомышленником Дмовского). Сам тезка идеолога польского национализма в День независимости шел под другими знаменами, присоединившись к президентскому маршу.

Националисты с большим интересом относятся к венгерскому опыту, успеху националистической партии «За лучшую Венгрию», стараясь во всем подражать своим единомышленникам.

В этот день по Варшаве прошел и еще один, собравший несколько сотен сторонников марш под лозунгом «Фашизм не пройдет». Собравшись у памятника Героев варшавского гетто, члены «Соглашения 11 ноября» (объединяющего антифашистов, сторонников равенства сексуальных меньшинств, некоторые профсоюзные организации, анархистов) прошли по своему маршруту с антinationалистическими и антифашистскими лозунгами, скандируя иногда нечто провокационное, типа «Словацкий тоже был геем». Без уличных столкновений не обошлось, но они были весьма незначительны.

Польские антифашисты не являют собой некий идейный и организационный монолит. Это несколько группировок, весьма немногочисленных (в целом по стране речь может идти о нескольких сотнях участников движения). Они отнюдь не были в центре внимания СМИ и общественности вплоть до прошлого года, когда вместе с боевиками из немецкой Антифы и польскими левыми, связанными с «Krytykoi Polityczna» спровоцировали массовые беспорядки в Варшаве. Некоторые польские антифашисты решительно не хотят, чтобы их называли Антифа, считая эту организацию левацкой, других же Антифа никоим образом не отталкивает.

Так что же праздновали поляки 11 ноября? К какой цели шли по Варшаве, да и по другим городам Польши колонны демонстрантов? Совершенно очевидно, что для некоторых политических сил в Польше 11 ноября отнюдь не праздник, а суровые будни политической борьбы, когда можно заявить о себе и погрозить кулаком правящей элите.

Конструктивной представляется позиция польского президента, который пытается отдать должное всем борцам за независимость страны, невзирая на разницу политических взглядов. Польша, как и любая другая страна, нуждается именно в таком подходе к прошлому, когда история остается историей, не превращаясь в орудие современной политической борьбы. Особенно примечательно, что Б. Коморовский, никогда не проявлявший симпатий к идеологии национальной демократии, отметил и заслуги Романа Дмовского, тем самым если и не выбив оружие из рук своих политических оппонентов, то серьезно это оружие притупив.

Таким образом, проявления исторической политики, как празднование исторических годовщин в современной Польше, свидетельствуют о том, что на вопрос Словацкого: «Какая Польша?» ныне живущие поляки так и не нашли общего ответа. Возможно, это нормально для демократического государства, но некоторые крайние формы плюрализма видения истории и современности не могут не вызывать тревоги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Traba P.* Польские споры об истории в XXI веке // <http://polit.ru/article/2010/02/03/traba/>
2. *Semka P.* Piwiarni też płoną // <http://www.rp.pl/artykul/976640-Piwiarnie-tez-plana-html>
3. Powstanie? A kto wygrał? // <http://wyborcza.pl/2029020,76842,13271641.html>.
4. *Komorowski B.* List prezydenta na uroczystym odsłonięciu pomnika w Lublinie // <http://www.prezydent.pl/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta/inne/art,434,list-prezydenta-na-uroczystym-odslonieczu-pomnika-w-lublinie.html>
5. *Komorowski B.* List prezydenta na obchodach rocznicy Powstania Styczniowego we Lwowie // <http://www.prezydent.pl/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta/inne/art,436,list-prezydenta-na-obchodach-rocznicy-powstania-styczniowego-we-lwowie.html>
6. *Komorowski B.* Wywiad prezydenta dla TVP Historia // <http://www.prezydent.pl/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta/wywiady/art,170,prezydent-w-tvp-historia-o-znaczeniu-powstania-styczniowego.html>
7. *Tusk D.* Powstanie Styczniowe “fundamentem myśli niepodległościowej” // <http://www.rp.pl/artikul/972762.html?print=tak&=0>
8. *Palikot J.* Powstanie styczniowe // <http://palikot.blog.onet.pl/2013/01/22/powstanie-styczniowe/>

© 2014 г. А.И. ФЕДУТА

ЧИТАТЕЛЬ В СОЗНАНИИ АВТОРА-БИЛИНГВА (НА МАТЕРИАЛЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР ВТОРОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА)

В статье рассматривается проблема перехода писателей восточнославянских народов (Григорий Квитка-Основьяненко, Винцент Дунин-Марцинкевич) от творчества на доминирующем – русском и польском – литературном языке к творчеству на национальном языке – украинском и белорусском. Указывается на связь жанра и тематики их произведений с языком потенциальной читательской аудитории.

This article deals with the problem of how eastern-Slavic writers, such as Hryhory Kvitka-Osnovyanyenko, or Wincenty Dunin-Marcinkiewicz, were turning from the dominant language, be it Russian or Polish, to writing in their national language, Ukrainian, or Belorussian. It is stressed, that the genre and thematic of their works were connected with the language of their potential readership.

Ключевые слова: автор, адресат, Квитка-Основьяненко, Дунин-Марцинкевич, язык, нация, билингвизм.

Проблема восприятия автором читательской аудитории усложняется, когда речь заходит об авторах, пишущих на чужом языке или на нескольких языках¹. Если говорить о литературном процессе первой половины XIX в., показательной можно считать позицию Гр.Ф. Квитки-Основьяненко, писателя второго ряда пушкинской эпохи – если говорить о русской литературе – и признанного родоначальника украинской прозы нового времени. Однако двуязычная специфика его творчества в интересующем нас аспекте практически не рассматривалась, несмотря на то, что вопрос напрашивался сам собой – два разных языка в данном случае, на наш взгляд, предполагали разные читательские аудитории².

Гр. Ф. Квитка, судья из г. Харькова, изначально позиционировался в своем русскоязычном литературном творчестве как писатель-провинциал или как «этнографический» писатель. Лоббируя публикацию своих произведений в столичных журналах и прохождение их через цензуру, Квитка всячески подчеркивает свою причастность именно к русскому литературному процессу: «С восторгом читаем “Рославлева” и гордимся, имея собственные свои романы, не уступающие, но по

Федута Александр Иосифович – канд. филол. наук, доцент Европейского гуманитарного университета (Вильнюс).

¹ Очевидно, что, например, русскоязычное творчество В. Сирина и англоязычное творчество писавшего на русском языке под этим псевдонимом В.В. Набокова имеют различных адресатов – с различным жизненным и культурным опытом. Обратная сторона этой же проблемы – идентичность авторов, публикующихся под несколькими псевдонимами, например Эмиль Ажар и Ромен Гари.

² Скажем, в отличие от французских стихов А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева и А.К. Толстого, на наш взгляд, вовсе не предполагавших некоего отличного от своей повседневной читательской аудитории читателя-«франгуза». Наоборот: двуязычные писатели ориентировались на двуязычных читателей.

общему признанию превосходящие из иностранных отличные» [1. Т. 7. С. 191]. «Граф Бенкендорф отнесся ко мне, прося статьи в альманах В.А. Владиславлева на 1840 год, издаваемый с благотворительною целью. Я выслал» [1. Т. 7. С. 219]. «Приятно было для меня извещение Ваше, что Николай Алексеевич г. Полевой обратил на меня внимание. Чтя талант его, дорожа суждениями такого человека, отзыв его в «С[ыне] О[течества]» очень лестен для меня. Как русский благодарен в особенности за все труды его; след[овательно], расположение его и доброе слово о моих слабых занятиях приятны [...]» [1. Т. 7 С. 225]³.

Вместе с тем, существует серьезный аспект: позиционирующийся как «провинциальный» и «этнографический» литератор, Квитка вынужден активно использовать украиноязычные вкрапления – скажем, в наиболее известном его драматическом произведении, комедии «Шельменко-денщик», заглавный герой говорит на украинском языке, в то время, как остальные – на русском. Украинский язык становится для Квитки своего рода маркером: Шельменко выступает как представитель народа, защищающий право своего господина и его возлюбленной на свободное чувство. Несмотря на кажущуюся близость языков и культур, Квитка вынужден интересоваться у М.П. Погодина (письмо от 10 июня 1831 г.): «Хотел было [...] послать Вам моего “Шельменка”, отданного за плутовство в рекруты, но еще не получил разрешения от цензуры на выпуск его в публику. По выпуске обязан буду препроводить его к Вам, как моему покровителю. Не знаю, понятен ли Вам малороссийский простонародный язык? Что Вы про “Шельменка” скажете? А наши земляки им довольны» [1. Т. 7. С. 191]⁴.

Вопрос о существовании украинского языка и возможности создания художественной литературы на украинском языке был далеко не надуманным. Формально украинский язык в тот период существует в определенных кругах публики. Как отмечает Е.П. Гребенка (письмо Н.Н. Новицкому от 7 марта 1834 г.), «Петербург есть колония образованных малороссиян. Все присутственные места, все академии, все университеты наводнены земляками, и при определении человека на службу малоросс обращает особенное внимание как *un homme d'ésprit*» [3. Т. 3. С. 566], а «государыня выезжает четверкою лошадей, и на запятках наши два малороссийские камер-казака. Государь часто, говорят, шутит с ними на малороссийском языке» [3. Т. 3. С. 567]. Но хотя такая благотворительность к украинцам действительно имела место (начиная с конца XVIII в., когда выходцы из Малороссии играли большую роль в политической жизни страны, и в особенности после польского восстания 1830–1831 гг., в противовес нелояльным полякам – вплоть до возникновения у властей подозрения в возможности и украинского, а не только польского сепаратизма) (см. [4. С. 62–88]), статус украинского языка как языка литературного подвергался сомнению. Так, Квитка в письме П.А. Плетневу (от 15 марта 1839 г.) сообщает: «По случаю, был у меня спор с писателем на малороссийском наречии. Я его просил написать что-то серьезное, трогательное. Он мне доказывал, что язык неудобен и вовсе не способен. Знав его удобство, я

³Позиция Н.А. Полевого по вопросу о литературной пригодности украинского языка была жесткой: он был убежден, что по-настоящему талантливый человек может и должен писать исключительно на русском языке. В опубликованной в редактируемом им «Сыне Отечества» рецензии на издание «Кобзаря» (1840 г.) анонимный рецензент (по мнению Г.Ю. Грабовича – сам редактор) пишет: «[...] пусть однако ж и люди сомнительного дарования пишут, как им угодно: г-ну Гребенке, например, можно даже посоветовать писать по-малороссийски: и ему славнее, и русским писателям легче. Но жаль видеть г-на Шевченка, когда он уродует мысль и русский язык, подделываясь под *хохлацкий лад!* У него есть душа, есть чувство, и его русские стихи, вероятно, могли бы прибавить долю хорошего в нашу настоящую русскую поэзию» [2. С. 4].

⁴Показательно, что написавший основной корпус своих драматических произведений на литературном польском языке В.И. Дунин-Марцинкевич самую знаменитую свою комедию – «Пинская шляхта» создаст не просто на белорусском, а на «пинчуцком» языке (пинский диалект белорусского языка).

написал “Марусю” и доказал, что от малороссийского языка можно растрогаться. Здешние предлагали мне напечатать, и я, предохраняя себя от насмешек русских журналистов, написал “Солдатский портрет”. Книгопродавец просил составить целую часть, я написал «Мертвецкий великдень». И так пошло далее, именно для одной забавы себе, веселого чтения с женою и видя, что землякам это нравится» [1. Т. 7. С. 215]. Н.И. Костомаров отмечал в «Автобиографии» Квитку, «поступившего в малорусские писатели уже около шестидесяти лет от рождения» [5. С. 454]⁵.

Прочитированные выше слова Квитки – очень примечательное откровение. В более раннем письме тому же П.А. Плетневу (8 февраля 1839 г.)⁶ Квитка рассказывает несколько иную версию своего прихода к творчеству на украинском языке: «Мне было досадно, что все летают под небесами, изобретают страсти, создают характеры, почему бы не обратиться направо, налево и не писать того, что попадает на глаза? Живя в Украине, приучаясь к наречию жителей, я выучился понимать мысли их и заставил их *своими словами* пересказать их публике» (цит. по [1. Т. 7. С. 214]). Иными словами, предмет повествования определил язык произведения. В новую, гоголевскую эпоху, фактически повторно дебютируя в литературе, Квитка не желает довольствоваться ролью провинциала, робко стучащегося в двери петербургских и московских редакций. Его не удовлетворяет реакция критики и публики: «Известность моих сказок разохотила здешних переложить их по-русски и совершенно по-русски, точно, как Вы желаете. Слушаем в чтении – и что же? Малороссы, не узнаем своих земляков, а русские... зевают и находят маскарадом; выражения – не свойственные обычаям, изъяснения – национальности, действия – характерам, мыслящим по-своему, и брошено, хотя, правду сказать, перевод был сделан и вычищен отлично. Я предложил свой перевод, буквальный, не позволяя себе слова сместить, и найден сносным, но не передающим вполне [...] красот малорусских оборотов» [1. Т. 7. С. 215–216]⁷. И далее: «Притом, почтеннейший Петр Александрович, потрудитесь вникнуть в видимую разницу наших – ну именно языков русского и малороссийского: что на одном будет сильно, звучно, гладко, то

⁵ Отметим однако, что и сам Костомаров пришел к творчеству на украинском языке не сразу. П.А. Кулиш писал: «Костомаров любил вспоминать, какое могущественное впечатление произвели на него украинские песни [...] Ему сделалось невыразимо “жаль позабытого русского историей народа”. Он стал сближаться с простонародными личностями в Харькове и его окрестностях, стал изучать украинский язык из живых уст и сделался украинским лириком и драматургом под псевдонимом Иеремии Галки» [6. С. 209].

⁶ Г.Ф. Квитка далеко не случайно сменил аргументацию своего перехода на украинский язык в переписке с П.А. Плетневым. П.А. Кулиш, также имевший возможность близко общаться с Плетневым, так оценивает его: «Что касается Плетнева, то полному нашему сближению мешала только моя малорусская национальность. За его незнание малорусского языка я смотрел на него, как на человека, не получившего вполне русского литературного образования. За мое пристрастие к украинщине он смотрел на меня как на полуурода. Посылая в его библиотеку мои украинские сочинения впоследствии, я надписывал, что настанет просвещенное время, когда потомок Плетнева этими книгами воспользуется для истории русской народности» [6. С. 213]. Впрочем, с непониманием относился к «украинофильству» не только Плетнев – Кулиш признавался в письме С.Т. Аксакову: «Тяжело терпеть близорукие притеснения полицейские, но еще тяжелее сносить сарказмы такого ума, как Хомяков!» [7. С. 321].

⁷ А.С. Чужбинский так оценивал впечатление от повести «Маруся» на украинском и русском языках: «“Маруся”, уже одна “Маруся” его, как утренняя звездочка, сияет на горизонте бедной украинской литературы... Кто из нас, малороссиян, не плакал, читая эту превосходную повесть, эту простую, не вычурную драму, но драму, которая расшевелит самую зачерствелую душу, драму, которая вызовет, оторвет слезы от грубого сердца эгоиста... Я был свидетелем, как образованные дамы после блестящего бала (заметьте – после бала!) и молодые шеголи, которые собрались посмеяться над хохлацкой мужицкой повестью, рыдали при чтении “Маруси”... и эту “Марусю” – похвалили вскользь... Убеденный разными доводами, гениальный автор сам перевел по-русски эту повесть... что же?.. Хороша она – слова нет, да уже утратила большую половину прелести, утратила всю наивность, утратила юмор, который в русском переводе подчас кажется натяжкой и словно подражанием кому-то» [2. С. 23–24].

на другом не произведет никакого действия, холодно, сухо. В пример “Маруся”: происшествие трогательно, положение лиц привлекает участие, а рассказ ни то ни се, – я говорю о русской, – как, напротив, малороссийская берет рассказом, игрою слов, оборотами, краткостью выражений, имеющих силу. Малороссийская “Маруся” не смертью (главной героини. – *А.Ф.*) интересуется, но жизнью своею» [1. Т. 7. С. 216]⁸.

Таким образом, становится понятной авторская позиция Квитки. Литературное творчество есть творчество на материале языка. Украинский язык внятен только украинцу – тому, для кого он родной. Соответственно, для отбора тем произведений на этом языке нужно руководствоваться тем тематическим комплексом, который внятен носителю этого языка. В переводе, даже авторском, текст не воспринимается читателем в качестве «своего» и тот не способен получить должное удовольствие от знакомства с ним – не случайно в отзыве на вторую книгу «Малороссийских повестей, рассказанных Грицком Основьяненком», Е.П. Гребенка подчеркивает: «Прочитав ныне «Повести» Основьяненки, жалею о тех, которые не знают этого языка. Они лишены истинного наслаждения» [3. Т. 3. С. 473]⁹.

Эта парадоксальная ситуация связана, разумеется, не только с языком (иначе перевод повестей Квитки был бы внятен русскоязычному читателю). Дело, на наш взгляд, и в тематике повестей. Н.В. Гоголь, позиционирующий первоначально (период «Вечеров на хуторе близ Диканьки») точно так же – в качестве «этнографического» писателя, строит свои повести по образцу вовсе не каких-либо украинских преданий или даже бытовых коллизий: «искать в сказках Гоголя украинской действительности – то же, что искать в “Ганце Кюхельгартене” немецкой действительности» [10. С. 38]¹⁰. Перед нами тексты, очевидно ориентированные на читателей баллад В.А. Жуковского. Поэтому-то гоголевский читатель в России воспринимает «украинские» тексты его точно так же, как «немецкие», «шотландские» и «кельтские» тексты Жуковского – только с большей долей юмора.

Но естественно, что не только языком читательская аудитория русских и украинских текстов Квитки отличается друг от друга. Очевидно, что играет свою роль и образовательный ценз. Для петербургской интеллигенции украинского проис-

⁸ В.И. Даль так оценивал сложившуюся ситуацию: «Я думаю [...] что Квитка – один из первых и лучших рассказчиков на народном наречии своем. Многословная болтовня его на родном языке всегда простодушна и умна, на русском же – нередко пошловата» (цит. по [8. С. 96]). П.А. Кулиш, последовавший примеру Квитки и переведший на русский язык свой роман «Черная рада», оценивал его как «не перевод, а как бы самостоятельное произведение» [7. С. 325], и в письме К.С. Аксакову от 22 марта 1856 г. говорил о «невозможности равносильно выразить одно и то же на двух разнохарактерных языках» [7. С. 347].

⁹ Ср. с признаниями Н.И. Костомарова: «[...] от народных малорусских песен я перешел к чтению малорусских сочинений, которых, как известно, было в то время очень мало [...] вооружившись новыми взглядами, я достал повести Квитки, изданные под псевдонимом Грицька Основьяненка. Мое знание малорусского языка было до того слабо, что я не мог понять “Солдатского портрета” и очень досадовал, что не было словаря; за неимением последнего служил мне мой слуга, уроженец нашей слободы по имени Фома Голубченко, молодой парень лет шестнадцати» [5. С. 447]. Вместе с тем, очевидно, что и сам Квитка, и Е.П. Гребенка не вполне правы, утверждая, что только носители украинского языка могут проникнуться осознанием таланта автора. Отмечая в своем дневнике смерть Г.Ф. Квитки, М.А. Корф так пишет об этом печальном событии: «10 августа угасла звезда, так недавно еще показавшаяся на литературном горизонте Украины и оттуда отразившаяся на всю Русь, – не стало даровитого автора “Маруси” и множества других повестей и романов, в которых столько оригинального юмора, сколько чувства» [9. С. 276]. Показательно, что весьма квалифицированный читатель М.А. Корф оценивает Квитку прежде всего как автора украинского текста («Маруся» написана на украинском языке и лишь переведена на русский) и именно в этом качестве определяет его значение для русской литературы.

¹⁰ В.Г. Белинский считал: «Какая глубокая мысль в том, что Гоголь, страстно любя Малороссию, все-таки стал писать по-русски, а не по-малороссийски!» [11. Т. 4. С. 417].

хождения тексты на родном языке являлись способом отчасти удовлетворить свой, так сказать, ностальгический порыв, однако Квитка ориентировался вовсе не на эту аудиторию¹¹. Вернее, не столько на нее: речь идет не о десятках читателей, а о куда большем числе.

В письме М.А. Максимовичу (3 октября 1839 г.) Квитка пишет: «Мы должны пристыдить и заставить умолкнуть людей с чудным понятием, гласно проповедующих, что не должно на том языке писать, на коем 10 мил[лионов] говорят, который имеет свою силу, свои красоты, неудобозьяснимые на другом, свои обороты, юмор, иронию и все как будто у порядочного языка» [1. Т. 7 С. 228]. То есть Квитка осознает, что потенциальная читательская аудитория его текстов – миллионы, говорящие языком его текстов, но – не читающие на нем (чаще всего – безграмотные крестьяне)¹². И создание литературы для этих читателей – это не только вопрос языка, но и вопрос понятности этого языка конкретной аудитории. Можно перевести любой текст с русского на украинский – но от этого он так же не станет своим для украинского читателя, как не становится своим украинский текст для русского читателя. Это очень тонко почувствовал П.А. Кулиш, не просто убеждавший С.Т. Аксакова в том, что «на русском языке “Черная рада” есть вещь из меди, а на малороссийском – из золота» [7. С. 322], но и пытавшийся воспрепятствовать выходу собственного романа в автопереводе на русский язык: «Нет, я не должен печатать русского перевода “Черной рады”, пока не выйдет подлинник. Дело вот в чем. Подлинник писал я *сop amore*, не думая о типографии; перевод я делал для того, чтобы напечатать и взять деньги. Иногда я не находил возможности передать по-русски свои чувства и бросал непереверденными целые страницы; иногда затруднялся в подборе фраз; иногда скучал за своей работой. Все это читатели почувствуют, и “Черная рада” окажется вялым произведением, которое дает о подлиннике самое слабое понятие. Словом, это будет не перевод, а искажение подлинника» [7. С. 323].

И здесь следует вспомнить спор Квитки с писателем-оппонентом, утверждавшим, что украинский язык способен выразить только комическое. О том же пишет и Е.П. Гребенка в рецензии на «Малороссийские повести»: «Давно кто-то сказал, что на малороссийском языке можно писать только одно комическое. Перед нами

¹¹ Показательно, что как раз по поводу повестей Квитки выражает сомнение в возможности существования литературы на «малороссийском» наречии В.Г. Белинский: «Обыкновенно пишут для публики, а под “публикою” разумеется класс общества, для которого чтение есть род постоянного занятия, есть некоторого рода необходимость [...] чью же жизнь будут идеализировать наши малороссийские поэты? – Высшего общества Малороссии? Но жизнь этого общества переросла малороссийский язык, оставшийся в устах одного простого народа, – и это общество выражает свои чувства и понятия не на малороссийском, а на русском и даже французском языках. И какая разница, в этом случае, между малороссийским наречием и русским языком! Русский романист может вывести в своем романе людей всех сословий и каждого заставить говорить своим языком: образованного человека языком образованных людей, купца по-купечески, солдата по-солдатски, мужика по-мужицки. А малороссийское наречие одно и то же для всех сословий – крестьянское. Поэтому наши малороссийские литераторы и поэты пишут повести всегда из простого быта и знакомят нас только с Марусями, Одарками, Прокипами, Кандзюбами, Стецьками и тому подобными особами» [11. Т. 4. С. 417].

¹² Дело не всегда в миллионах потенциальных читателей. П.А. Кулиш писал П.А. Плетневу 4 декабря 1856 г.: «По-малороссийски рад писать для пяти человек: так велико удовольствие выражать чувства и мысли вполне, вводить в выражение их часть существа своего» (цит. по [12. Т. 2. С. 88]). Это не означает, что у П.А. Кулиша не было своеобразного «мессианского комплекса». Он пишет С.Т. Аксакову 1 января 1856 г.: «Вольно Вам считать нашу деятельность (по созданию литературы на украинском языке. – *А.Ф.*) чем-то вроде благородного сумасшествия. Но недаром у нас потрясаются сердца от родного слова, недаром слезы текут из глаз юношей и стариков от величавых речей южно-русского, по-вашему дикого, поэта (Т.Г. Шевченко. – *А.Ф.*), недаром люди, доказавшие способность писать по-русски, борются с бедностью, сносят безропотно гонения, отрекаются от известности и пишут по-малороссийски, – пишут не для печати, пишут для самого маленького круга людей, из одного предчувствия, что настанет после их смерти время, когда посеянные ими зерна обратятся в богатую жатву и напитают даже то племя, которое теперь преследует нас насмешками» [7. С. 321].

был факт: “Энеида” Котляревского, пародия во вкусе фламандской школы, и люди, убежденные этим фактом, приняли ложную мысль за истину» [3. Т. 3. С. 372]¹³.

Следует отметить, что «малороссийский язык» как выразитель «комического» начала для современников вполне в духе Державина, дерзнувшего, как известно,

В забавном Русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям с улыбкой говорить [14. С. 220].

И доказательство равноправия украинского языка как литературного для Гр.Ф. Квитки-Основьяненко как раз в том и состоит, чтобы обосновать возможность выражения на нем серьезных тем и идей – с учетом, разумеется, специфики аудитории¹⁴. Поэтому очевидно, как язык разделяет произведения писателя тематически. На русском языке Квитка пишет преимущественно свои комедии, романы-пикарески вслед за постбулгаринскими «нравоописательными романами» (и не без оглядки на булгаринский опыт), сатирические повести и небольшие заметки по истории Украины, в которых пытается познакомить с ней русского читателя. На украинском языке написаны бытовые повести в духе раннего реализма – причем с явной ориентацией на сказ, где нарратором является человек из социальных низов. Как писал о Квитке П.А. Кулиш, «взял он для рассказа [...] самую низшую материю из всех, какие были у него пред глазами: покинул дворян, покинул суды, институты, монастыри, взял неграмотного, темного, простого земледельца и рассказал его речь, что делается в его хозяйстве, в сельской околице и в хате между бабьем. И вышел у него прекрасный Божий мир как будто еще прекраснее, нежели у нас перед глазами» (цит. по [8. С. 96–97])¹⁵. И в другом месте: «Квитка, назвавшись Основьяненко, опубликовал свою “Марусю” и довел ею до плача каждого, кто читал ее или слушал» [6. С. 133].

Однако тот же П.А. Кулиш в письме Т.Г. Шевченко, отговаривая его от творчества на русском языке, приводит в качестве примера судьбу русскоязычного творчества Квитки: «Чтобы писать тебе по-московски, нужно жить среди московских писателей и много чего набраться. Посмотри на Квитку: он себя в такое болото втянул московщиной, что и после смерти его мы никак его не вытянем и не поста-

¹³Травестирование «Энеиды» на украинском и белорусском языках происходит с несомненным учетом «забавности» слога и его ориентированности на «низшие» слои общества. Ср. наблюдения Г.В. Киселева над текстом белорусской «Энеиды», принадлежащей смоленскому русскоязычному литератору В.П. Ровинскому [13. С. 212–213 и др.]. Вместе с тем, по мнению П.А. Кулиша, «уже сама мысль написать пародию на языке своего народа показывает отсутствие уважения к этому языку [...] Троянский герой, в виде украинского бродяги, смешил товарищей Котляревского до слез, и рукопись его начала ходить по рукам. Помещики украинские расхохотались над “Энеидою” не хуже офицеров; расхохотались над нею и их лакеи, уже непохожие на тех, от кого они отрознены дворовою жизнью и с кого списаны Котляревским карикатурные портреты. Одни простолудины не смеялись: им было не до “Энеиды”» [8. С. 27].

¹⁴Проблема воспринималась настолько остро, что харьковский литератор А.А. Корсун даже описал спор о литературной пригодности украинского языка в повести [2. С. 47–59].

¹⁵Следует заметить, что П.А. Кулиш в письме С.Т. Аксакову акцентировал внимание, прежде всего, на самой природе языка, влияющего на восприятие и сюжета, и образов: «[...] надобно Вам знать, что “Черная рада” написана не тем языком, которым говорят малороссийские мужики, а тем, которым могли говорить гетьманы и паны, стоявшие в просвещении наравне с современными им европейцами. Это – почти русский язык, библейско-русский, с малороссийским произношением [...] Если бы я прочел Вам “Черную раду” сам, Вы бы меня понимали; и, может быть, я когда-нибудь это сделаю. Видите ли, в чем тут секрет. Была когда-то на юге Русь; жила политическою самостоятельную жизнью; пела свои песни, которые поет доньне; говорила языком, которым доньне говорят 13 миллионов. От нее отделилось государство Московское [...] сложило себе фразы на свой образец и, наконец, образовав, при помощи поэтов, литературный язык, учит ему южных руссов. Пока предмет брали неглубоко, южные руссы довольствовались Карамзиным и Пушкиным. Но Гоголь нашел их язык неполным и внес в него много южнорусских элементов, за что Вы не знаете цены языку Гоголя» [7. С. 323].

вим так высоко, как он заслужил украинскими повестями. Москали тычут нам в глаза Халявским, Столбиковыми (герои русскоязычных пикаресок Г.Ф. Квитки. — *А.Ф.*) и всякой гадостью, на которую сами же его, неосмотрительного, подбили. Так и тебе будет, брате!» [15. С. 126]. Примечательно в связи с этим наблюдение, которое сделал, проанализировав рецепцию произведений Квитки, один из первых историков украинской литературы Н.И. Петров: «Казалось бы, если Квитка писал свои комедии и романы иноземной, т.е. русской речью и по требованию русских господ (Жуковского), то он должен был бы угодить ими русским читателям и критикам, как впоследствии угодил им Гоголь. Но оказывается, что и русские читатели и критики холодно и даже несочувственно отнеслись к сочинениям Квитки на русском языке. Исключение составляет разве комедия “Шельменко”, долго державшаяся на Александринском театре. Значит, дело тут не в иноязычной речи и не во вкусах русских господ, а в чем-то другом» [8. С. 94]¹⁶. И далее: «Значение Квитки, как писателя, основывается собственно на его сочинениях на малорусском языке, за которые земляки Квитки дают ему значение первоклассного русского писателя» [8. С. 95].

Отчасти ситуация с Г.Ф. Квиткой-Основьяненко напоминает попытки Вл. Сырокомли (Л. Кондратовича) создать подобие стихотворных гавэнд на белорусском языке, и поэмы В.И. Дунина-Марцинкевича «Гапон», «Купала» и «Вечерницы», также написанные на белорусском языке¹⁷. При чем Винцент Дунин-Марцинкевич, писавший в условиях польско-белорусского культурно-языкового пограничья, в предисловии к сборнику «Гапон» особо отмечал: «Писал же я это произведение на мужичьем языке для того, чтобы временами, прочитанное им (мужикам-белорусам. — *А.Ф.*) праздничным днем, могло оно привлечь их сердца к господам и ради общей пользы тесней их сплотить; также чтобы уничтожить то почти врожденное нежелание, с которым наш мужик идет служить стране» [17. Т. 2. С. 388] — т.е. целевой аудиторией были именно белорусскоязычные не читатели даже — потенциальные слушатели поэмы. Еще более развернуто аргументирует писатель обращение к «мужицкому наречию» в письме к польскому литератору Яну Карловичу от 15 сентября 1868 г.: «Прежде всего, хочу раскрыть Вам цель, ради которой я горячо занялся обработыванием народной нивы. Видел я, к сожалению, как младшие братья одной и той же матери, частично, может, и справедливо, но не по общей вине, в последнее время сильней начали высказывать к старшей братии своей издавна уже закоренелую в их сердцах ненависть, которую люди злой воли, пользуясь их темнотой, лживым нашептыванием старались еще больше раздуть. Единственное средство сближения меж собой этих двух противоборствующих стихий видится мне в образовании первых; благодаря ему наш слепой крестьянин станет зрячим, узнает, что часто бывший господин его, сегодня придавленный со всех сторон различными материальными тяготами, желая от них освободиться, временами неволью злоупотреблял над ним своей властью. Но приохотить наш народ, от природы обленившийся и деморализованный, к просвещению — это палкой горы ворочать. Потому надумал я заохотить его к нему повестушками из его домашней жизни, на его собственном языке написанными. Ради этого печатал их польскими буквами, отрекаясь от всяких эстетических форм; тут же рядом размещал совсем простые, доступные представлениям еще не определившимся, польские рассказы и собственные стишки, ради того только, чтобы темный мужик, заинтересовавшись преданиями, описанными его собственным языком, с охотой

¹⁶Ср. с читательской судьбой русскоязычных повестей Т.Г. Шевченко, написанных во время его ссылки и запрета на публикацию книг на украинском языке [16. С. 198–213].

¹⁷Мы считаем возможным рассмотрение в данном контексте хронологически более поздних примеров белорусско-польского культурного пограничья, поскольку процессы создания новой литературы на украинском языке опережают аналогичные процессы в белорусской литературе примерно на двадцать лет, но типологически, на наш взгляд, они вполне идентичны.

учился польским буквам, мог читать отрывки из собственной жизни, учился вместе и польской, родной литературе, а с удовольствием потребив родной колос, познал бы одновременно и польскую ниву, и тем самым постепенно привыкал и все более знакомился с родной словесностью» [17. Т. 2. С. 416–417].

Сознательным был и выбор в пользу белорусской «латиницы», а не кириллического письма. Вот как Дунин-Марцинкевич аргументирует этот выбор в Объяснении в Главный цензурный комитет: «В наших провинциях из ста крестьян, наверно, можно найти 10, которые хорошо читают по-польски, когда, напротив, из тысячи насилу сыщется один, знающий русский язык. То, напечатав какое-либо белорусское сочинение русскими буквами, смело можно запереть оные в сундук, ибо высший класс общества, имея под рукою русскую, польскую, французскую и немецкую литературы, не возьмет и в руки простонародной книги, а крестьяне хотя бы и желали читать повести и рассказы, для исправления их нравов и поощрения к учению написанные, но не зная русских букв, не в состоянии удовлетворить своего желания» [17. Т. 2. С. 409].

Но применительно к Дунину-Марцинкевичу, ставшему классиком белорусской литературы, следует отметить, что изначально его воображаемая читательская аудитория имела более, так сказать, квалифицированный характер: он, подобно Гребенке, переведшему «Полтаву», перевел на белорусский язык «Пана Тадеуша» – поэтический «шляхетский эпос» Адама Мицкевича. Очевидно, что крестьянин, которому понятны басни Гребенки и «Гапон» Дунина-Марцинкевича, вряд ли мог адекватно воспринять «Полтаву» или «Пана Тадеуша».

Проблема дифференциации читательской аудитории в авторском сознании писателя-билингва второй трети XIX в. становится тем более существенной, что, в конце концов, она затрагивает две ключевые фигуры украинского национально-культурного возрождения – Т.Г. Шевченко и П.А. Кулиша¹⁸. Не занимаясь специально анализом соотношения в их творчестве произведений на русском и украинском языках, ограничимся лишь одним наблюдением: практически все повести Т.Г. Шевченко, созданные им на раннем этапе его творчества, написаны на русском языке и несут следы внимательного чтения русских романтиков – таких, как А.А. Бестужев-Марлинский, Н.А. Полевой или Н.Ф. Павлов. Поэтическое же творчество Шевченко ориентировано преимущественно на фольклор и предполагает уже качественно иную аудиторию, нежели в повестях.

И последнее, что утверждает нас в правомерности рассматриваемой гипотезы. Это проблема языка создания эго-текстов. Из дошедшего до нас обширного эпистолярия Гр.Ф. Квитки-Основьяненко лишь несколько писем написаны на украинском языке – это письма, адресованные Т.Г. Шевченко. Остальные (в том числе литераторам, хорошо знавшим украинский язык и считавшим его вполне литературным, – таким, как М.А. Максимович) написаны на русском языке. У Е.П. Гребенки, одного из первых романтических украинских стихотворцев, лишь одно письмо целиком написано на родном языке – письмо Гр.Ф. Квитке-Основьяненко; даже письма родителям он писал по-русски. Дневник Т.Г. Шевченко вел на русском языке. Исключение – П.А. Кулиш, с определенного момента перешедший в эпистолярии с русского на украинский язык (кроме писем в официальные инстанции). Однако и Кулиш в письме А.Я. Конисскому от 28 января 1861 г.: «По-украински я Вам не пишу по недостатку времени. Ведь там иногда минуту продумаешь, как бы выразиться по-народному о предметах, чуждых народу покамест» (цит. по [12. Т. 2. С. 91])¹⁹.

¹⁸Проблема литературного билингвизма П.А. Кулиша посвящена глава в фундаментальной монографии Е.К. Нахлика [12. Т. 2. С. 83–94].

¹⁹Е.К. Нахлик, комментируя это высказывание Кулиша, обращает внимание на то, что «по этой причине значительная часть писем Кулиша (даже к жене) написана по-русски» [12. Т. 2. С. 91].

Вместе с тем, переход от одного литературного языка к другому – обладающему равным статусом в глазах общества – также имел место в первой половине и середине XIX в. В качестве примера такого перехода может рассматриваться известный польский журналист, переводчик (переводил на польский, в частности, «Пиковую даму» А.С. Пушкина и новеллы П. Мериме) и мемуарист Юзеф Эммануэль Пшецлавский, редактор официальной газеты Царства Польского «Tygodnik Petersburski»²⁰.

Большая часть литературной карьеры Ю.Э. Пшецлавского была построена на польском языке и благодаря польскому языку – что, во многом, вынуждало его защищать польский язык от посягательств имперских властей, регулярно пытавшихся либо перевести его на кириллический алфавит, либо сузить поле его повседневного употребления (см. [18; 19]). Причем несмотря на то, что переход на русский язык в повседневном быту и письменной практике считался одним из признаков лояльности к имперским властям²¹. Однако в 1858 г. редактируемая им газета на польском языке перестает выходить, а сам он сосредоточивается на чиновничьей (цензурной) деятельности. Исчез польский журналист и редактор – его заменил имперский чиновник. Основным языком, на котором Пшецлавский пишет, становится русский – и, можно сказать, Юзеф Эммануэль Пшецлавский превращается в Осипа Антоновича Пржецлавского (как он и числится в официальных документах эпохи). Соответственно, он окончательно утрачивает связь с польскоязычной читательской аудиторией.

Однако при этом он остается чужим и для русскоязычного читателя. Примечательно, например, реакция на его мемуары «Калейдоскоп воспоминаний». Не только «квалифицированный читатель» – как, например, П.А. Вяземский, П.И. Бартенев, А.Ф. Бычков и др. – не принимает их, ощущая в тексте нечто враждебное, «нерусское» (см. [21]). В фондах Национальной библиотеки Республики Беларусь нами выявлен экземпляр брошюры «Калейдоскоп воспоминаний» с карандашными маргиналиями современного мемуаристу читателя. Анонимный реципиент воспоминаний Пржецлавского отметил более семидесяти фрагментов текста, которые, судя по всему, были восприняты им как «антирусские» или «антипольские» – несмотря на очевидную политическую лояльность мемуариста к имперским властям (см. [22]).

Показателен также факт отсутствия мемуаров Пржецлавского на родном для него польском языке. Возникает ощущение, что Пржецлавский не пытается апеллировать к другой читательской аудитории – той, которая могла бы как раз оценить его деятельность как редактора «Tygodnika» – т.е. к польскоязычному читателю. Публикации на польском языке воспоминаний при жизни самого Пржецлавского ограничиваются переводом фрагмента о Мицкевиче (самого выигрышного для мемуариста) и воспоминаний об отце, Антонии Пшецлавском. Первый текст абсолютно тождественен тому, что публиковался на русском, второй же был опубликован задолго до «Калейдоскопа воспоминаний» в «Athenaeum Wileński» и, ве-

²⁰Мы не рассматриваем в качестве примера двуязычных писателей в данном случае Ф.В. Булгарина и О.И. Сенковского, как известно, продолжавших периодически выступать с польскими текстами и после того, как ими был осуществлен выбор в пользу русского языка как языка литературного творчества. На наш взгляд, ocasionальные возвращения к творчеству на польском языке было вызвано для них на рубеже 1830-х годов не вполне литературными причинами: умение писать на польском языке было востребовано в связи с кризисом в русско-польских отношениях, а собственно польскоязычных литераторов, в этот период полностью лояльных к имперским властям, тогда в Петербурге было немного.

²¹Бывший ректор Виленского университета профессор Шимон Малевский пишет своему сыну, другу и будущему свояку А. Мицкевича, Франтишку, высланному в Петербург за участие в тайных студенческих обществах 1820-х годов: «Письмо твое, написанное порусски, получил. По нему еще видно, что ты инорodeц, хотя и в самой столице России. Прошу тебя ко мне никогда не писать иначе, чем порусски. Ибо ты россиянин» [20. S. 416].

роятно, был написан специально для этого издания по просьбе издававшего его Ю.И. Крашевского.

Через три десятилетия после смерти Пржецлавского, в 1914 г., был опубликован текст очерка Пржецлавского об Юзефе Олешкевиче на польском языке. Этот очерк на две трети отличается от того, что вошел в русскую версию «Калейдоскопа воспоминаний». З. Швейковский в предисловии к изданию «Воспоминаний Соплицы» Г. Ржевусского 1928 г. (в научной серии «Biblioteka narodowa») сообщал, что воспоминания Пржецлавского готовит к печати А. Чартковский, однако из контекста нельзя понять, шла ли речь об оригинальном польском тексте или о переводе с русского языка. Пока польская рукопись воспоминаний не обнаружена, мы вынуждены исходить из того, что польских воспоминаний крупнейшего польского журналиста XIX в. не существовало. А значит, он сознательно сделал выбор в пользу русского читателя и остался в истории литературы русским писателем польского происхождения.

Таким образом, можно сделать вывод: в XIX в., в период становления современных культурных наций, в сознании автора-билингва существуют две читательские аудитории, каждая из которых отличается не только языком, но и жанровыми и тематическими ожиданиями. Выбирая язык, автор вынужден ориентироваться соответственно на ту или иную аудиторию – тем самым, в конце концов, определяя и свой собственный статус и в литературном сознании эпохи – и, что, вероятно, гораздо более значимо, – в сознании потомков. Ярче всего, пожалуй, эту дилемму сформулировал Н.В. Гоголь в письме А.О. Смирновой от 24 декабря 1844 г.: «Скажу вам одно слово насчет того, какая у меня душа, хохлацкая или русская, потому что это, как я вижу из письма вашего, служило одно время предметом ваших рассуждений и споров с другими. На это вам скажу, что сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены богом, и как нарочно каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой, – явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характера, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве» [23. С. 418–419]. И осуществляемый автором рациональный выбор практически неизбежен – несмотря на очевидные эмоциональные, иногда весьма драматические, его последствия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Квітка-Основ'яненко Гр.Ф.* Зібрання творів. У 7 т. Київ, 1978–1981.
2. Тарас Шевченко в критиці. Київ, 2013. Т. 1. Прижиттєва критика (1839–1861).
3. *Гребінка Є.П.* Твори. У 3 т. Київ, 1980–1981.
4. *Миллер А.И.* Украинский вопрос в Российской империи. Киев, 2013.
5. *Костомаров Н.И.* Исторические произведения. Автобиография. Київ, 1990.
6. Пантелеймон Куліш: письменник, філософ, громадянин. Київ, 2009.
7. *Куліш П.О.* Повне зібрання творів. Листи. Київ, 2009. Т. II. 1850–1856.
8. *Петров Н.И.* Очерки истории украинской литературы XIX столетия. Киев, 1884.
9. *Корф М.А.* Дневник. Год 1843. М., 2004.
10. *Гиттис В.В.* Гоголь. Л., 1924.
11. *Белинский В.Г.* Собрание сочинений. В 9-и т. М., 1976–1982.
12. *Нахлік С.К.* Пантелеймон Куліш: особистість, письменник, мислитель. Наукова монографія у двох томах. Київ, 2007.
13. *Киселев Г.В.* Разыскивается классик...: Историко-литературная диалогия. Минск, 1989.
14. *Державин Г.Р.* Стихотворения. Л., 1933.
15. Листи до Т.Г. Шевченка. Київ, 1962.
16. *Єфремов С.О.* Спадщина Кобзаря Дармограя // *Єфремов С.О.* Вибране: Статті. Наукові розвідки. Монографії. Київ, 2002.
17. *Дунін-Марцінкевіч В.І.* Збор твораў у 2 т. Мінск, 2007–2008.

18. *Успенский Б.А.* Николай I и польский язык (Языковая политика Российской империи в отношении Царства Польского: вопросы орфографии и графики) // *Успенский Б.А.* Историкофилологические очерки. М., 2004.
19. *Федута А.И.* Как журналист Осип Пржецлавский отказал шефу жандармов, и ему за это ничего не было // *Федута А.И.* Сюжеты и комментарии. Вильнюс, 2013.
20. *Listy z zesłania.* Warszawa, 1999. Т. 3.
21. *Федута А.И.* Страдания отставного цензора. К истории публикации воспоминаний О.А. Пржецлавского: по письмам О.А. Пржецлавского к П.И. Бартеневу (1872–1873 гг.) // *Цензура в России: история и современность.* Сб. науч. трудов. СПб., 2011. Вып. 5.
22. *Федута А.И.* «Не то беда, что ты поляк...»: Об одной заочной читательской дуэли (в печати).
23. *Гоголь Н.В.* Письмо Смирновой О.А. от 24 декабря 1844 г. // *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений. В 14-ти т. М.; Л., 1952. Т. 12.

© 2014 г. Ю.А. НИКИТИН

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЯ 1870 ГОДА НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ И СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЫ

В статье анализируется реализация городской реформы 1870 года на территории Левобережной и Слободской Украины, выявляются особенности состава избирателей и их активность при формировании муниципальных структур.

The article analyses the implementation of the urban reform of 1870 on the territory of the Left-bank and Sloboda Ukraine. The author explores the peculiarities of the voters-composition and their activity during the formation of the municipal structures.

Ключевые слова: Полтавская, Черниговская, Харьковская губернии, города, реформа, самоуправление, избиратели, думы, управы.

Вопросу подготовки и реализации городской реформы 1870 г. уделено достаточно много внимания в исторической литературе (И.О. Фесенко, М. Щепкин, М.М. Бубнов, П.А. Зайончковский, В.А. Нардова, Л.Е. Лаптева, В.П. Горбачов).

Однако региональный аспект данной проблемы еще недостаточно изучен. В том числе в городах Полтавской, Харьковской и Черниговской губерний, которые имели особенности социально-экономического и культурного развития.

Основными источниками для написания данной статьи стали материалы, которые находятся в фондах Центрального государственного исторического архива Украины, Российского государственного исторического архива, Российской научной библиотеки г. Санкт-Петербурга, Государственных архивов Сумской, Харьковской, Черниговской областей. Также были использованы опубликованные материалы заседаний городских дум, которые помогли при анализе данной проблемы.

Новое Городское положение после того, как его подписал Александр II 16 июня 1870 г., в соответствии с указом Сената немедленно вводилось во внутренних великорусских губерниях, Сибири и Бессарабии. Вопрос о реализации Положения в западных губерниях и областях (Белоруссии, Литве, Правобережной Украине, кроме Киева) власти планировали рассмотреть позднее [1]. В указе были перечислены губернии и города, в которых Положение должно было реализоваться сразу (41 губернский и областной центр, четыре портовых города). В перечень городов, которые были готовы к созданию органов городского самоуправления были отнесены Полтава, Харьков и Чернигов [2. Оп. 37. Д. 2190. Л. 50]. В других городах и посадах предполагалось ввести Городское положение в ближайшее время, в соответствии с местными потребностями и на усмотрение министра внутренних дел [3. С. 189–191].

Никитин Юрий Александрович – канд. ист. наук, докторант Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова (г. Киев).

В Полтавской, Харьковской и Черниговской губерниях процесс реализации Городского положения длился с 1871 по 1880 г. В каждой из губерний Положение вводилось постепенно, что и предусматривалось властями. Например, в Харьковской губернии в 1871 г. оно было введено только в губернском центре; в 1872 г. – в Ахтырке и Сумах; в 1873 г. – в Валках, Змиеве, Изюме, Купянске, Лебедине; в 1874 г. – в Волчанске; в 1876 г. – в Богодухове. В Полтавской и Черниговской губерниях последними населенными пунктами, где было реализовано Положение, стали Зеньков (1879), а также посады Лужки (1879) и Еленка (1880) [4. Л. 1–34]. Упрощенное городское управление вводилось в четырех заштатных городах и местечках, а также в восьми отдельных посадах [5. Ф. 128. Оп. 1. Д. 14460. Л. 66–76]. Проанализированные материалы позволяют сделать вывод, что Положение 1870 г. в первую очередь вводилось в губернских городах и важных торговых центрах [6. С. 367–369].

В городах организацией выборов занимались члены шестигласных дум, которые составляли списки избирателей, а затем публиковали их в местных «Ведомостях». В Харькове 13 августа 1870 г. было создано Губернское по городским делам присутствие, которое на своем первом заседании 17 августа приняло решение об организации выборов в городе. Началась работа по составлению списков избирателей, была создана комиссия из домовладельцев, которые помогали составлять списки. До 1 октября все допущенные до выборов были поделены на разряды [7. Ф. 487. Оп. 1. Д. 1. Л. 1]. 27 августа 1870 г. Харьковская городская дума предоставила губернатору решение городского общества и домовладельцев Харькова (№ 7797) о создании комиссии для составления списков избирателей и необходимости финансирования данной работы (500 руб.) [8. С. 8–13]. Полные списки избирателей I и II разрядов были опубликованы в «Харьковских губернских ведомостях» 18 октября 1870 г. Списки избирателей III разряда подготовили позже, что было связано с большим количеством включенных в них лиц. В соответствии с распоряжением губернатора все жители Харькова имели время для оспаривания списков или исправления имевшихся неточностей. В январе – феврале 1871 г. были проведены выборы гласных. По результатам выборов избиратели III разряда обратились с жалобой к губернатору относительно нарушений законодательства, которые имели место. Жалобу с объяснениями городского головы рассмотрело Губернское по городским делам присутствие и признало факт нарушений. Опираясь на ст. 46 Положения было принято решение о проведении повторных выборов гласных III разряда (9 февраля 1871 г.) [7. Ф. 487. Оп. 1. Д. 1. Л. 24–25, 33, 87]. 25 февраля 1871 г. сформированная дума Харькова провела уже свое первое заседание, на котором избрала городского голову и назначила управу [9. С. 292].

В Полтаве и Чернигове шестигласные думы также занимались подготовкой и проведением выборов. Списки избирателей были опубликованы осенью 1870 г. Каждая курия путем тайного голосования делегировала своих представителей. В Чернигове по 14 человек от курии сформировали думу в составе 42 чел. [10. С. 34]. 17 декабря 1870 г. на первом заседании Черниговской думы гласные избрали городского голову (купец Я.О. Селюк) и членов управы. Также были установлены размеры заработной платы головы, секретаря, двух членов управы (1500 руб., 900 руб., 600 руб. соответственно). Новоизбранный голова отказался от оплаты своей работы, а причитающиеся ему деньги передал на нужды города [11. С. 2, 145].

Первое заседание Полтавской городской думы состоялось 15 декабря 1870 г. В результате ожесточенной борьбы между кандидатами полтавским городским головой был избран С. Кочубей (46 «за» и 23 «против»). На следующий день на заседании думы были избраны члены управы. Из 53 кандидатов необходимое количество голосов набрал один. В соответствии с законом выборы были признаны недействительными и перенесены на 18 декабря. В такой ситуации С. Кочубей,

сославшись на семейные обстоятельства, отказался от своего поста. Новые выборы городского головы и четырех членов управы были назначены на 19 декабря. По результатам повторных выборов Полтавским головой был избран С. Кованько. В новом составе дума начала свою работу 16 февраля 1871 г. [12]. После реализации Положения в губернских городах его начали вводить в других городах и посадах Левобережной и Слободской Украины.

Избирательный закон допускал к выборам незначительный процент городского населения. По данным департамента Министерства внутренних дел, в 46 городах Российской империи в избирательные списки были включены в среднем 5,6% городских жителей. В десяти наиболее крупных городах империи (с населением более 50 тыс. чел.) избирательные права получили 4,4% горожан. Фиксировалась специфическая ситуация, когда наибольший процент избирателей был в городах с населением от 20 до 35 тыс. чел. (6,6% от общего числа городских жителей) [13. С. 61–67].

В городах Левобережной и Слободской Украины наблюдалась определенная обратная взаимосвязь: чем меньшей была численность населения города, тем больше его жителей допускалось к выборам. Например, в Харькове в 1871 г. проживали 82 562 чел., из них в избирательные списки были включены 4295 чел. (5,2%), в 1875 г. – 5,5%, в 1879 г. – 5,1%, в 1883 г. – 3,3%, в 1890 г. – 1,7% [7. Ф. 45. Оп. 18. Д. 115; Оп. 1. Д. 668, 1650; 2. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1687; 10]. Следовательно по мере возрастания численности населения Харькова сокращался процент лиц, которые допускались до выборов и управления городом.

В Чернигове от общего числа жителей (14 008 чел.) в 1871 г. избирательные права получили 636 чел. (3,5% от всего городского населения). В 1879 г. число жителей и избирателей Чернигова возросло: соответственно 16 810 чел. и 1075 чел. (6,4%) [5. Ф. 145. Оп. 1. Д. 158; Ф. 128. Оп. 1. Д. 14460; 7]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Полтаве, где в избирательные списки попало 2924 чел. (6,9% всех жителей).

Городское Положение 1870 г. дало начало созданию системы муниципального управления в городах Российской империи, которое базировалось на принципах выборности. Авторы Положения при подготовке реформы использовали прусскую модель избирательной системы, которая предполагала разделение избирателей на три курии. Следует признать, что практически все группы городского населения имели своих представителей в думах. Имущественный ценз был адаптирован для больших, средних и малых городов. К числу избирателей относили не только владельцев недвижимого имущества, но и лиц, которые платили налоги в пользу города, не являясь владельцами недвижимости. Закон ограничивал возможность участвовать в выборах значительную часть не только непривилегированных жителей городов, но и частично представителей привилегированных званий и состояний. Это беспокоило власти, потому что данная часть городских жителей воспринималась властями как опора на местах. Представители привилегированных званий и состояний должны были способствовать реализации государственной политики на местах. В их среде был наивысший процент лиц, имевших среднее и высшее образование.

В городах Полтавской, Харьковской и Черниговской губерний в среднем около 1/10 всех жителей допускались к формированию органов самоуправления. В различных городах изучаемых губерний наблюдался значительный разброс в соотношении числа жителей и избирателей. В одних городах число избирателей достигало 1/5 от всего населения (Глинск, Остер, Сураж, Пирятин), а в других 3–5% (Нежин, Ахтырка, Стародуб, Кременчуг, Лебедин). Например, в 1879 г. в Нежине проживали 31 787 чел., из которых в списки избирателей были включены только 3,8%, а в Городне с населением в 2391 чел. – 17,6% [14. Д. 1674. Л. 7].

При формировании органов городского самоуправления ярко проявились ограничительные стороны избирательного законодательства. При различной числен-

Разделение избирателей Харькова по разрядам

Год	избиратели I разряда (чел.)	избиратели II разряда (чел.)	избиратели III разряда (чел.)	всего избира- телей (чел.)
1871	64	356	3875	4295
1875	77	433	4235	4745
1879	97	466	4637	5200
1883	106	525	4981	5612
1891	67	294	2955	3316

ности курий каждая выбирала одинаковое число гласных. Например, в Чернигове в 1870 г. в избирательные списки были включены 636 чел. Из них 26 избирателей (3,6%) принадлежали к первой курии, 75 чел. (11,8%) – ко второй и 538 чел. (84,6%) – к третьей [13. С. 61–67]. Аналогичная ситуация фиксировалась в Харькове и Полтаве. Такая тенденция сохранялась на протяжении всего периода действия Положения 1870 г., что подтверждают данные о распределении избирателей по разрядам в Харькове [7. Ф. 45. Оп. 1. Д. 440; Д. 668].

Приведенные в таблице данные свидетельствуют о том, что избирательная система давала преимущества лицам, которые относились к первому разряду. По результатам голосования в органы городского самоуправления Харькова выяснилось, что для избрания одного гласного в каждом разряде за претендента голосовало различное число избирателей. В среднем на одно место гласного первого разряда претендовало 1,9 избирателя, во втором – пять, в третьем – десять. Обычным явлением во время выборов в первом разряде в губернских, уездных и заштатных городах было избрание практически всех лиц гласными, которые принадлежали к высшему разряду.

Уже при проведении первых выборов в органы городского самоуправления были зафиксированы многочисленные нарушения городского законодательства во многих городах Полтавской, Харьковской и Черниговской губерний. Чаще всего они были связаны с невыполнением сроков по обжалованию избирательных списков. Фиксировались случаи голосования за лиц, которые находились под следствием (Нежин, Ромны, Сумы, Новгород-Северский) [5. Ф. 128. Оп. 1. Д. 1460; 15] или голосовали сразу за нескольких кандидатов (Стародуб) [5. Ф. 128. Оп. 1. Д. 5993. Л. 1]. Частыми явлениями были агитация за одного из кандидатов, подкуп, а также неправильный подсчет голосов (Сумы). Иногда на выборах отсутствовали представители местной администрации (Остер, Мглин, Лебедин, Кременчуг) [5. Ф. 127. Оп. 1. Д. 6221; 15. Д. 632].

Достаточно часто в официальных документах местных администраций отмечались факты нарушения ст. 17 Положения. Нечеткая редакция данной статьи, которая не содержала разъяснения об обязательной уплате городских налогов на протяжении двух лет, давала возможность вольно ее трактовать. На практике это вело к тому, что избирательное право получали торговцы, которые проживали в городе два года, а платили налоги с торговых документов меньше указанного срока или в первый раз перед самими выборами. Такое толкование 17 ст. давало возможность отдельным кандидатам в гласные покупать массу дешевых торговых документов перед самыми выборами и создавать себе своеобразное лобби. Они собирали необходимое число избирателей, которые позднее отдавали за них свои голоса. Для предотвращения подобных случаев отдельные чиновники предлагали дополнить избирательное законодательство нормой, запрещающей допускать к выборам лиц, которые купили торговые документы, но не вели по ним торговых операций.

В отдельных городах (Чернигов) не велась работа по исправлению избирательных списков ежегодно. Органы самоуправления для составления избирательных списков использовали налоговые книги с недвижимого имущества и о выдаче торговых документов. При таком подходе к вопросу у отдельных лиц не требовали даже доказательства, что они проживали в городе на протяжении двух последних лет [16. С. 105].

Распределение избирателей по сословиям частично соответствовало численности основных групп городского населения рассматриваемых губерний. Лица привилегированных званий не составляли и 1/5 всех избирателей. Только в Харькове, Полтаве, Чернигове, Сураже, Козельце, Лубнах, Купянске и Змиеве на их долю приходилось от 1/3 до 1/2 мест в избирательных списках. Наибольшее представительство лиц привилегированных званий и состояний среди избирателей было зафиксировано в Чернигове (1879 г. – 58,1%, 1883 г. – 58,3%). В Харькове и Полтаве данная категория избирателей составляла соответственно 40,3% и 33,3% [14. Д. 1674. Л. 53–56]. Купцы и почетные граждане были второй по численности группой избирателей (Харьков – 54,1%, Полтава – 48,6%, Чернигов – 30%).

Большая часть городских избирателей (4/5) относилась к лицам непривилегированных званий и состояний. Во многих городах изучаемых губерний представительство лиц непривилегированных званий и состояний иногда доходило до 80–90% (1879 г. – Городня, Новозыбков, Остер, Стародуб) [15. Оп. 1. Д. 1. Л. 33]. В ряде городов от 6/10 до 9/10 избирателей были мещанами (Глухов, Новгород-Северский, Стародуб, Новозыбков, Сураж, Золотоноша, Лохвица). На долю крестьян приходилось около 1/4 мест в избирательных списках. Только в небольших уездных и части заштатных городов на их долю приходилось 30–50% от всех лиц, которые получили право участвовать в формировании органов самоуправления (Недригайлов, Золочев, Валки, Глинск, Остер, Мглин, Борзна).

Купцы среди избирателей большинства городов имели незначительное представительство, что было связано с уровнем экономического развития. Только в губернских центрах (кроме Чернигова) и центрах региональной торговли их численность в избирательных списках возросла (Нежин, Городня, Кременчуг, Конотоп).

Однако, хотя мещане и крестьяне составляли наиболее многочисленную группу избирателей, а лица привилегированных званий и состояний с купцами наименьшую, но именно последние имели больше возможностей принимать участие в формировании органов самоуправления. Например, в Черниговской губернии в 1880 г. большая часть представителей привилегированных званий и состояний (54,3%) и купцов (19,2%) пользовались избирательными правами. У крестьян этот показатель был ниже (7,8%). В среднем по губернии в избирательные списки было включено почти 50% лиц, которые относились к привилегированным категориям населения. На долю непривилегированных избирателей приходилось около 1/10 всех мест (9,05%) [16. С. 36–37]. Главными категориями среди избирателей были домовладельцы и торговцы. Иногда 80% всех избирателей составляли домовладельцы.

В большинстве городов Полтавской, Харьковской и Черниговской губерний среди избирателей преобладали лица с начальным образованием или не умевшие писать и читать. По данным переписи 1897 г. среди горожан доминировали именно представители последней категории. В среднем около 40% городского населения указанных губерний получили образование. Наибольший процент лиц, получивших среднее и высшее образование, был зафиксирован среди представителей привилегированных званий и состояний, особенно в губернских центрах. Данная группа избирателей составляла всего 3% от общего числа всех лиц допущенных к выборам. В городах Черниговской губернии данная категория избирателей составляла всего 1%. В отдельных уездных и заштатных городах их представительство было еще меньше [17. С. 13].

Среди избирателей доминировали православные, что соответствовало их численному представительству среди городского населения Левобережной и Слободской Украины. В среднем на их долю приходилось 80% всех лиц, допущенных к выборам. Вторую по численности категорию избирателей по конфессиональной принадлежности составляли иудеи. В Полтавской и Черниговской губернии 10–14% всех избирателей были иудеи. В Харьковской губернии представителей данной конфессии было меньше среди городского населения и среди избирателей. Только в Чернигове, Стародубе, Сураже, Кременчуге, Кобеляках и Золотоноше их число превышало среднестатистические показатели (20–40%). Представители других конфессий (католики, мусульмане, протестанты) имели минимальное представительство среди избирателей или же вообще отсутствовали в избирательных списках.

В отчетах местных администраций с беспокойством отмечалось, что среди избирателей минимальное представительство имели лица, которые платили в городскую казну максимальные и средние налоги. В небольших городах и посадах, которые в большинстве были экономически слабо развиты, данная категория избирателей вообще отсутствовала (Козелец, Кролевец, Мглин, Краснокутск, Купянск, Хорол, Кобеляки, Новое Место, Короп, Березное, Погар). Даже в Чернигове и Полтаве среди избирателей доминировали лица, которые платили в городскую казну от одного до десяти руб. В 1879 г. в Чернигове 46,7% лиц, допущенных до выборов, платили налоги в объеме меньше 50 коп. [16. С. 52]. Аналогичная тенденция отмечалась в большинстве городов Полтавской и Харьковской губерний.

Несколько иной была ситуация в Харькове. Быстрый экономический рост привел к увеличению числа зажиточных горожан и расширению избирательных списков. В 1871 г. один избиратель платил в городскую казну в среднем 25 руб. 50 коп., а в 1891 г. уже 31 руб. 40 коп. В указанный период возросли и платежи в каждом из разрядов [9. С. 403–405]. Среди избирателей Харькова были крупные налогоплательщики, которые платили налоги в размере 5263 руб. 51 коп., а также и мелкие (по 14 коп.) [8. С. 10–13]. В Харькове за 20 лет действия Положения 1870 г. прослеживалось постепенное усиление влияния промышленников и торговцев на городские дела. Росла их численность среди избирателей и гласных.

Заслуживает внимания и соотношение избирателей каждого разряда к числу гласных, которые выбирались этими разрядами. В городах Черниговской губернии избиратели I разряда составляли около 2,5% от общего числа, из них 80% избирались гласными в думы. На долю избирателей II разряда приходилось 20% гласных. В то же время 9/10 избирателей относились к III разряду, а выбирали из своей среды всего 2% гласных [14. Д. 1715. Л. 54–55]. Бывали случаи, когда все или почти все избиратели I разряда выбирались гласными. Следовательно, процедура избрания на I разряде часто превращалась в простую формальность и среди кандидатов отсутствовала здоровая конкуренция и ротация гласных.

Дополнительную информацию о процессе формирования органов городского самоуправления содержат материалы, которые раскрывают сословный состав избирателей на разрядах. Например, в 1880 г. в Черниговской губернии во всех разрядах наблюдалось преобладание избирателей, которые относились к непривileгированным сословиям.

Значительный процент плательщиков мелких налогов, низкий образовательный уровень избирателей повлияли на активность последних во время выборов в органы городского самоуправления. Отчеты местных администраций и органов городского самоуправления свидетельствуют об одинаково пассивном отношении лиц привилегированных и непривileгированных званий и состояний к вопросу формирования муниципальных структур. Даже в Полтаве, Харькове и Чернигове активность избирателей оставляла желать лучшего. В 1871 г. на выборы пришли в этих городах соответственно 17,2%, 7,2% и 26,4% всех избирателей. Во вре-

мя проведения следующих выборов активность еще снизилась (Полтава – 16%, Харьков – 7%, Чернигов – 25,8%) [13. С. 61–62]. В городах рассматриваемых губерний пассивность избирателей фиксировалась и на разрядах. За исключением Харькова наблюдалась тенденция: чем ниже был разряд, тем более в нем доминировали представители непривилегированных званий, которые отличались своей активностью. Местные чиновники главной причиной такой ситуации считали неготовность большинства избирателей понять актуальность стоящих перед ними городских проблем и путей их разрешения [2. Оп. 38. Д. 1806. Л. 393об.]. По их мнению, такая ситуация стала результатом преобладания среди избирателей мелких плательщиков налогов и лиц с низким образовательным уровнем. Они считали, что выборы по II и III разрядам носили случайный характер: гласными избирали лиц, не имевших представления о задачах, которые необходимо было решать, а часто и не хотевших разбираться в существующих проблемах. Естественно, что их интересы не совпадали с интересами зажиточных горожан и правительства.

Закономерным результатом такого состава избирателей и разнообразных нарушений во время голосования стали случаи, когда назначенные выборы считались не состоявшимися по причине неявки значительной части избирателей. Заслуживает внимания тот факт, что все такие факты фиксировались по I разряду, хотя именно там, в основном, находились крупные налогоплательщики. Например, в Глухове, Кролевце, Стародубе выборы могли проводить по 2–3 раза. Такая пассивность избирателей I разряда беспокоила власти. Авторы закона предполагали, что именно лица привилегированных званий и состояний вместе с промышленниками и торговцами будут задавать тон в работе органов городского самоуправления. Однако подобный сценарий был реализован только в губернских центрах, что подтверждают данные таблицы [18. С. 40–50].

Таблица 2

Состав гласных дум Полтавы, Харькова и Чернигова (1883 г.)

Город	% дворян, духовенства	% купцов, почетных граждан	% мещан, ремесленников, крестьян	Всего гласных
Полтава	33,3	48,6	18,1	72
Харьков	40,3	54,1	5,6	72
Чернигов	58,3	30	11,7	60

В городах Полтавской, Харьковской и Черниговской губерний наблюдалась тенденция, на которую обратила внимание Л. Писарькова. Она на основании анализа статистических данных о социальном составе дум 613 городов (в 1871–1891 гг.) отметила, что в думах губернских городов наблюдалось преобладание гласных от купечества и почетных граждан (47%), а среди депутатов уездных дум – мещан, ремесленников и крестьян (51%) [19. С. 153]. Следовательно, вместо доминирования в органах городского самоуправления представителей привилегированных званий и состояний, а также крупных налогоплательщиков с высоким образовательным цензом власти получили «неприятный сюрприз» в виде мещан и крестьян, которые в лучшем случае имели начальное образование. Например, в 80-х годах XIX ст. только 2% депутатов в городах Черниговской губернии имели начальное образование, остальные представляли собой «серую неграмотную массу» [5. Ф. 128. Оп. 1. Д. 14460. Л. 37].

Дополнительным фактором, который раздражал власти, было значительное представительство иудеев среди гласных дум и управ (до 33%). С учетом численности иудейского населения в городах изучаемых губерний такая ситуация была закономерной. Следует помнить, что иудеи традиционно контролировали мелкую

и среднюю торговлю на украинских землях. Власти же считали значительное присутствие иудеев среди гласных деструктивным фактором, так как, по их мнению, иудеи в основной массе, работая в думах и управах, пытались в первую очередь получить личную выгоду, а не решать актуальные общественные проблемы.

Неоднородность состава избранных гласных часто вела к безразличию последних к своим обязанностям. Неоднократно в отчетах местных администраций отмечались случаи отмены заседаний городских дум по причине отсутствия кворума. Например, в Харькове за 1887–1891 гг. отменены 27 думских заседаний [7. Ф. 45. Оп. 1. Д. 443. Л. 29]. В отдельных уездных и заштатных городах ситуация была еще более катастрофической. Многие гласные считали свою работу в думе или управе слишком хлопотной и поэтому пытались ее игнорировать или же отказаться.

Таким образом, рассмотренные материалы позволяют сделать вывод, что реализация Положения 1870 г. в городах Полтавской, Харьковской и Черниговской губерний имела общие черты и отличия. Определенные ожидания властей не реализовались на практике. Неоднозначность результатов городской реформы 1870 г. стала фактором, который использовали консерваторы для исправления «отдельных ошибок» при подготовке нового Положения 1892 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб., 1837. Т. XII. Отд. 1. № 48 498.
2. Российский государственный исторический архив. Ф. 1287.
3. *Мыш М.И.* Городовое положение со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. СПб., 1890.
4. Центральный государственный исторический архив Украины г. Киев Ф. 442. Оп. 109. Д. 141.
5. Государственный архив Черниговской области. Оп. 1. Д. 14460.
6. Городовое положение с дополнениями и разъяснениями по указаниям и распоряжениям правительства, последовавшими после обнародования Положения до 1 октября 1874 г. СПб., 1874.
7. Государственный архив Харьковской области.
8. *Токарев В.М.* Підготовка міської реформи та проведення в дію Городового положення 1870 р. // Проблеми законності: Зб. наукових праць. Харків, 1998. № 35.
9. *Багалея Д.И.* История города Харькова за 250 лет его существования. Харьков, 1912. Т. 2.
10. *Шара Л.* Чернігівська міська дума 70–90-ті роки XIX ст. Чернігів, 2010.
11. Свод постановлений Черниговской городской думы от 1871–1883 гг. Чернигов, 1883.
12. Полтавские губернские ведомости. 1871. № 4.
13. *Нардова В.А.* Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX ст. Л., 1984.
14. Российская национальная библиотека г. Санкт-Петербург. Ф. 600.
15. Государственный архив Сумской области. Ф. 997. Оп. 1. Д. 1.
16. Записка сенатора А. Половцова о состоянии общественного управления и хозяйства в городах Черниговской губернии. СПб., 1882. Ч. 1.
17. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897. Черниговская губерния. СПб., 1905. Т. 48.
18. *Плаксий Т.М.* З історії міського громадського самоврядування в Україні (на прикладі міст Наддніпрянщини) // Придніпровський науковий вісник. Серія: Історія, філософія. Дніпропетровськ, 1998. № 109 (176).
19. *Писарькова Л.* Социальный состав городских гласных накануне контрреформы 1892 г. // История СССР. 1989. № 6.

© 2014 г. Е.С. БОРЗОВА

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ХОЛМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Настоящая статья посвящена истории образования Холмской губернии. Автор раскрывает истоки Холмского вопроса и анализирует причины, побудившие российское правительство пойти на образование новой губернии, и отношение варшавских генерал-губернаторов к данному проекту. Особое внимание уделено обсуждению законопроекта об образовании Холмской губернии в III Государственной думе Российской империи.

This article is dedicated to the Chelm province setting. The author reveals the origins of the Chelm issue and talks about the reason that prompted the Russian government to the setting of a new province. The attitude of the Warsaw general-governors to the project is consistently considered in this article. Special attention is paid to the discussion of the bill about the Chelm province setting in the III State Duma of the Russian Empire.

Ключевые слова: Царство Польское, Седлецкая губерния, Люблинская губерния, Холмская губерния, Указ 17 апреля 1905 г., епископ Евлогий, Л.К. Дымша.

Холмская губерния была образована в 1912 г. путем выделения из состава Царства Польского восточных уездов Люблинской и Седлецкой губерний. Однако, вопрос о создании новой губернии возник за столетия до этого, не раз уходя за это время в тень и вновь давая о себе знать. Что же заставило российское правительство пойти на такую меру?

Люблинская и Седлецкая губернии отличались от остальных польских земель тем, что здесь проживало значительное число малороссов: 16,9% и 13,9% от общего населения соответственно [1. Т. 55. С. 11; Т. 60. С. 17]. В основном они были сосредоточены в восточных уездах, которые составляли историческую область Холмщина. Холмский край, некогда входивший в состав Галицко-Волынского княжества, в конце XIV в. был завоеван Польским королевством и Великим княжеством Литовским (с 1569 г. – Речь Посполитая). В течение веков местное население подвергалось окатоличиванию и полонизации. Огромную роль в этом сыграла Брестская уния 1596 г., заменившая православную церковь греко-католической. После того как Холмщина вновь вошла в состав России (по решению Венского конгресса 1815 г.), начался процесс «восстановления полуподавленной в этом крае русской народности» [2. Ф. 5122. Оп. 1. Д. 75. Л. 67об.]. Для достижения этой цели кроме упразднения униатской церкви предполагалось выделить Холмский край в отдельную губернию, чтобы оградить местное население от дальнейшего польского влияния¹.

Борзова Елена Сергеевна – аспирантка Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

¹ На территории Холмщины униатская церковь была упразднена в 1875 г., а все униаты были объявлены воссоединившимися с православием.

Идея образования Холмской губернии появилась во второй половине 1860-х годов. Для надлежащей разработки проекта было произведено новое размежевание восточных уездов Люблинской и Седлецкой губерний. Получилось, что более трети русского населения (преимущественно малороссы)² оказалось за пределами проектируемой губернии. Кроме того, на содержание губернских учреждений новой административной единицы только по Министерству внутренних дел требовалось ежегодно до 100 тыс. руб., не считая единовременного расхода на постройку в г. Холме необходимых зданий и их оборудование [2. Ф. 5122. Оп. 1. Д. 75. Л. 68]. В связи с этим понятно, почему статс-секретарь по делам Царства Польского Н.А. Милютин отклонил образование такой «дорогой» губернии.

В 1881 г. по инициативе министра внутренних дел графа Н.П. Игнатьева в МВД был представлен новый проект образования Холмской губернии, предполагающий присоединение к ней прилегающей части Волыни. Однако, он не нашел сочувствия у варшавского генерал-губернатора П.П. Альбединского. Указанное обстоятельство и кратковременность министерства Игнатьева способствовали тому, что этот проект «не мог получить хода».

В 1883 г. варшавским генерал-губернатором был назначен генерал-адъютант И.В. Гурко. При нем появился новый проект, по которому западные части Люблинской и Седлецкой губерний, заселенные поляками, должны были образовать Седлеcko-Люблинскую губернию, а восточные же их части, заселенные по преимуществу малороссами, – Холмскую губернию. В Варшаве еще не была окончена детальная разработка этого проекта, как в Петербурге появился другой: не выделение русских в Привисленском крае, а их отделение, в пользу которого высказался обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, видя в таком мероприятии путь решения спорного вопроса о Юлианском и Григорианском календаре. «Двойной календарь весьма тягостен для православных из смешанных супружеств, служа источником многих семейных раздоров», – писал в 1889 г. Варшавский архиепископ Леонтий Победоносцеву [2. Ф. 5122. Оп. 1. Д. 75. Л. 68об.]. Однако, все доводы этого проекта генерал-губернатор Гурко признал недостаточно обоснованными и похоронил следующими официальными возражениями: «Упразднение Григорианского календаря не только не приведет к укреплению бывших униатов в православии, но может в значительной мере ослабить успешность борьбы православной церкви с упорствующими [...] и раздвоит течение религиозной жизни в Люблинской римско-католической епархии» [2. Ф. 5122. Оп. 1. Д. 75. Л. 69].

Преемник Гурко на посту варшавского генерал-губернатора граф П.А. Шувалов был другого мнения. В 1895 г. он высказался за необходимость образования Холмской губернии, поскольку прежние меры воздействия на «упорствующих» – убеждение, штрафы, административная высылка, – оказались безрезультатными³. По его мнению, такая мера, как выделение Холмской губернии, «если и не способна тотчас же устранить все окружающие униатский вопрос препятствия, то, по крайней мере, может быстро создать благоприятную для достижения этой заветной цели почву» [2. Ф. 5122. Оп. 1. Д. 75. Л. 69об.–70].

К концу 1896 г. проект образования Холмской губернии с административным выделением из Царства Польского был подробно разработан, но графа Шувалова к этому времени заменил князь А.К. Имеретинский, в лице которого данный вопрос встретил решительное возражение. По его мнению, «в таком стратегически важном пункте, как Царство Польское, необходимо полное объединение власти военной и гражданской», а «при отсутствии единства, несомненно, возникнут

² В архивных документах конца XIX – начала XX вв. под русскими подразумевались не только собственно русские, но также малороссы и белорусы.

³ «Упорствующими» называли бывших униатов, которые бойкотировали православные храмы и отказывались исполнять духовные требы у православных священников.

пагубные последствия в деле защиты государства». Кроме того, князь полагал, что образование Холмской губернии произведет на умы польского общества удручающее впечатление, и «не суля выгодных последствий», может вызвать «лишь одно озлобление в душе даже самого благомыслящего поляка» [2. Ф. 5122. Оп. 1. Д. 75. Л. 70].

В 1901 г. новый варшавский генерал-губернатор генерал-адъютант М.И. Чертков получил от МВД указание сообщить свое заключение по делу. Повторив доводы князя Имеретинского, Чертков также высказался против образования Холмской губернии, добавив пожелание «о скорейшем и окончательном разрешении вопроса», чтобы положить конец «периодическому возбуждению проекта, слухи о котором, проникая в население, вносят тревожное настроение в общественную жизнь» вверенного ему края [2. Ф. 5122. Оп. 1. Д. 75. Л. 71об.].

Таким образом, в последней трети XIX – начале XX в. с каждым новым назначением на должность варшавского генерал-губернатора, МВД вновь и вновь возбуждало вопрос о выделении Холмщины из Царства Польского. Однако начальники края, за исключением графа П.А. Шувалова, высказывались против данной меры. При этом, стоит отметить, что проект образования Холмской губернии «во избежание преждевременного его оглашения в обществе или в печати» обсуждался в совершенной тайне [2. Ф. 215. Оп. 1. Д. 88. Л. 2].

Вопрос о выделении Холмщины зазвучал с новой силой после провозглашения указа 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», который впервые допускал переход из православия в другое христианское вероисповедание. Данный указ наглядно показал провал политики русификации. Так, только за 1905 г. (с 17 апреля) перешедших из православия в католичество насчитывалось 40 859 чел. в Люблинской губернии и 93 124 чел. в Седлецкой губернии [3. Ф. 821. Оп. 10. Д. 287. Л. 1]. Если соотнести эти данные с общей численностью православных в этих губерниях по материалам всеобщей переписи населения 1897 г., то получается, что православная церковь потеряла 16,5% своих верующих в Люблинской и 77% в Седлецкой губернии (при этом следует иметь в виду погрешность, так как указ был издан спустя восемь лет после проведения переписи)⁴. Неудивительно, что такая ситуация всерьез обеспокоила российское правительство и Русскую православную церковь, которые вновь заговорили о необходимости образования «русской» губернии. Инициатором на этот раз выступило Холмское православное Свято-Богородицкое братство, основанное в 1879 г. с целью пропаганды православия. С этого момента Холмский вопрос был предан гласности и не переставал сходить со страниц периодической печати.

1 ноября 1905 г. в г. Холме состоялось собрание Холмского православного Свято-Богородицкого братства. «Настроение у всех было приподнятое, сознавалось и чувствовалось, что идет вопрос: быть или не быть русским в Холмской Руси, исчезнуть ей с лица земли или остаться русским авангардом» [2. Ф. 5122. Оп. 1. Д. 75. Л. 73.]. Члены братства пришли к единодушному решению ходатайствовать перед правительством о выделении Холмщины в отдельную губернию. Для этого из Холма в Петербург отправилась специальная депутация, которая везла записку, озаглавленную «О необходимости выделения из состава Царства Польского Холмской Руси», под которой стояло 50 980 подписей местных жителей [4. С. 169].

По поручению попечителя Свято-Богородицкого братства епископа Люблинского и Холмского Евлогия профессор Варшавского университета В.А. Францев составил этнографическую и вероисповедную карту, где было представлено процентное соотношение поляков и русских по каждой гмине. Карта Францева, по словам Евлогия, оказалась весьма полезной и доказательной, она наглядно

⁴ Согласно данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г. в Люблинской губернии православных насчитывалось 248 061 чел., в Седлецкой губернии – 120 811 чел. [1. Т. 55. С. 86; 2. Т. 60. С. 78].

показывала, что «волна ополячивания и окатоличивания надвигалась с запада на восток, захватывая все новые и новые области» [5. С. 196]. Так, по статистическим данным Францева за два года (1906–1907) число православных по пяти уездам Люблинской губернии сократилось на 10 372 чел., по четырем уездам Седлецкой губернии на 5171 чел. [2. Ф. 5122. Оп. 1. Д. 75. Л. 46]. В связи с этим опасения Евлогия понятны. Он как глава православных на территории Холмщины желал оградить свою паству от дальнейшего окатоличивания. По словам епископа, который также являлся депутатом III Государственной думы от православного населения Люблинской и Седлецкой губернии, «если не будут приняты особые меры, то в Государственной думе от Холмской Руси будут поляки, а не русские» [2. Ф. 5122. Оп. 1. Д. 75. Л. 72об].

Идея образования Холмской губернии обсуждалась в правительстве восемь раз и столько же раз отвергалась. Но на девятый раз победу одержали П.А. Столыпин и Евлогий. 19 мая 1909 г. МВД внесло законопроект об образовании Холмской губернии в Государственную думу, и в тот же день он был передан в комиссию законодательных предположений. Около двух лет законопроект обсуждался в специальной Холмской подкомиссии (далее – комиссия), где все это время шла упорная борьба его сторонников и противников.

Жаркие споры разгорелись вокруг этнографической и религиозной статистики. Депутаты Польского коло опровергли цифры В.А. Францева о «русском» большинстве Холмщины. При этом они опирались на сведения книги С. Дзевульского «Статистика населения Люблинской и Седлецкой губерний по поводу проекта образования Холмской губернии» (Варшава, 1909). Так, по данным на 1 января 1909 г. из 259 593 русских, проживающих в восточной части Люблинской губернии, выделяемой в состав Холмской, православных было 89% (231 455 чел.). Поляков насчитывалось почти в полтора раза меньше – 189 250 чел., а исповедующих католицизм гораздо больше – 227 388 чел. По Седлецкой губернии вырисовывалась похожая картина: из 166 700 русских, выделяемых в состав Холмской губернии, православными были 56% (93 167 чел.); поляков проживало 93 167 чел, а католиками были 107 786 чел. [2. Ф. 5122. Оп. 1. Д. 44. Л. 5, 7]. Получалось, что в новой Холмской губернии русских (в основном малороссов) должно было быть в два раза больше, чем поляков (436 293 чел. и 223 502 чел. соответственно), а вот православных меньше, чем католиков (324 622 чел. и 335 174 чел. соответственно). Отсюда следует, что значительное число малороссов исповедовали католическую веру. На этой почве и возник вопрос о целесообразности образования «русской» губернии, в которой католиков было бы больше, чем православных.

По мнению Евлогия, решающим признаком должен быть национальный, а не религиозный. «Поскольку многие католики сохраняют русскую речь, то следует принять принцип этнографический, – говорил епископ, – Вероисповедная статистика, во всяком случае, имеет второстепенное значение» [2. Ф. 690. Оп. 1. Д. 61. Л. 7об.]. Такого же мнения придерживался и докладчик комиссии Д.Н. Чихачев, говоря, что «следует дорожить племенным составом» [2. Ф. 690. Оп. 1. Д. 61. Л. 14].

Член комиссии А.И. Парчевский утверждал, что в Холмщине польский, малорусский и другие языки так переплетены, что составить на основании языка какую-либо статистику является невозможным» [2. Ф. 690. Оп. 1. Д. 61. Л. 15].

Вторым дискуссионным вопросом стал вопрос о необходимости обращения к далекому прошлому Холмского края. Часть членов комиссии указывали на то, что не поляки, а русские – коренные жители Холмщины. «Край чисто русский, только наслоения польские: мещане и помещики, – говорил на заседании комиссии С.Е. Крыжановский. – Следует выправить мысль, что это польский край» [2. Ф. 690. Оп. 1. Д. 61. Л. 12–12об.]. Некоторые члены комиссии считали, что вообще нет смысла прибегать к историческому прошлому. Так, В.А. Потулов говорил, что «ссылки на прошлое излишни», поскольку «исторические факты

покрыты давностью». Г.А. Щечков считал, что «проводить границу племенную невозможно, а историческую – не нужно». «Вопрос выделения – очень простой, – говорил он, – следовало бы его провести административным порядком, а не терять напрасно время в рассуждениях» [2. Ф. 690. Оп. 1. Д. 61. Л. 11–11об.].

Наиболее активно законопроект защищал епископ Евлогий. На заседании комиссии он утверждал: «Мира быть не может пока не решен основной вопрос: какой должна быть Холмщина в национально-культурном отношении [...] Когда она станет русской, тогда наступит вожделенный мир, пора мирного и культурного развития на равных и самобытных началах; тогда мы сможем спокойно и искренне подать руку своим братьям полякам» [2. Ф. 690. Оп. 1. Д. 61. Л. 18–18об.]. Евлогий, стоявший во главе всего Холмского дела, прикладывал все усилия для продвижения законопроекта. Он выступал с докладами не только в Государственной думе, но и на общественных собраниях и в великосветских салонах; организовал поездку группы депутатов в Холмщину, чтобы продемонстрировать радостную встречу холмских крестьян с народными избранниками в надежде на скорое освобождение от польского гнета [4. С. 168]. По словам Евлогия, депутаты «воочию убедились, что коренное русское население в Холмщине есть» [5. С. 204–205]. Однако, по замечанию А.Я. Авреха, «это была на редкость грубая работа с подставными представителями, согнанными крестьянскими сходками и другими подобными приемами» [4. С. 168].

Следует заметить, что во время разъездов по Холмщине депутаты оставили без внимания Седлецкую губернию. Польский депутат Государственной думы от Седлецкой губернии Л.К. Дымша писал: «Решать Холмский вопрос, не побывавши на месте, на основании одних лишь правительственных предположений и данных [...] решительно невозможно, до настоящего времени никто из подписавших законодательное предположение, начиная с П.А. Столыпина, никогда на месте не был; генерал-губернатор, знающий местные условия, высказывается вместе со своими предшественниками против проекта. В виду сего кажется ясным, что теоретические соображения центрального правительства идут вразрез с действительным положением дела на местах» [2. Ф. 690. Оп. 1. Д. 58. Л. 1].

Польская сторона проявляла меньшую активность, чем Евлогий и другие депутаты-националисты. Дымша издал брошюру на русском языке с заявлениями от местных крестьян, не желающими выделяться из Царства Польского. Евлогий, которому нечем было парировать, заметил, что «подложность писем была очевидна» [5. С. 205].

В Государственном архиве Российской Федерации хранится пять внушительных по объему дел с заявлениями граждан Седлецкой и Люблинской губерний в Польское коло с просьбой «об оставлении их в прежнем территориальном делении» [2. Ф. 5122. Оп. 1. Д. 39, 40, 41, 42, 43] следующего содержания: «Просим наших представителей постоять за нас и защищать нас от новых перемен, которые [...] будут для нас плачевными, как в имущественном, так и в нравственном отношениях [...] Умоляем послов наших в Государственной Думе, чтобы не дали нас на погибель и не позволили отлучить нас от Царства Польского, с которым мы связаны от веков общими правами и обычаями [...] Мы не отступим [...] и просим наших послов, чтобы за нами громко кричали, так чтобы услышал весь свет о нашей обиде [...] Мы не согласны на выделение даже куска земли от Царства Польского [...] всякие административные изменения не изменят наших душ польско-католических [...] Обращаемся к Вам, нашим послам в Государственной Думе, скажите Вашим товарищам представителям Русского народа, разве Россия будет от этого сильнее и счастливее, если в ней прибавится еще ожесточения и раздора» [2. Ф. 5122. Оп. 1. Д. 39. Л. 4, 14, 16, 21, 136].

Кроме того, Л.К. Дымша пытался всячески затянуть рассмотрение законопроекта, который и так обсуждался в комиссии очень сложно. К примеру, когда на пятом

заседании было предложено перейти к постатейному чтению проекта, Дымша заявил, что до этого «еще далеко, и если считать вопрос исторически исчерпанным, то остаются еще необсужденными предметы статистические, этнографические и политические» [2. Ф. 690. Оп. 1. Д. 61. Л. 13].

Противниками выделения Холмщины в отдельную губернию были не только поляки. К примеру, депутат от Саратовской губернии Н.Н. Львов указывал на то, что при уничтожении унии в 1875 г. местное население испытало на себе религиозный гнет, который вызвал «страшнейшее раздражение», поэтому «нужно лечить это раздражение, а не создавать новые раны путем выделения ненавистного большинству народонаселения данной местности» [2. Ф. 690. Оп. 1. Д. 61. Л. 11].

Большинство членов комиссии все же высказалось за выделение Холмского края из Царства Польского. Однако, в их речах чувствуется опасение и неуверенность. К примеру, В.А. Потулов говорил: «Следует ограждать от колонизации. Нужно сделать первый шаг, ибо население более русское, чем польское. Выделить следует – весь вопрос как». С.Е. Крыжановский утверждал, что «с поляками нужно полюбовно размежеваться» [2. Ф. 690. Оп. 1. Д. 61. Л. 11об.–12]. Хотя уже тогда было ясно, что полюбовно этот вопрос не разрешим. В итоге комиссия пришла к такому заключению: «Выделение Холмского края представляется необходимым в интересах коренного русского населения этого края в целях предупреждения его ополячивания» [2. Ф. 690. Оп. 1. Д. 61. Л. 30].

Совершенно противоположным было мнение Министерства финансов. Еще в 1907 г. в ответ на записку МВД по вопросу образования Холмской губернии оно дало следующее заключение: «Укрепление русских начал в Холмщине и охранение их от наступательного движения полонизма и католицизма вряд ли достигимы тем путем, который избран Министерством внутренних дел [...] Выделение Холмской губернии будет принято польским обществом как проявление националистических стремлений. Такое значение этой реформы в глазах польского общества, склонного вообще преувеличивать значение актов русского правительства [...] может обострить отношения между польскою и русской частями населения в Холмщине» [2. Ф. 5122. Оп. 1. Д. 44. Л. 15об., 17].

Надежда на принятие законопроекта в Думе стала угасать после смерти Столыпина. Тем не менее, его дело продолжало жить, и законопроект об образовании Холмской губернии, пролежавший в комиссии более двух лет, стал все-таки обсуждаться на заседаниях Думы. 7 мая 1911 г. комиссия представила доклад в общее собрание Думы, а с 25 мая началось обсуждение законопроекта, которое заняло 17 заседаний, а для выступления в прениях записалось 107 депутатов [4. С. 172–178]. Окончательное голосование проходило 26 апреля 1912 г. Польский депутат Я. Гарусевич на этом заседании сказал: «Мы голосуем и протестуем против всего законопроекта и [...] все наши заявления по Холмскому проекту составляют самую сдержанную форму тех истинных настроений [...] которые господствуют во всех слоях польского народа. Если вы примкнете к законопроекту – это крышка гроба! Поляки этого вам не простят!» [6. Стб. 3412].

И все же законопроект, полное название которого звучит как «Об образовании из восточных частей Люблинской и Седлецкой губерний особой Холмской губернии, с изъятием ее из управления Варшавского генерал-губернатора», был принят большинством голосов (156 против 108). 4 мая 1912 г. он был передан в Государственный совет, а 23 июня утвержден императором и стал законом. «Основная задача моя была выполнена, – вспоминает Евлогий, – теперь я свободно мог ехать в свою епархию» [5. С. 211]. Для поляков же, которые называли эту меру четвертованием или четвертым разделом Польши, такой исход дела был катастрофой.

Официальное открытие Холмской губернии состоялось 8 сентября 1913 г. Седлецкая губерния по выделении ее части во вновь образуемую Холмскую губернию, упраздняясь с присоединением Венгровского уезда к Ломжинской губернии,

а остальных уездов – к губернии Люблинской. В результате нового административного деления граница Холмской и Люблинской губерний оказалась очень сложной и извилистой. Новая губерния была изъята из управления Варшавского генерал-губернатора и подчинена непосредственно министру внутренних дел России. Учебные и судебные заведения были подчинены попечителю Киевского учебного округа и округу Киевской судебной палаты соответственно, а в отношении ревизской отчетности – Киевской контрольной палате [7. С. 367–368].

Таким образом, более полувека потребовалось российскому правительству, чтобы воплотить задуманное и выделить Холмщину из Царства Польского в отдельную губернию. В итоге такая русификаторская мера привела к тому, что в лице значительной части населения Холмщины российское правительство получило враждебно настроенных подданных своего государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб. 1904. Т. 55, 60.
2. Государственный архив Российской Федерации.
3. Российский государственный исторический архив.
4. *Аврех А.Я.* П.А.Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991.
5. *Евлогий Георгиевский.* Путь моей жизни. Воспоминания митрополита. М. 1994.
6. Государственная дума. Стенографические отчёты. Созыв III. Сессия V. СПб., 1912.
7. *Столыпин П.А.* Программа реформ П.А. Столыпина. Документы и материалы. М., 2003. Т. 1.

© 2014 г. Л.А. СЛОБОДЯН

ПРОБЛЕМА ГОЛОДА 1932–1933 ГОДОВ НА УКРАИНЕ В УКРАИНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЯХ 1991–2013 ГОДОВ

В статье сделана попытка сравнения украинской и российской историографии по проблеме голода 1932–1933 гг. на территории УССР. Проанализированные труды засвидетельствовали как сходные, так и различные взгляды на причины, масштабы, характер и последствия голода 1932–1933 гг.

In the article the author compares conclusions of the Ukrainian and Russian historiographies on the famine in 1932–1933 in the USSR. The works under scrutiny demonstrate both similar and different views on the causes, extension, nature and consequences of the famine in 1932–1933.

Ключевые слова: голод 1932–1933 гг., голодомор, историография, Украина, Россия.

Голод 1932–1933 гг. – одна из самых трагических страниц в истории Советской Украины.

В украинской историографии насчитывается около 14 тыс. работ, посвященных исследованию причин и последствий голода 1932–1933 гг. Эта тема получила освещение в западной и современной российской историографиях.

На Украине имеется ряд историографических работ, посвященных голоду 1932–1933 гг., исследованию его причин и последствий, региональных и других аспектов [1]. К зарубежной историографии изучения проблемы обращались В. Савельев [2], В. Марочко [3], Г. Васильчук [4], А. Серпутько [5] и др.

В украинской историографии (советской и постсоветской) прослеживается несколько периодов накопления исторических знаний, отличающихся между собой методологической и идеологической направленностью, уровнем научности и объективности. Советская историография голода слишком ограничена и ангажированна, ведь сам факт голода замалчивался и отрицался. Труды советских исследователей отражали политику и идеологию коммунистической власти: «голода не было и быть не может в условиях всепобеждающего социализма» [6. С. 97]. Некоторые сторонники такого подхода ссылаются на то, что нет документов о прямом распоряжении Сталина истребить непокорных украинских крестьян голодом.

В конце 1980-х годов под влиянием реформ М. Горбачева наметились некоторые новые тенденции в развитии исторических исследований, которые частично затронули замалчиваемые темы, в том числе и голод 1932–1933 гг. Его официальное признание на Украине произошло в декабре 1987 г. В докладе по случаю 70-летия образования УССР В. Щербицкий отметил, что причиной голода была засуха, вследствие которой и возникли некоторые продовольственные затруднения.

Слободян Лилия Александровна – аспирантка Национального научно-исследовательского института украинологии и всемирной истории.

Что касается понятия «голодомор», которое возникло от слова «голод» и «мор» (морить голодом), то впервые его использовал В. Барка в предисловии к своему роману «Жовтий князь» в 1963 г. В 1986 г. И. Драч впервые публично использовал заимствованное у диаспоры слово «голодомор», а в 1988 г. писатель А. Мусяненко использовал слово «голодомор» в своей статье, которая вышла в газете «Литературная Украина». Таким образом оно быстро стало общепризнанным в украинской журналистике и позже перешло в научную историческую литературу. Сегодня понятие «голодомор» используют для обозначения именно украинского голода 1932–1933 гг. как умышленного, целенаправленного, осознанного сталинским руководством голода, направленного на уничтожение украинцев как нации. Когда речь идет о голодоморе, фактически имеется в виду осуществленный геноцид против украинского народа.

Одной из первых работ, касающихся проблемы голода 1932–1933 гг. была статья С. Кульчицкого, которая появилась в марте 1988 г. в «Украинском историческом журнале» [7]. В ней давалась характеристика социально-экономической политики в годы первой пятилетки, составной частью которой стали сплошная коллективизация, раскулачивание и в результате – голод. Деятельность чрезвычайной хлебозаготовительной комиссии, которая действовала на Украине под руководством В.М. Молотова, оценивалась как злодейская, приведшая к трагедии – массовому голоду. В дальнейшем именно С. Кульчицкий стал одним из ведущих специалистов в исследовании этой проблемы.

Принципиально новый период в историографии голода (голодомора) – постсоветский – начался с 1991 г. Перед учеными открылись новые материалы, стали доступны архивные документы. Главная особенность этого периода, по мнению Я. Калакуры, заключается в том, что: «во-первых, центр исследований голодомора переносится непосредственно на Украину; во-вторых, создается солидная документальная база и формируется кадровый потенциал ученых новой, постсоветской, генерации для развертывания исследований не только в центре, но и в регионах; в-третьих, голодомор предстает как украиноведческая проблема» [6. С. 99].

Этот период в историографии проблемы голодомора открывает документально-публицистическое издание «33-й: Голод: Народная книга-мемориал» [8], созданное по инициативе украинского писателя В. Маняка и его жены – журналистки Л. Коваленко-Маняк, опубликованное под эгидой Союза писателей Украины. Оно шокировало собранными рассказами очевидцев голодомора, бесценные свидетельства которых авторам удалось привлечь к сборнику. Книга содержит 1000 свидетельств о голоде. Они дополнены архивными документами, обнаруженными, исследованными и подготовленными к печати учеными Института истории Украины Е. Шаталиной и В. Марочко.

В начале 1990-х годов вышли труды С. Кульчицкого, В. Даниленко, Г. Касьянова, В. Марочко, Е. Шаталиной [9] и др., содержащие принципиально новую оценку голода 1932–1933 гг. как спланированную политику сталинского режима по отношению к населению Украины.

Со второй половины 1990-х годов украинская историография голода 1932–1933 гг. приобрела качественно новый, более аналитический характер, обогатилась рядом работ как уже известных, так и новых авторов [10], у которых голодомор связывается с национальной политикой ВКП(б) на украинских землях.

Исключительно важную роль в обогащении источниковой базы исследования масштабов и трагических последствий голодомора сыграли местные историки, краеведы и архивисты, стараниями которых были обнаружены и обнародованы многочисленные региональные сборники документов и записи свидетельств очевидцев [11], которые показали, что голодомор коснулся всей территории тогдашней Украины (кроме западноукраинских земель, которые до 1939 г. принадлежали

Польше), носил массовый характер и привел к миллионным жертвам. На региональном уровне тему голодомора изучали местные ученые Т. Полищук, А. Веселова, Г. Баташан, Р. Беженуца, М. Биличенко, Ю. Авраменко, В. Гнатюк, В. Иваненко, А. Удод и др. [12]. Их работы засвидетельствовали, что голод 1932–1933 гг. в разной степени был распространен по всей территории УССР.

Важным событием в заполнении «белых пятен» в истории голода 1932–1933 гг. на Украине, повышении уровня исследований стало издание документальных сборников, в которых раскрыты причины, течение и последствия голода на территории Украины [13].

В украинских исследованиях последнего двадцатилетия особенностью является утверждение в историческом сознании общества аргументированного вывода о том, что голодомор, начиная с 1933 г., приобрел характер геноцида [14]. Такой подход содержится в работах Ю. Брягунова [15], С. Шамары [16], В. Панибудьласка [17], А. Палий [18], Г. Ефименко [19], П. Соболя [20], А. Козицкого [21], П. Брицкого [22] и др.

Ключевое место в трудах украинских историков, демографов занимают вопросы, связанные с установлением численности жертв политики сталинского режима. А. Семенюк [23], С. Кульчицкий [24], Г. Ефименко [25], Э. Либанова [26], Н. Левчук [27], А. Палий [28] утверждают, что политика властей, проводимая в 30-х годах XX в., привела к демографической катастрофе. Установить точное количество погибших невозможно, поскольку люди умирали не только от голода, но и естественной смертью, например от старости. Значительное количество людей умерли от болезней, которые обострились в результате голода, в частности от тифа, малярии, а иногда и чумы. Многих просто массово закапывали в больших братских ямах, не оставляя при этом никаких следов – ни памятников, ни крестов. Сотни тысяч людей были репрессированы и вывезены властями. Также не последнее место занимает миграция населения. Спорным является вопрос учета количества неродившихся детей, родители которых погибли голодной смертью. Таким образом, данные погибших от голода колеблются от 3,5 до 13 млн жертв по Украине. Такой разницей объясняется как сложностью проблемы, так и недостаточным количеством источников. К тому же в основу подсчетов ученые кладут разные методики.

Украинские историки, исследуя проблему голодомора 1932–1933 гг., наряду с анализом его причин и демографических последствий, все чаще стали касаться психологических, моральных, духовных, культурных и ментальных последствий трагедии. Среди первых, кто затронул проблему духовных последствий голодомора для внутреннего мира украинцев, были В. Маняк и Л. Коваленко [8]. Духовно-нравственные последствия голодомора раскрывает А. Огирко [29]. Негативное влияние голодомора на психическое и культурно-духовное состояние человека исследовала Н. Бем [30]. В. Борисенко отнесла к социально-психологическим последствиям голодомора «деформацию народных традиций хозяйствования, обычаев, обрядов, девальвацию семейных ценностей, культуры, что негативно сказалось на морально-этических принципах поведения, привело к равнодушию, конформизму, посеяло страх, который и до сих пор не преодолен» [31. С. 265].

Влияние большевистского режима на культурный и духовный мир украинского народа активно изучает А. Стасюк [32], убедительно доказывая, что украинскому народу был нанесен непоправимый ущерб в религиозной сфере, сохранении семейных традиций и обычаев. В украинском обществе от постоянного голодания в 30-х годах XX в. начали зарождаться такие негативные процессы, как кражи, доносы, самосуды, мародерство, шантаж, бандитизм, подкуп и стравливание крестьян, нечестие, а также увеличилось количество самоубийств, получили распространение каннибализм и трупоедство, психические расстройства. Чрезвычайно

губительным для украинских семей стало нарушение семейной обрядности. В частности, были нивелированы или значительно обеднены традиции рождения, крещение ребенка, свадьба, похороны.

Таким образом, исследователи сходятся во мнении, что голодомор 1932–1933 гг. нанес непоправимый вред моральной, психологической, духовной и культурной жизни украинского народа.

Между тем некоторые авторы придерживаются противоположных взглядов. Так, в брошюре «1933: голодомор???» [33] утверждается, что голодомора в украинской истории не было. Голод в 1930-х годах свирепствовал как на Украине, так и в России, а его причиной была засуха 1932 г. Авторы считают, что от голода умерли 700 тыс. преимущественно крестьян. Голод 1932–1933 гг. обусловлен частично необходимостью ускорения развития государства, частично – ошибками ее руководства. А на вопрос, для чего создается миф о голодоморе, авторы отвечают: для того, чтобы в свое время развалить СССР, а теперь – чтобы отвлекать украинцев от действительно важных проблем.

В работе «Миф о голодоморе – изобретение манипуляторов сознанием» указано, что в голоде виноваты кулаки, которые совершали диверсии. Автор считает, что на Украине «в 1932 году умерло 668 тыс. человек, в 1933 году – 1309 тыс. человек, то есть 2 млн человек. Если при этом исключить число умерших по естественным причинам, то жертвами голода стали 640–650 тыс. человек» [34. С. 11], поэтому 1932–1933 гг. не являются ни геноцидом, ни голодомором.

В работе «Заложники глобального противостояния. Трагедия Великого Голода 1932–1933 гг. на Украине в контексте холодной войны (1945–1991 гг.)» [35] авторами рассмотрена проблема голода 1932–1933 гг. в сравнительно новом аспекте, а именно как информационно-психологическое противостояние в период холодной войны между Западом и Востоком, что и породило формирование концепции «голодомора-геноцида» украинского народа в 1930-е годы, которая используется для манипуляции сознанием людей: США вели против Советского Союза подрывную деятельность, направленную на уничтожение позиций СССР. В этих публикациях утверждается мысль, якобы украинцы намеренно ищут причину поссориться со «старшим братом», бросая тень на Россию.

Кардинально отличаются подходы к проблеме голода 1932–1933 гг. в российской историографии. Проблему голода в 30-х годах XX в. исследуют В. Данилов, В. Кондрашин, Н. Ивницкий, С. Миронин, А. Марчуков, Ю. Шевцов, Е. Тюрина, И. Бондарь, Е. Осадченко, С. Руднева, В. Бондарев, А. Матвеев и др. Активность изучения проблемы резко повысилась с конца 1980-х годов. Как отмечает В. Кондрашин: «Решающим фактором активизации исследований в данном направлении явилась политика гласности и демократизации общественно-политической жизни страны. Ликвидация идеологического диктата государственной власти и “архивная революция” создали исследователям благоприятные условия для творческой работы» [36].

На рубеже 1980–1990-х годов российские историки [37] сосредоточивали усилия на определении количества жертв массовых политических репрессий сталинского режима и голода 1930-х годов. Исследователи отмечают, что данные, которые называют некоторые зарубежные ученые о потерях украинского населения от голода, значительно завышены. При этом не отрицается «трагическое первенство» Украины в количестве жертв голода, на территории которой больше всего пострадали крестьяне.

Важным достижением российских исследователей стала работа в архивах, были изданы документальные сборники, которые способствовали восстановлению картины голода как на территории Украины, так в других районах СССР [38]. В частности эти документы раскрывают истинную причину трагедии – насильственную коллективизацию в СССР, обусловленную начавшейся в стране на

рубеже 1920–30-х годов форсированной индустриализацией, сельское хозяйство СССР стало ее главным внутренним ресурсом.

Большинство российских историков [39–40] отрицают тезис о том, что голод 1932–1933 гг. был специально направлен на уничтожение украинского народа, т.е. имел этническую направленность. Об этом говорится в документальном сборнике «Голод в СССР. 1930–1934 гг.»: «Не обнаружен ни один документ, подтверждающий концепцию “голодомор–геноцид” на Украине или хотя бы намек в документах на этнические мотивы случившегося, в том числе на Украине. Абсолютно весь массив документов свидетельствует о том, что главным врагом советской власти в то время был враг не по этническому признаку, а по признаку классовому» [41. С. 7]. Или в качестве аргумента называют распространение голода в других зерновых районах СССР, в частности на Кубани, в Казахстане, на Нижней Волге, в ЦЧО. В связи с этим В. Кондрашин отмечает: «Абсолютно неприемлемым является истолкование всенародной трагедии 1932–1933 годов в рамках теорий “геноцида” и “голодомора”, а также абсолютизации национального фактора в сталинской аграрной политике» [36].

Причины, масштабы и последствия голода в основных зерновых регионах раскрыты в работе Н. Ивницкого [42]. Автор анализирует документы, касающиеся голода, реакцию на него руководства страны. В частности, Н. Ивницкий называет виновным за голод центральное партийно-государственное руководство во главе со Сталиным, но немалая доля вины лежит и на украинском руководстве – Косиоре, Чубаре, Постышеве, Хатаевиче. Что касается жертв голода, то исследователь называет число в 3,5 млн человек.

Проблему участия украинских властей и обычных людей в усугублении голода на Украине поднимает и В. Кондрашин. Он также видит причину голода 1932–1933 гг. в ошибках, допущенных при реализации авантюристической политики сплошной коллективизации, что привело к изменению обычной жизни крестьян, которые потерпели голод не по национальному признаку, а по месту проживания – в основных зерновых районах [43].

Некоторые российские историки, среди которых В. Данилов [44], соглашаются, что голод 1930-х годов был организованным сверху, но отнюдь не был голодомором и геноцидом украинского народа. Он один из первых российских историков, признавший голод искусственным, рукотворным, поскольку ни уровень сельскохозяйственного производства, ни погодные условия, по его мнению, не были причинами катастрофы.

Проблему голода 1932–1933 гг. как «голодомора» поднимает А. Марчуков, который считает, что «голодомор» это лишь политическая и идеологическая кампания, направленная против России [45].

Часть российских историков изучают проявление голода 1932–1933 гг. в отдельных регионах СССР. Так, о возникновении и последствиях голода на Кубани в 1932–1933 гг. писали И. Бондарь [46], Е. Осадченко, С. Руднева [47]. Активную работу по исследованию коллективизации и голода 1932–1933 гг. в Поволжье осуществляют И. Зеленин, Т. Еферина, А. Марискина, Т. Надькин, Н. Каунова, В. Кондрашин [48]. Причины и социально-экономические последствия голода 1932–1933 годов в ЦЧО раскрыты в трудах П. Загоровского [49].

В работах российских историков красной нитью проводится мысль о том, что трагедия голода 1932–1933 гг. является общей трагедией, которая должна не отталкивать два народа – украинский и российский, а наоборот – объединять их.

Важным шагом к выяснению исторической правды событий 1932–1933 гг. являются конференции, «круглые столы», дискуссии с участием двух стран – Украины и России. Так, в 1993 г. в Киеве состоялась Международная научная конференция «Голодомор 1932–1933 гг. на Украине: причины и последствия». Представителями от России были И. Зеленин, Н. Ивницкий, В. Кондрашин и Е. Осколков. Свою

точку зрения они озвучили на конференции, а после – опубликовали в журнале «Отечественная история», где отмечается, что «трагедия голода обрушилась на основные зерновые районы страны и была вызвана антикрестьянской политикой сталинского руководства, не имевшей, однако, ярко выраженной национальной направленности. Картина общекрестьянской трагедии во всех переживших ее регионах, по существу, была идентичной» [49]. Поэтому выделять Украину, как наиболее пострадавший регион, нет оснований.

В мае 2007 г. журнал «Родина» организовал «круглый стол» «Голод на Украине и в других республиках СССР. 1932–1933 годы. Организаторы и вдохновители», в 2008 г. состоялась российско-украинская конференция «Украина и Россия: история и образ истории»; в обоих случаях украинские и российские ученые остались на своих позициях.

Итак, начиная с 1990-х годов ученые обеих стран сосредоточивали свои усилия на исследовании проблем социально-экономического и политического характера голода 1932–1933 гг. Украинские историки отстаивают точку зрения на голод 1932–1933 гг. как проявление геноцида украинского народа.

Новейшая украинская историография голодомора 1932–1933 гг. все больше внимание обращает не только на его демографические, но и на психологические, нравственные и культурно-духовные последствия. Большинство ученых считают, что организованный коммунистическим режимом искусственный голодомор приобрел характер этнического и культурно-духовного геноцида украинского народа. Трагедия оставила разрушительный след в судьбе нескольких поколений, а ее сокрушительные последствия украинское общество испытывает до сих пор.

В то же время российская историография голода на Украине, объективно освещая общие причины возникновения трагедии (коллективизация, политика раскулачивания, хлебозаготовки), не рассматривает голод 1932–1933 гг. как голодомор, геноцид украинского народа. Российские историки отстаивают мнение, что голод 1932–1933 гг. – это беда не только Украины и ее народа, а трагедия всей России, ведь голод поразил Поволжье, Северный Кавказ, ЦЧО, Урал, Западную Сибирь, Казахстан. Украинские историки не умаляют человеческих потерь от голода в других районах СССР, но потери на Украине в этот период были значительно большими, чего не отрицают даже российские специалисты.

Таким образом, украинские и российские историки наряду с общими подходами придерживаются противоположных взглядов на сущность проблемы голода 1932–1933 гг. на Украине, что диктует необходимость ее дальнейшего изучения, в том числе общими усилиями. Важно объективное установление исторической правды для обеих стран, а для этого нужно отделить историю от политики и осознать, что на Украине нет претензий к теперешней России и ее народу по поводу того, что случилось восемьдесят лет назад, и который, в свою очередь, тоже немало пострадал от большевицкого режима.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Калініченко К., Яценко Є.* Історіографія голодомору 1932–1933 років в Україні // Голод-геноцид 1933 року в Україні: історико-політологічний аналіз соціально-демографічних та морально-психологічних наслідків: Міжнар. наук.-теорет. конф., Київ, 28 листопада. 1998 р.: Матеріали. Київ; Нью-Йорк, 2000; *Дровозюк С.* Національно-культурне та духовне життя українського селянства у 20–30-х рр. ХХ століття: історіографічний нарис. Вінниця, 2005; *Шкварець В.П., Горбунов Є.Г., Горбунов К.Є.* Історіографія та історіософія голодів-людоморів на Миколаївщині. Миколаїв, 2008; *Єрмак О.П.* Сучасна історіографія голоду 1932–1933 років на Полтавщині // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. 2008. № 18; *Шкварець В.П., Шитюк М.М.* Історіографія проблеми голодомору 1932–1933 рр. в вітчизняній та зарубіжній літературі // Наконний вісник Миколаївського державного університету імені В.О. Сухомлинського: Зб. наук. праць. Миколаїв, 2009. Вип. 27; *Назарова К.* Сучасна історіографія голодомору 1932–1933 років в Україні: 1986–2009 роки: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Миколаїв, 2011; *Шитюк М., Назарова К.* Голодомор 1932–1933 років в Україні в сучасній історіографії (1986–2009 роки). Миколаїв, 2012.

2. *Савельєв В.Л.* Трагедія українського народу в висвітленні зарубіжної історіографії // Голод 1932–1933 років: очима істориків, мовою документів. Київ, 1990.
3. *Марочко В.* Концептуальні підвалини західноєвропейської та російської історіографії голодомору 1932–1933 рр. в Україні // Український історичний журнал. 2003. № 5; *Марочко В.* Сучасна зарубіжна історіографія голоду 1932–1933 рр. в Україні: нова чи стара інтерпретація? // Український історичний журнал. 2006. № 3.
4. *Васильчук Г.* Колективізація і політика розкуркулення в СРСР (кін. 20-х – перша половина пол. 30-х рр.): концепції сучасної західної історіографії // Наукові праці іст. фак. Запорізького нац. ун-ту. Запоріжжя. 2007. Вип. 20.
5. *Серпутько А.Ю.* Сучасна українська та російська історіографія причин та наслідків голодомору в УРСР 1932–1933 років // Дис. ... канд. іст. наук. Переяслав-Хмельницький, 2008.
6. *Калакура Я.* Українознавчий погляд на Голодомор 1932–1933 років як геноцид українського народу // Українознавство. 2008. № 1.
7. *Кульчицький С.В.* До оцінки становища в сільському господарстві УРСР у 1931–1933 рр. // Український історичний журнал. 1988. № 3.
8. 33-й: Голод: Народна книга-меморіал. Київ, 1991.
9. *Кульчицький С.В.* Ціна «великого перелому». Київ, 1991; *Марочко В.І.* Геноцид в Україні (1932–1933 роки): хроніка злочину // Найбільший злочин імперії: Матеріали науково-практичної конференції «Слобожанщина. Голодомор 1932–1933 років». Київ, 1993; *Кульчицький С.В., Шаталина Є.П.* Роль радянського апарату в примусовій колективізації українського селянства (1928–1933). // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. Київ, 1994. Вип. 3.
10. *Удод О.А.* Очищення правдою. Відома і невідома Україна в об'єктиві історії ХХ сторіччя. Київ, 1997; *Кулиш А.* Геноцид. Голодомор 1932–1933. Причини, жертви, злочинці. Київ; Харків, 2001; *Іванченко В., Голуб А., Кондратенко А.* Етнічні війни проти українців. Київ, 2006; *Кульчицький С.В.* Голодомор 1932–1933 рр. як геноцид: труднощі усвідомлення. Київ, 2007; *Марочко В., Мовчан О.* Голодомор 1932–1933 років в Україні: Хроніка. Київ, 2008.
11. *Воля О.* Мор: Книга буття України. Київ, 1993; Український голокост 1932–1933: Свідчення тих, хто вижив: У 3 т. Київ, 2004; *Борисенко В.* Свіча пам'яті. Усна історія про геноцид українців у 1932–1933 рр. Київ, 2007; *Капустян Г.* Пам'ять 33-го кличе молодих: сповіді свідків і слово історика (науково-пошуковий проєкт). Кременчук, 2008; Пам'ять народу: геноцид в Україні голодом 1932–1933 років. Свідчення. Книга перша. Київ, 2009.
12. Голодомор 1932–1933 років на Кременчучині: Матеріали наукової конференції. Кременчук, 1993; Народна трагедія: Док. і матеріали про голод 1932–1933 рр. на Дніпропетровщині: Навч. посіб. Дніпропетровск, 1993; Чорні жнива: Голод 1932–1933 років у Валківському та Коломацькому р-нах Харківщини: Док., спогади, списки померлих. Київ; Харків; Нью-Йорк; Філадельфія, 1997; Голодовка: 1932–1933 роки на Переяславщині: Свідчення. Переяслав-Хмельницький; Київ; Нью-Йорк, 2000; Миколаївщина: колективізація сільського господарства і голод (1929–1933). Документи і матеріали. Миколаїв, 2000; *Маркова С.* Голодомор 1932–1933 рр. на Поділлі: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Чернівці, 2002; Голодомор 1932–1933 на Черкащині. Книга пам'яті в документах та спогадах. Черкаси, 2007; Книга пам'яті жертв Голодомору 1932–1933 рр. на Тростянецьчині. Київ; Вінниця, 2008; Коли катом був голод // Голодомор 1932–1933 років на Мелітопольщині. Запоріжжя, 2008.
13. Голод 1932–1933 років: очима істориків, мовою документів. Київ, 1990; Колективізація і голод на Україні, 1929–1933: 36 док. і матеріалів. Київ, 1992; *Мухіна М.* Упокорення голодом: 36 документів. Київ, 1993; Голодомор 1932–1933 років в Україні: документи і матеріали. Київ, 2007; Голодомор в Україні 32–33 рр. за документами Політичного архіву Міністерства закордонних справ Федеративної Республіки Німеччина. Київ, 2008; Розсекречена пам'ять: Голодомор 1932–1933 р. в документах РПУ–НКВД. Київ, 2008; Голодомор 1932–1933 рр.: злочин влади – трагедія народу: документи і матеріали. Київ, 2008; Голодомор 1932–1933 років в Україні за документами ГДА СБУ: Анотований довідник. Львів, 2010.
14. Голод-геноцид 1933 року в Україні: історико-політологічний аналіз соціально-демографічних та морально-психологічних наслідків: Міжнародна науково-практична конференція. Київ, 28 листопада 1998 р.: Матеріали. Київ; Нью-Йорк, 2000; *Марочко В.* Голодомор 1932–1933 рр. Київ, 2007; *Кульчицький С.В.* Голод 1932–1933 рр. в Україні як геноцид: мовою документів, очима свідків. Київ, 2008; *Верстюк В.* Голодомор. Геноцид українського народу 32–33 рр. Київ, 2008; *Яреценко О.* Голодомор 1932–1933 рр. в Україні (На матеріалах Півдня України). Одеса, 2008; *Захаров С.* Чи можна кваліфікувати Голодомор 1932–1933 років в Україні та на Кубані як геноцид? Харків, 2008; *Василенко В.* Голодомор 1932–1933 років як злочин геноциду: правова оцінка. Київ, 2009; *Антонович М.* Голодомор як геноцид // Український тиждень. 2011. № 15 (180).
15. *Бряззунов Ю.* Голод 1930-х років у Центральному Чорнозем'ї та на Кубані: антиукраїнське спрямування // Три голодомори в Україні в ХХ ст.: погляд із сьогодення. Київ, 2003.
16. *Шамара С.О.* Голодомор як політика етноциду української нації // Держава та армія: Збірник наукових праць. Львів, 2003.
17. *Панібудьласка В.* Етнонаціональний аспект голодомору // Смертю смерть подолали: Голодомор в Україні 1932–1933. Київ, 2003.

18. *Палій О.* Голодомор як масове вбивство за етнічною ознакою // *Економіст.* 2007. № 11.
19. *Сфіменко Г.* Голодомор як результат національної політики Кремля // *Голодомор 1932–1933 років в Україні: причини, демографічні наслідки, правова оцінка; Матеріали міжнародної конференції;* Київ, 25–26 вересня 2008 року. Київ, 2009.
20. *Соболь П.* Радянський тоталітаризм в Україні: роки колективізації і голоду (1929–1933). Суми, 2010.
21. *Козицький А.* Геноцид та політика масового винищення цивільного населення у ХХ ст. (причини, особливості, наслідки): навч. посіб. для студентів вищих навчальних закладів. Львів, 2012.
22. *Брицький П.* Голодомори в радянській Україні. Чернівці, 2013.
23. *Семенюк А.* Демографічна ситуація в Україні – національна трагедія. Київ, 2001.
24. *Кульчицький С.* Демографічна катастрофа // *Голод 1932–1933 років в Україні: причини та наслідки.* Київ, 2003; *Кульчицький С.* Демографічні наслідки голоду-геноциду 1933 р. в Україні // *Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвід. зб. наук. пр.* 2003. Вип. 7 (спец.); *Кульчицький С.* Скільки нас загинуло? // *Голодомор 1932–1933 рр.: як геноцид: труднощі усвідомлення.* Київ, 2008.
25. Демографічні наслідки голодомору 1933 р. в Україні. Київ, 2003.
26. *Лібанова Е.* Оцінка демографічних втрат України внаслідок голодомору 1932–1933 років // *Голодомор 1932–1933 років в Україні: причини, демографічні наслідки, правова оцінка. Матеріали міжнародної наукової конференції.* Київ, 25–26 вересня 2008 року. Київ, 2009.
27. *Левчук Н.* Надсмертність та зниження тривалості життя в Україні внаслідок голодомору 1931–1933 років // *Голодомор 1932–1933 років в Україні: причини, демографічні наслідки, правова оцінка. Матеріали міжнародної наукової конференції.* Київ, 25–26 вересня 2008 року. Київ, 2009.
28. *Палій О.* Зміни в чисельності населення та складових її формування протягом міжпереписного періоду 1926–1939 років // *Голодомор 1932–1933 років в Україні: причини, демографічні наслідки, правова оцінка. Матеріали міжнародної наукової конференції.* Київ, 25–26 вересня 2008 року. Київ, 2009.
29. *Огірко О.* Духовно-моральні наслідки голодомору в Україні // *Голодомор 1932–1933 років як величезна трагедія українського народу: Матер. Всеукр. наук. конф.* Київ, 15 листопада 2002. Київ, 2003.
30. *Бем Н.* Політичні настрої українського селянства в умовах суцільної колективізації сільського господарства (кінєць 1920-х – 1933 рр.): Дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2004.
31. *Борисенко В.* Доля українського етносу в роки Голодомору (1932–1933) // *Українознавство.* 2008. № 4.
32. *Стасюк О.* Геноцид українців: деформація народної культури. Київ, 2008; *Стасюк О.* Руїнація традиційної культури українців у роки геноциду // *Розсекречена пам'ять: Голодомор 1932–1933 років в Україні в документах.* Київ, 2008.
33. *1933: голодомор???* Одеса, 2005.
34. *Ткаченко Г.С.* Миф о голодоморе – изобретение манипуляторов сознанием. Киев, 2006.
35. *Ведєнєв Д.В., Будков Д.В.* Заручиця глобального протистояння. Трагедія Великого Голоду 1932–1933 рр. в Україні у контексті холодної війни (1945–1991 рр.). Київ, 2013.
36. *Кондрашин В.В.* Голод 1932–1933 гг. в отечественной и зарубежной историографии // <http://www.randia.ru/text/77/411/79851.php>
37. *Данилов В.П.* Дискуссия в западной прессе о голоде 1932 – 1933 гг. и «демографической катастрофе» 30–40-х гг. в СССР // *Вопросы истории.* 1988. № 3; *Цаплин В.* Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // *Вопросы истории.* 1989. № 4; *Осокина Е.* Жертвы голода 1933 года: сколько их?: Анализ демографической статистики ЦАНХС СССР // *История СССР.* 1991. № 5; *Араловец Н.* Потери населения советского общества в 1930-е годы: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии // *Отечественная история.* 1995. № 1.
38. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. М., 1999; Голод в СССР. 1929–1934. В 3-х т. М., 2011–2012; *Кондрашин В.В., Тюрина Е.А.* «Говорить о голоде считалось чуть ли не контрреволюцией». Документы российских архивов о голоде 1932–1933 гг. в СССР // *Отечественные архивы.* 2009. № 2.
39. *Зеленин И., Ивницкий Н., Кондрашин В., Осколков Е.* О голоде 1932–1933 годов и его оценке на Украине // *Отечественная история.* 1994. № 6.
40. *Миронин С.* «Голодомор» на Руси. М., 2008; *Шевцов Ю.* Новая идеология: голодомор. М., 2009.
41. Голод в СССР. 1930–1934 гг. М., 2009.
42. *Ивницкий Н.* Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. М., 2009.
43. *Кондрашин В.В.* Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008.
44. *Данилов В.П.* Дискуссия в западной прессе о голоде 1932 – 1933 гг. и «демографической катастрофе» 30–40-х гг. в СССР // *Вопросы истории.* 1988. № 3; *Ивницкий Н.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.). М., 1992; Голод 1932–1933 годов: Сб. статей. М., 1995.

45. *Марчуков А.* А был ли «голодомор»? Или непопулярные мысли об одном политическом брэнде // *Россия XXI*. 2004. № 6; *Марчуков А.* Операция «голодомор» // *Родина*. 2007. № 1; *Марчуков А.* «Концепция голодомора»: нынешнее состояние // *Родина*. 2007. № 8.
46. *Бондарь Ю.* Архивные документы о голоде на Кубани 1932–1933 гг. // *Хлебозаготовки и голод на Кубани в 1932–1933 гг.* <http://kubanarchive.ru/golod/>
47. *Осадченко Е.В., Руднева С.Е.* Голод на Кубани 1932–1933 гг. // *Успехи современного естествознания*. 2012. № 1.
48. *Зеленин И.Е.* О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // *История СССР*. 1989. № 2; *Балакин Д.Б., Кондрашин В.В.* Карта голода 1932–1933 гг. в Поволжье и на Южном Урале // *Историческая демография: новые подходы, методы, источники: Тезисы VIII Всероссийской конференции по исторической демографии*. Екатеринбург, 13–14 мая 1992 г. М., 1992; *Надькин Т.Д.* Борьба крестьянства Мордовии против насильственной коллективизации с осени 1929 до весны 1932 гг. // *Вестник Мордовского университета*. 1994. № 3; *Надькин Т.Д.* Налоговая политика и крестьянское хозяйство в 1920 – 1930-е годы. Саранск, 1997; *Надькин Т.Д.* Коллективизация и голод в 1930-х гг. // *Репрессии 1930-х гг. в Мордовии и их последствия* : материалы респ. науч.-практ. конф. Саранск, 2004; *Надькин Т.Д.* Массовые репрессии в деревне Среднего Поволжья в годы «сталинской» модернизации (на примере Мордовии) // *Цивилизации народов Поволжья и Приуралья: сб. ст. междунар. науч. конф.* Чебоксары, 2006. Т. II. Ч. 2. Проблемы истории и геополитики; *Надькин Т.Д.* Аграрная политика советского государства и крестьянство в конце 1920-х – начале 1950-х гг. (по материалам Мордовии) // Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2007; *Каунова Н.Е.* Голод в начале 1930-х гг. в Средне-Волжском крае // *Дис. ... канд. ист. наук.* Ульяновск, 2005.
49. *Загоровский П.В.* Социально-экономические последствия голода в Центральном Черноземье в первой половине 1930-х годов. Воронеж, 1998; *Загоровский П.В.* Коллективизация сельского хозяйства в Центральном Черноземье. Документы и материалы // *Воронежский вестник архивиста*. Воронеж, 2004. Вып. 1.

Несколько слов в связи с выходом в свет новой книги о Ф.В. Булгарине

Издательство «Алетейя», зарекомендовавшее себя специализацией по публикации исследований высокого уровня, выпустило в свет книгу польского историка П. Глушковского «Ф.В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений» (СПб., 2013, 232 с.).

Автором монографии предпринята попытка рассмотреть в новой парадигме жизненный путь Ф.В. Булгарина, известного в истории русской литературы и общественной жизни издателя, писателя, доносчика, продолжительное время активно сотрудничавшего с III отделением с. е. и. в. канцелярии. Последнее обстоятельство сыграло определяющую роль в его репутации, с которой он и вошел в отечественную историю. Соглашаясь с позицией известного специалиста по изучению творчества Булгарина А.И. Рейтблата, отмечавшего, что трудность в анализе его деятельности состоит в «сложности и противоречивости» самой его личности, в неоднозначности «прецедента Булгарина» («Он был отнюдь не пешкой и не рядовой литературной «фигурой», а выдающимся редактором и талантливым писателем» – *Рейтблат А.И. Ф.В. Булгарин и Польша // Русская литература. 1993. № 3. С. 75, 77*), автор книги тщательно проследживает непростой жизненный путь своего героя. Он рассматривает в конкретном историко-культурном контексте идентичность «сложной и неоднозначной личности» Булгарина. Авторский текст предваряют два вступления: первое написано польским историком Е. Борейшей, второе – российским историком Л.Е. Горизонтовым. Профессор Борейша кратко рекомендует исследование Глушковского как «первую книгу о польских корнях, связях и заслугах для поляков этого странного

«русского европейца»» (с. 5). Горизонтов в «Слове редактора» также подчеркивает новаторский подход к проблематике «молодого польского историка», которому «удалось преодолеть укоренившиеся стереотипы, представить Булгарина в развитии, вписать в широкий исторический контекст и при этом избежать опасных крайностей» (с. 7). Очень кстати и удачно им приведены факты из научной биографии Глушковского. Вероятно, было бы весьма уместно (в несколько расширенном варианте, который включал бы также и сведения из собственно авторского предисловия «Слова благодарности») поместить их и на тыльной стороне обложки с тем, чтобы дать читателю возможность подробнее познакомиться с автором книги вместо повтора текста Е. Борейши и известной эпиграммы А.С. Пушкина, которая, как представляется, не вполне соответствует основной идее исследования. В разделе об оценках Булгарина русскими современниками Глушковский отмечает, что «появилось множество эпиграмм, в которых подчеркивалось польское происхождение писателя. Самой известной является пушкинская: «Не то беда, что ты поляк: / Костюшко лях, Мицкевич лях! / [...] Беда, что ты Видок Фиглярин»». Но акцент в этой эпиграмме ставится не столько на «польскости» Булгарина, сколько на том, что он «Видок» (Eugène Vidocq – возможно, требовалось бы пояснить, кто это). Как считает автор монографии, «пушкинская эпиграмма сыграла решающую роль в формировании его [Булгарина] образа в России» (с. 184). Из приведенных Глушковским эпиграмм-оценок Булгарина, которые были написаны другими русскими литераторами, понятно, что Пушкин с присущей ему чуткостью уловил и отразил общее суждение о «Фиглярине», и именно потому оно так

легко вошло в общественное мнение и так прочно закрепилось в историко-литературной традиции.

Прежде всего следует отдать должное поразительно высокой работоспособности П. Глушковского, который опубликовал уже более тридцати научных работ, в том числе две монографии (в 2008 г. вышла его книга о польской проблематике в творчестве А.И. Солженицына, подготовленная на основе магистерской диссертации). Монография о Булгарине, отражающая результаты его кандидатской диссертации, защищенной в мае 2012 г., уже в начале 2013 г. увидела свет. В процессе создания книги Глушковский привлек внушительное количество источников и литературы. Причем некоторые документы в научном исследовании были использованы впервые, в частности, комплекс исторических источников на польском языке.

Заглавие книги, точнее, его подзаголовок, на мой взгляд, не вполне точно отражает поставленную автором цель исследования. Слово «эволюция» прежде всего означает развитие, а не только изменение. По-видимому, можно было бы акцентировать внимание на «адаптации». Булгарин как субъект собственной эволюции в плане национальной идентичности принципиально не меняется – поляк остается поляком, тем более поляк-литвин. Очень тонкое и точное замечание сделано Глушковским об изменении конфессиональной принадлежности Булгарина, что оказало несомненное воздействие на формирование его идентичности в конфессионально-национальном плане. А в отношении идентичности гражданской, даже государственной сервильности, его биография включала несколько линейно-противоположных поворотов. В судьбе каждого человека – не только в историческом развитии стран и народов – возникают «точки бифуркации», когда обстоятельства складываются таким образом, что необходимо делать выбор вектора своего дальнейшего жизненного пути, принять решение, как надо действовать, чтобы добиться успеха или, если обстоятельства крайне неблагоприятны, как избежать или, по крайней мере, минимизировать негативные последствия, следует ли поступить по принципам, достоинством или же воспользоваться конъюнктурными возможностями. Глушковский, детально анализируя трансформацию личной идентичности Булгарина, показывает, как удачное или роковое стечение обстоятельств влияло на по-

вороты индивидуальной судьбы Булгарина. Он отмечает те основные вехи, под воздействием которых шло формирование биографии изучаемого объекта-«субъекта»: изменение государственной принадлежности той территории, где он родился, события, связанные с наполеоновскими войнами, его возвращение в Российскую империю, установление сотрудничества с III отделением, польское восстание 1830–1831 гг. и др.

Книга имеет продуманную и четкую структуру, которая отражает логичность мышления автора, свободно владеющего огромным по масштабу и по сложности «упорядочивания» материалом. Впечатляющее количество освоенной литературы и широко цитируемых источников несомненно создавало определенную сложность в организации материала. Сам по себе объем различных сведений, фактов, событий, который надо было охватить, систематизировать и представить в логически и исторически обоснованном порядке, требовал серьезного аналитического подхода. Изложение, подача материалов, за которыми стоят разные авторы, имеющие различные, иногда противоречащие друг другу точки зрения, потребовали много сил и труда, тщательного и кропотливого осмысления, вдумчивости с тем, чтобы не возник эффект «нарезки-ассорти», но аккуратно разложить все по соответствующим «тарелочкам». В этой связи можно также отметить исключительную ясность и продуманность выводов, изложенных П. Глушковским в кратком разделе «Заключение». В частности, отмечая, что «с точки зрения структуры и метаморфоз идентичности [...] Булгарин отнюдь не составлял в первой половине XIX в. исключение», он справедливо выдвигает мысль о том, что «рассмотрение Булгарина в системе координат “свой – чужой” помогает понять образ мыслей и поведенческие стратегии носителей многокомпонентной идентичности, которая должна непременно учитываться [...] в имагологических исследованиях» (с. 199).

Безусловно как положительный момент можно отметить использование автором новейших исследований как польских, так и российских историков. Это действительно весьма важно, не только по чисто научным, но и реально практическим соображениям, особенно в отношении изданных в Польше исследований, поскольку далеко не все труды польских историков попадают в наши библиотеки, а те, которым «повезет», поступают в библиотечных фонды

с большим опозданием и лишь еще спустя некоторое время становятся доступными отечественному читателю. Правда, некоторое сомнение вызывает примененный автором принцип необычной систематизации источников и литературы. Кстати, представляется весьма желательным и полезным указание, где и когда (место и год) появлялись в свет первые издания трудов Булгарина, которые приводятся в отдельном перечне, тем более что в самом тексте Глушковский нередко ссылается на издания современные.

Из замечаний второстепенного характера следовало бы также отметить следы некоторой поспешности при подготовке книги. Зачем-то сохранены во введении выделенные жирным шрифтом «обязательные пункты» автореферата кандидатской диссертации («степень изученности темы», «научная новизна» и др.), что производит впечатление случайности, далее такой полиграфический прием – выделение отдельных вопросов-«подтем» – в монографии не применяется. К сожалению, в последние годы даже достойные по своему уровню издательства вынуждены обходиться без своих собственных редакторов, что, естественно, сказывается на качестве печатаемого материала, – опытный редакторский взгляд в данном конкретном случае отнюдь не был бы лишним. Прежде всего, возможно, более скрупулезно была бы проведена унификация, в частности, в оформлении

сносок, в написании фамилий (Чарторыйский – Чарторыский, Делвиг – Дельвиг и др.) В «Оглавлении» введен значок «§», обозначающий раздел главы, а в тексте применен цифровой принцип – через точку). В некоторых фрагментах текста следовало бы провести элементарную, чисто редакторскую правку-перестановку. Например, когда сначала указывается только фамилия лица, мнение которого приводится или чьи слова цитируются, и лишь несколькими абзацами ниже поясняется, кто собственно это есть и т.д. Мелкими недосмотрами изобилует именной указатель. Встречаются стилистические неточности, а также просто грамматические погрешности и опечатки, к счастью, немногочисленные.

В заключение хотелось бы еще раз отметить неординарную постановку автором темы исследования, высокий научный уровень ее разработки, неподдельную заинтересованность молодого, но уже достаточно зрелого в научном отношении ученого актуальной проблематикой, имеющей не только историческое, но и социально-политическое звучание в наше время, и выразить надежду на его дальнейшие творческие успехи. Несомненно книга П. Глушковского привлечет внимание и вызовет отклики не только литературоведов, но и историков, занимающихся проблематикой российско-польских отношений второй четверти XIX в.

© 2014 г. Г.В. Макарова

Славяноведение, № 5

Z. ZELIŃSKA. *Polska w okowach «syszemu północnego» 1763–1766. Kraków, 2012. 691 s.*

3. ЗЕЛИНЬСКА. *Польша в оковах «Северной системы» 1763–1766*

Рецензируемая монография посвящена роли России в трагической судьбе Польско-Литовского государства периода разделов Польши и эпохе в истории шляхетской Речи Посполитой, начиная с 1760-х годов, названной выдающимся польским историком Т. Корзоном временем «расцвета в упадке». Эта тема более двух столетий привлекает пристальное внимание польских и зарубежных историков. Она стала центральной в классической польской историографии XIX ст., помимо Польши, монографически изучается в России, Германии, Австрии, Англии, Франции, США, в Литве. Труды по

данной проблематике публикуются также в Италии, Болгарии, Турции. Одной только сформированной в течение двух предшествующих столетий историографии названной темы посвящен ряд значительных специальных работ.

Тем не менее, опубликованная в 2012 г. монография одного из крупнейших современных польских историков, профессора Варшавского университета З. Зелиньской является оригинальным и новаторским научным трудом. Он не только представляет собой исследовательский синтез предшествующей историографии, но и выводит из-

учение поставленной проблемы на новый уровень. Высказанное суждение обусловлено рядом обстоятельств.

Во-первых, в отличие от предшественников, для которых архивные источники были по разным причинам доступны только частично, З. Зелиньска детально обследовала относящиеся к исследуемой теме архивные собрания не только Польши, но и Пруссии, Саксонии, Австрии и, главное, России. «О первостепенном значении российских архивов», прежде всего Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), автор написала во введении, отмечая, что его материалы побудили ее изменить первоначальный замысел книги (с. 11). При этом надо подчеркнуть, что Зелиньска отнюдь не ограничилась так называемым пролистыванием, а детально изучила материал, что на страницах книги нашло выражение в подробном текстуальном сопоставлении источников, в тонких наблюдениях и убедительной источниковедческой критике.

Зелиньска смогла в равной мере использовать при подготовке и написании работы архивные материалы и историографию разных стран, так или иначе исторически противостоявших друг другу, что позволило ей преодолеть сложившуюся ранее известную односторонность национальных историографических школ. Это, однако, не означает, что автор уклоняется от определения собственной позиции, от ясного следования избранному методологическим принципам. Она отнюдь не отрекается и от традиций польской историографии, творчески их развивая и обогащая.

Во-вторых, на страницах монографии Зелиньска продемонстрировала блестящее знание фундаментального корпуса опубликованных источников, что не часто встречается в новейших исследованиях. Особо хотелось бы отметить метод ее работы с публикациями политической и дипломатической корреспонденции, прежде всего, в сборниках Русского исторического общества и в «Политической корреспонденции» Фридриха II. Материалы указанных публикаций выступают отнюдь не только как простое дополнение к помещенным в монографии примечаниям, а становятся объектом фронтального исследования в сопоставлении с использованным автором архивным материалом, значительная часть последнего вводится в научный оборот впервые.

И, в-третьих, З. Зелиньска проявила весьма внимательное отношение к трудам предшественников, что нашло выражение

во вдумчивом критическом отношении к наблюдениям и выводам, содержащимся в обширнейшей историографии проблемы. Огромный объем историографического материала не позволил автору предпослать работе традиционный очерк историографии. З. Зелиньска ограничилась анализом основных тенденций в развитии исторических исследований по избранной теме, сосредоточившись на характеристике основных этапов ее изучения в современной исторической науке. Однако современное содержание книги недвусмысленно свидетельствует о самом широком привлечении историографического материала, ибо выдвинутые З. Зелиньской тезисы подкреплены и историографической аргументацией.

Думается, не вызовет сомнения, что одни только отмеченные качества рецензируемой книги, почти в 700 страниц, потребовали от ее автора недожиданных усилий и упорного многолетнего труда, о чем нельзя не сказать без искреннего уважения.

Разумеется, определенные для себя З. Зелиньской исследовательские задачи и требования не могли не повлиять не только на хронологические рамки монографии, но и на структуру труда. Автор в процессе исследовательской работы избрала путь монографического исследования отдельных относительно небольших по протяженности этапов истории Речи Посполитой второй половины XVIII в. И в рецензируемой книге хронологические рамки относительно сужены. Они охватывают период от рубежа 1762/1763 г. и до конца 1766 г., что позволяет З. Зелиньской в 12-ти разделах монографии детально исследовать важнейшие процессы и тенденции во внутренней и внешней политики Речи Посполитой, эволюцию стратегии и тактики сторон в реализации польско-русских отношений, которые находятся в центре внимания, поскольку, по крайней мере с этого времени, Россия играет ключевую роль в системе протектората великих держав в отношении шляхетской республики.

Во вводной части монографии выделяются принципиальные вопросы: о генезисе российской стратегии, направленной на установление «гарантии польской конституции», и об отличиях политической линии Петербурга в начале екатерининского царствования от политики русских правящих кругов в отношении Речи Посполитой в первой половине и в середине XVIII в. Рассматривается также вопрос о тактике Екатерины II и руководителя русской внешней политики тех лет Н.И. Панина в отношении

пророссийской группировки Чарторьских в магнатских кругах шляхетской республики.

Не имея даже ограниченной возможности конкретно рассмотреть все разделы монографии, позволю себе ограничиться только их общей характеристикой и остановиться лишь на некоторых, по моему мнению, наиболее существенных из рассмотренных автором вопросах и выдвинутых тезисов.

В центре внимания З. Зелинской находятся три проблемных комплекса, каждый из которых достоин отдельного фундаментального исследования. Первый из них посвящен времени польского «бескоролья» и избрания на престол Станислава Августа (разделы 1–7). Казалось бы, что указанный период детально описан в классической историографии XIX ст., авторитет которой в XX в. оставался непререкаем, доказательством этого может послужить уже ставшая классической книга Йорга Хёнша о социальном строе и программе политических реформ в Речи Посполитой во второй половине XVIII в. (*Hoensch J.K. Sozialverfassung und politische Reform. Polen im vorrevolutionären Zeitalter. Köln; Wien, 1973*).

З. Зелинская существенно продвинула вперед исследование указанной проблематики, в частности по вопросу об осуществлении планов образования Генеральной конфедерации 1764 г., о согласованных действиях Петербурга и «фамилий», направленных на политическую изоляцию «партии» коронного гетмана Я.К. Браницкого, и, главное, о планах реформ в Речи Посполитой, содержание которых ранее практически не изучалось, за исключением устаревшей уже монографии В. Кисилевского, и об отношениях к ним России и Пруссии.

Автор на основе детального анализа политического взаимодействия Варшавы и Петербурга (в котором России принадлежала роль определяющего субъекта политического процесса) впервые в историографии рассмотрела замысел преобразовательных планов в области государственного устройства и политической системы Речи Посполитой, попытки их осуществления и реакцию на них российского двора. Особо следует выделить рассмотрение в книге обстоятельств, причин и мотивов, побудивших Екатерину II и ее правительство блокировать реформаторские проекты польского короля. Осуществление курса Петербурга, направленного на консервацию «польской анархии» прошло ряд этапов. Первый из них приходится на период от избрания на трон Станислава Августа и до конца 1764 г.

(раздел 7). Важно, что в центре внимания З. Зелинской в этот период, как и в дальнейшем, находится миссия при российском дворе польского посла Ф. Ржевуского, деятельность которого практически не исследована в историографии. Следует также указать, что в развитии политических коллизий вокруг сейма коронации, как показала автор, «диссидентский вопрос» не имел столь существенного значения, нежели это со времени С.М. Соловьева принято считать в российской историографии.

Следующий этап обострения политической борьбы вокруг программы реформ Станислава Августа приходится на 1765 г. (Разделы 8–9). Главное внимание З. Зелинска уделила польско-прусскому таможенному конфликту и роли в нем «посредничества» Екатерины II. Автор справедливо указала, что, несмотря на формальное осложнение отношений прусского короля с польским двором и российской императрицей, Фридрих II и его министры ни при каких обстоятельствах, сложившихся в Польше, не пошли бы на разрыв союза с Петербургом, не говоря уж о военном столкновении с Россией. Доказательством этому служат не только опыт Семилетней войны, но, прежде всего, внимательно изученная Зелинской секретная корреспонденция прусского короля и его кабинет-министров с прусскими дипломатами при европейских дворах. Из нее недвусмысленно вытекает, что берлинский двор принципиально притерпелся курсу на предоставление Петербургу полной свободы рук в польских делах, что любое решение по вопросу о польских реформах, принятое в российской столице, было бы признано в Потсдаме, не взирая на все высказанные с прусской стороны возражения, демонстративные протесты и даже репрессии в таможенных делах.

Детально проследив развитие польско-пруско-российских отношений вокруг Мариенвердерской таможи, Зелинская показала, что возникший спор из-за таможенного режима в низовьях Вислы ни коим образом не был связан с экономикой, что репрессивные меры Берлина в Мариенвердере имели целью, во-первых, торпедировать реформу податной системы Речи Посполитой, грозившей, с точки зрения прусских властей, увеличением государственных доходов шляхетской республики, а в перспективе и в целом усилением Польско-Литовского государства, и, во-вторых, не только демонстративно указать Петербургу на опасность для союзных дворов усиления Польши, но и дать повод русскому правительству не до-

пустить неприемлемых для обоих монархов реформы польской податной и финансовой системы как одного из фундаментальных государственных устоев Речи Посполитой.

Наблюдения и выводы автора относительно значения таможенной реформы, по моему мнению, могли бы быть дополнены указанием на то, что, выступая против податных нововведений, Берлин и Петербург отстаивали также податные привилегии польского шляхетского сословия, особый податной режим ряда земель и провинций шляхетской республики, в первую очередь Королевской Пруссии, податные иммунитеты и финансовые привилегии польских городов. Иными словами, противодействуя модернизации польской податной системы, Россия и Пруссия способствовали консервации феодальных привилегий, служивших основой анархической системы в шляхетской республике, что отвечало интересам как подавляющего большинства господствующего шляхетского сословия, так и привилегированных сословных групп из среды горожан. Это обстоятельство, правда, в ином аспекте, нашло подтверждение в наблюдениях и выводах автора.

В связи с анализом польско-прусского таможенного конфликта З. Зелиньска отметила также, что детальный анализ российских и прусских архивных источников свидетельствует об известном уровне искажения («*w skali zafałszowania*» – с. 669) в публикации донесений прусских посланников при российском дворе, выявленных автором в 22-м томе сборников Русского исторического общества (СПб., 1878). Недостатки и погрешности этого издания известны специалистам. Не углубляясь в их анализ, отмечу только два обстоятельства. Во-первых, готовивший публикацию переписки с Берлином прусского посла в России В.Ф. Сольмса по заданию РИО Эрнст Герман располагал только теми документами из Прусского тайного государственного архива, которые были переданы ему в 1870-е годы чиновниками Германского министерства иностранных дел, задолго до начала публикации научного издания политической корреспонденции Фридриха II. Возникли ли имеющиеся в сборнике РИО лакуны из-за политической селекции публикуемых документов или вследствие состояния в то время архивной базы и научной квалификации сделанного отбора – определенно ответить на эти вопросы не представляется возможным. И, во-вторых, подготовленная Германом публикация увидела свет спустя два года после выхода из печати 26-го тома

«Истории России» С.М. Соловьева, в котором была изложена ставшая для русской историографии «канонической» версия истории «посредничества» Екатерины II в польско-прусском таможенном конфликте. Надо сказать, что той же самой трактовки событий придерживался и сам Герман в написанной им по заказу русского правительства в середине XIX в. «Истории русского государства» (1853). Поэтому, думается, отразившаяся в публикации РИО тенденция была обусловлена не «фальсификацией», а состоянием историографии в 1870-е годы. В то же время, отмеченные З. Зелиньской недостатки широко используемой исследователями публикации источников свидетельствуют о высочайшем уровне источниковедческой критики в рецензируемой монографии.

Три заключительные раздела книги (10–12) посвящены сейму 1766 г., вернее двум центральным проблемам, вокруг которых развернулась борьба, как в сеймовых палатах (в Посольской избе и в Сенате), так и вокруг этого верховного конгресса шляхетской республики с участием великих держав, прежде всего России и Пруссии. Именно взаимоотношения в треугольнике Речь Посполитая, Россия и Пруссия, прежде всего, стали предметом подробнейшего исследования З. Зелиньской. Первой из этих проблем стал диссидентский вопрос. Автор практически исчерпывающим образом, день за днем накануне и во время сейма 1766 г. описала коллизию «диссидентского дела», названного Екатериной II «делом своей чести», и подтвердила оценки современной польской историографии, в основе своей сформулированные еще Марией Цецилией Лубеньской, что положение инверцев в Речи Посполитой было не хуже, а иногда и лучше, нежели статус аналогичных категорий населения в других европейских странах, что диссидентский вопрос был поводом для политической борьбы внутри Речи Посполитой и предлогом для вмешательства в дела республики соседних стран. З. Зелиньска подчеркнула, что «в качестве предлога диссидентский вопрос имел значение и для России (именно так он предстал в прусских источниках изначально). Указывало на это и выдвижение в дальнейшем диссидентского вопроса в плане Репнина в тот момент, когда под угрозой оказался наиважнейший инструмент консервации слабости польского государства – правило единогласного принятия постановлений сейма» (с. 591).

Справедливость и обоснованность высказанных суждений не вызывает сомнения,

однако думается, что вопрос об иноверцах в русской политике этим не ограничивался. Внутриполитическое значение религии и церкви, для последней как составной части российского государственного аппарата, заметно возросло в середине XVIII в. Об этом свидетельствуют указ Петра III о веротерпимости, а также кардинальное повышение рангов епископата сразу же по воцарении Екатерины, а также роль представителей высшего духовенства при ее дворе, в чем некоторые исследователи усматривают даже «национальные» тенденции в политике императрицы. Религиозные проблемы получили в новое правление и внешнеполитическое звучание. Екатерина, желая предстать в образе просвещенной монархини, стремилась выступить покровительницей конфессиональных меньшинств в Германии, грозилась поднять движение иноверцев среди подданных Марии Терезии.

Вопрос о поддержке польских диссидентов рассматривался в правящих кругах России, начиная с 1720-х годов. Отнюдь не случайным было появление Георгия Конисского на коронации Екатерины II и произнесенная речь белорусского епископа. Наконец, вплоть до заключения польско-русского трактата о гарантии государственного устройства Речи Посполитой 1768 г. в планах российских властей оставался замысел использования польского диссидентского дворянства в системе пророссийских политических шляхетских группировок в Польско-Литовском государстве. Таким образом, не вызывает возражений тезис Зелинской, что диссидентский вопрос имел отнюдь не религиозное, а, прежде всего, политическое звучание. Однако, хотелось бы возразить автору, что его значение было для русского правительства существенно шире, нежели просто формальный повод для противодействия реформаторским планам польского двора. Не случайно поэтому «дело диссидентов» послужило одним из существенных оснований для конфликта российских властей с их, казалось бы, естественными союзниками из среды антиреформаторски настроенного и могущественного (хотя бы в силу численного преобладания) слоя консервативных магнатов и шляхты.

Кризис во взаимоотношениях России, с одной стороны, политику и действия которой в Речи Посполитой представлял и персонифицировал посол Н.В. Репнин, и магнатской «партии» Чарторыхских, и польского королевского двора во главе со Станиславом Августом – с другой, по

вопросу о реформах государственного устройства Речи Посполитой разразился на сейме 1766 г., кризису посвящен 12-й раздел монографии. К этой теме неоднократно обращались наиболее авторитетные исследователи как в Польше, так и за ее пределами, в частности в России, однако и в этой области З. Зелинска внесла существенный вклад на основе введения в научный оборот новых источников из собрания Библиотеки Чарторыхских, отражающих подготовку проектов преобразований, составленных в реформаторском лагере, и борьбу за их проведение в жизнь. В частности речь идет о тексте «Королевской реляции о сейме 1766 г.» (с. 592–593 и далее) с собственноручной правкой Станислава Августа, которая, возможно, предназначалась королем для последующей публикации.

Использованный З. Зелинской комплекс архивных документов позволяет расширить и конкретизировать наши представления о содержании реформаторских проектов, об отношении к ним Станислава Августа и его ближайших сторонников, а также коронного канцлера Анджея Замойского и вождей Генеральной конфедерации Августа и Михала Чарторыхских и их окружения. В свете этих источников, как показала автор, более определенно отображается расстановка сил, совпадение и расхождения во мнениях среди сторонников реформ и содержание последних, по иному представляется соотношение позиций польского короля и предводителей консервативной оппозиции, в частности, краковского епископа К. Солтыка. «Станислав Август, – подчеркивает Зелинска, – значительно более ответственно, нежели епископ краковский, заботился о благе государства и католицизма» (с. 593–594). Представленный материал позволяет судить о возможности и препятствиях для политической централизации в условиях республиканской формы правления и в рамках иностранного политического контроля в государствах раннего Нового времени. Показано как нарастали противоречия между реформаторским лагерем в Речи Посполитой и российскими протекторами шляхетской республики.

Однако, как подчеркивает З. Зелинска в Заключении, «рассказ о проигранной в 1766 г. польскими реформаторами борьбе за преодоление *liberum veto* показывает, что против них выступила не только Россия, но в то же время и большая часть собственного общества (сословия польской шляхты. – Б.Н.). В усилиях по полному восстановлению права вольного голоса Репнин без особого

труда заручился содействием оппозиции, состоящей из политических вождей времен Августа III» (с. 670).

Кризис в российско-польских отношениях в период сейма 1766 г. проявился по всем их направлениям, главным же его выражением стало совместное выступление России и Пруссии против отмены *liberum veto* и с требованием роспуска Генеральной конфедерации. Опыт сейма 1766 г. продемонстрировал не только неудачу русской политики в Польше, не только отсутствие у России реальной опоры среди шляхты Речи Посполитой и в магнатских верхах республики, но также и то, что, во-первых, достигнутая гегемония Петербурга в Польско-Литовском государ-

стве опиралась исключительно на военную силу и, во-вторых, что кризисы подобного рода открывали возможность вмешательства в проводимую Россией польскую политику других великих держав, в первую очередь Пруссии. Итоги сейма 1766 г., по словам автора, привели к тому, что Станислав Август и Чарторыйские утратили политическую инициативу (с. 670). В свете этого важного тезиса остается без ответа вопрос была ли она обретена вновь, и если была, то когда? Ответ на него имеет принципиальное значение для понимания истории Речи Посполитой и российско-польских отношений второй половины XVIII в.

© 2014 г. *Б.В. Носов*

Славяноведение, № 5

Л.С. ЛЫКОШИНА. Дональд Туск. Политический портрет. М., 2013. 100 с.

Биографистика – один из самых коварных жанров исторического творчества. Очень непросто остаться беспристрастным и объективным по отношению к своему герою, не впасть в излишний критицизм, граничащий с откровенной неприязнью, или в безмерное восхваление, возвеличивание, т.е. в своего рода идолопоклонство. И особенно труден этот жанр, когда речь идет о современнике, находящемся в прекрасной физической форме и не думающем об уходе с политической сцены на покой, чтобы сесть за мемуары. За написание таких биографий обычно берутся проплаченные (неважно кем) профессиональные «акулы пера», а не профессиональные историки.

Л.С. Лыкошина в этом отношении абсолютно уникальна. Во-первых, она хорошо известна в славистическом сообществе полонист. Во-вторых, пишет биографии современных польских политиков (она уже успела приблизить отечественным читателям образы отца польской экономической реформы 1990-х годов Л. Бальцеревича и наиболее удачливого польского президента Александра Квасьневского) не на заказ, а из собственного интереса к тем из них, кто уже обеспечил себе право быть упомянутым хотя бы одной строчкой в будущих трудах по польской истории, а сегодня является повседневным «информационным поводом» для СМИ, и не только польских.

Книга, на страницах которой представлен практически весь сознательный жизненный путь польского премьера Д. Туска, разделена на девять разделов. Их названия

сами по себе манят читателя, не теряя ни минуты, взяв книгу в руки и узнать, например, что «Туск начинает и выигрывает» или почему 2005 г. стал для героя «роковым» и какие его надежды потерпели «крах», после которого он вскоре стал победителем и премьер-министром.

Несомненное достоинство работы в том, что герой живет и развивается на филигранно выписанном общеисторическом фоне. Это позволило биографу убедительно раскрыть особенности психической реакции Туска на возникающие вызовы, показать умение «держаться удары» судьбы и противников и находить оптимальные, и не только с его точки зрения, выходы из, казалось бы, тупиковых ситуаций. Вот только два примера из книги. После введения в Польшу военного положения в 1981 г. супружеская пара Тусков лишилась работы. Но Дональд не впал в уныние, а устроился в кооператив в качестве «промышленного альпиниста». Работа тяжелая, но, как пишет Лыкошина, «денег удавалось зарабатывать немало, хватало не только на политическую борьбу, но и относительно нормальную семейную жизнь» (с. 16). Второй пример: в 1993 г. Туск «лишается мандата в сейме, а значит не только определенного положения в обществе, но и заработка [...] Но Туск не поддается отчаянию», он не только из-за экономии начинает вести здоровый образ жизни, но и запускает коммерческие издательские проекты – фотоальбомы о старом Гданьске и кашубский календарь. Проекты оказались

не только успешными, но и полезными для гданьщан и самого Туска, поскольку помогли им, волею судеб собранным со всех концов мира в этом старинном, в прошлом не очень польском городе, сформировать локальную, гданьскую, в своей основе польскую, идентичность (с. 28–30).

Л.С. Лыкошина последовательно проводит тезис и убедительно его доказывает, что Туск – это политик-прагматик, для которого идеологические конструкции важны, но не являются главными. В молодости он увлекся либерализмом, издавал либеральный журнал, но польская реальность, как оказалось, недостаточно пригодна для реализации принципов не только классического либерализма, но и его последующих реинкарнаций, впрочем, как и для всех других идеологий, кроме национализма. Но Туску, этническому кашубу, национализм чужд по определению. Он пошел по тому же пути, по которому в последнее время развивается европейская политическая жизнь – создал не партию, а аморфное в идеологическом отношении движение, без харизматического лидера, но с крайне привлекательным для избирателей слоганом. И результат не заставил себя ждать, в 2007 г. его Гражданская платформа (ГП) убедительно победила на парламентских выборах, и, что совершенно нехарактерно для современной Польши, повторила свой успех спустя четыре года. Л.С. Лыкошина, всесторонне объясняя причины победы ГП в 2007 г., пишет: «Весьма удачным оказался отказ ГП от четкого идеологического самоопределения. Прагматический лозунг – “Чтобы людям жилось лучше. Всем” – оказался особенно привлекательным на фоне чрезмерной идеологизации ПиС. Именно такой подход оказался близок тем избирателям, которые были далеки от идеологических проблем, вызывающих недоверие и отторжение, прежде всего молодежи» (с. 48).

Почти половина работы посвящена деятельности Туска в качестве польского премьера. Здесь и характеристика внутренней политики его правительства, и деятельность на международной арене, особенно в ЕС, в том числе в связи с польским председательством в этой организации, и активность поляков в продвижении программы «Восточного партнерства» и укреплении сотрудничества членов Вишеградской группы. Отмечено и некоторое ослабление проамериканской ориентации Польши в последние годы (с. 59–61). Особое внимание, естественно, уделено российскому направлению польской внешней политики, отмечена нестабильность дву-

сторонних отношений, их зависимость от внешних факторов и случайностей, но при этом, по мнению Лыкошиной, «тенденция к преобладанию рационального и прагматического подхода к выстраиванию этих отношений явно обозначилась в последнее время» (с. 63–64).

Весьма интересны размышления автора о причинах отказа Туска баллотироваться на пост президента страны в 2010 г., а также о характере развития внутриполитической ситуации в Польше после сеймовых выборов 2011 г. А обстановка не проста, потому что после исчерпания огромных (по меркам Польши) финансовых вливаний в польскую экономику, точнее, в модернизацию ее транспортной инфраструктуры, в чем особо заинтересованы западные партнеры Варшавы, реализовать лозунг о лучшей жизни для всех становится все сложнее. А это ведет к снижению доверия избирателей и к самому Туску, и к его движению. Не случайно, что среди политиков ГП Туск уже давно уступил первенство на рейтинговой шкале президенту Брониславу Коморовскому, а ПиС постоянно увеличивает свою популярность у поляков, которым в 2015 г. предстоит идти к избирательным урнам. Л.С. Лыкошина не собирается брать на себя роль Кассандры, но все же в заключении работы чувствуется осторожный пессимизм относительно избирательных перспектив ее героя и его дружины.

Рецензируемая работа, несомненно, важное событие в нашей исторической полонистике. Конечно же, это не классическое историческое исследование, построенное на солидной базе достоверных источников. Согласно польскому законодательству, более или менее широкий доступ к ним будет открыт лет через тридцать. Но анализ Л.С. Лыкошиной содержит множество тонких и точных наблюдений современника, чего лишены документы самой заоблачной ценности, но написанные бездушным чиновником. Лыкошина передает дух и политический аромат времени, в котором живет и действует ее герой, но одновременно живет и наблюдает за происходящим она сама, его биограф. И, конечно же, очень важно, что, анализируя политическую биографию Д. Туска, Л.С. Лыкошина не сбилась ни на прокурорский/менторский тон, ни на воздыхания влюбленной почитательницы, восхищенно воспринимающей каждый шаг и слово своего идеала. Она осталась историком-профессионалом на политологическом исследовательском поле, что весьма и весьма похвально.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ «КРУГЛЫЙ СТОЛ» «ПЕТР ВЕЛИКИЙ
И СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ОТНОШЕНИИ РЕЧИ
ПОСПОЛИТОЙ В XVIII ВЕКЕ»

«Круглый стол» проходил в Москве 5–6 ноября 2013 г. в Институте славяноведения РАН под патронажем и при финансовом содействии Фонда «Российско-польский центр диалога и согласия» в рамках II Всероссийского совещания славистов. На «круглом столе» с сообщениями и в дискуссии выступили ученые из Польши, Белоруссии, Литвы, Молдавии, Украины. С российской стороны в нем участвовали сотрудники Института славяноведения РАН, Института российской истории РАН, Российского государственного гуманитарного университета.

«Круглый стол» был посвящен одной из наиболее научно значимых и политически актуальных проблем истории российско-польского геополитического взаимодействия, имеющей существенное значение для интерпретации современных тенденций в связях между двумя странами в контексте европейской политики. Тема российско-польских отношений эпохи Петра Великого не только неизменно привлекает внимание исследователей в России, Польше и в ряде других стран. Она также и по сей день остается предметом оживленной общественно-политической дискуссии и острой публицистической полемики.

В настоящее время личность Петра I и его политика в отношении Польши оказались в сфере интересов «исторической политики» польских правящих кругов и ведущих политических партий Польской республики, важным элементом формирования национальной идеологии в сопредельных странах на постсоветском пространстве: на Украине, в Литве, в Белоруссии. Внешняя политика Петра I приобретает особое значение и в российском национальном сознании для обоснования традиционных ценностей политики России в Европе как великой европейской державы.

Работа «круглого стола» была построена по двум основным направлениям. Во-первых, был рассмотрен период Северной войны 1700–1721 гг. и связанное с ним определение геополитических приоритетов Российской империи во взаимоотношениях с великими державами и основных принципов русской политики в отношении Речи Посполитой. Во-вторых, обсуждались проблемы роли политического наследия Петра Великого во внешнеполитической стратегии России в XVIII в.

Начало обсуждению первого направления было положено докладом *В. Станиславского* (Киев) о военно-политических планах России и Швеции в решающий период Северной войны (1707–1709 гг.), во время нашествия Карла XII на Россию. В частности, обсуждался вопрос о намерениях великих держав – участников войны за испанское наследство – посредством дипломатических комбинаций подтолкнуть шведского короля к походу на Москву, чтобы не допустить участия шведской армии в войне на стороне Бурбонов против габсбургской коалиции; о роли поддержавших Станислава Лещинского польских магнатских группировок в определении стратегии шведского вторжения в Россию по направлению Смоленск – Москва, что было свойственно польско-литовским традициям ведения войны на востоке, но не соответствовало шведским методам ведения войны на востоке. Большое внимание в докладе и в дискуссии было уделено в этот период Северной войны роли Речи Посполитой, которая в лице Сандомирской конфедерации оставалась последним союзником России в войне против Швеции. Важное место в докладе принадлежало

вопросу об Украине, которая оказалась не только подвергнута главному удару шведов, став главным театром военных действий, но и находилась под угрозой вторжения со стороны Крыма и Османской Порты.

Тема Юго-Западной Европы – региона, непосредственно примыкавшего к театру военных действий Северной войны, была в центре внимания *В. Константинова* (Кишинев), выступившего с докладом «Молдавское княжество в контексте польско-русских отношений во времена Петра I». По его мнению, со времени Карловицкого конгресса 1699 г. христианские элиты Балканского полуострова и Дунайских княжеств (боярство Молдавии и Валахии, греки-фанариоты), недовольные османским правлением, начинают воспринимать Россию как военно-политическую силу, способную повлиять на их статус в составе Османской Порты и оказать им содействие в освободительной борьбе. Существенную роль в формировании подобных планов христиан Юго-Восточной Европы сыграла русская политика в Речи Посполитой особенно после Полтавской битвы. Наиболее ярко отмеченная тенденция нашла отражение в деятельности Антиоха Кантемира.

Проблема так называемого юго-западного фронта в эпоху Северной войны была продолжена в докладе *В.А. Артамонова* (Москва) «Русско-турецкая война 1710–1713 гг. и Речь Посполитая». В нем подчеркивалось, что Полтавская победа кардинально изменила международное положение польско-литовского государства и связанной с ним династической унией Саксонии: шведский протекторат в 1710 г. сменился для Речи Посполитой российским, однако «исключительное влияние в Польше не было для Петра I самоцелью». Вместе с тем военные приоритеты османов, по мнению докладчика, не были связаны с Россией. Принципиально важный вывод Артамонова состоит в том, что наиболее существенные последствия эта война имела для Украины. По его словам, если бы не было русско-австрийского противояс военного потенциалу Порты, то на Правобережье Украины могло бы возникнуть вассальное украинское квазигосударство под протекторатом Турции.

Таким образом, уже первые доклады и их обсуждение показали, что Северная война по геополитическому воздействию отнюдь не ограничивалась Балтийским регионом. Как в дискуссии подчеркнул *В. Кригзайзен* (Варшава), военно-политическое воздействие русско-шведского противостояния простиралось с востока на запад от Смоленска – до Эльбы и от Финляндии и Норвегии – до Молдавии. Ее же политические последствия распространились на весь европейский континент.

Этот тезис получил развитие в докладе *Г.А. Санина* (Москва) «Россия и Речь Посполитая в Утрехтской системе международных отношений». По его мнению, становление системы наиболее вероятно можно датировать периодом 1714–1721 гг. Центральным тезисом доклада стал вывод, что упадок Вестфальской системы был связан не столько с войной за испанское наследство, сколько с Северной войной, которая «устранила из европейского концерта великих держав Швецию». Это обстоятельство, по словам Санина, существенно повлияло и на международный статус Речи Посполитой. Северная война не только переориентировала систему «французского восточного барьера» от задачи сдерживания Габсбургов на стратегию «отбрасывания России», но и обусловила в скором времени крах самого восточного барьера вследствие упадка и перманентного кризиса его основных элементов – Османской Турции, Речи Посполитой и Швеции.

Тему русско-польских отношений эпохи Северной войны завершали доклады *П. Крокоша* (Краков) и *К.А. Кочегарова* (Москва). Первый был посвящен русской армии Петра Великого и действиям русских войск в землях шляхетской польско-литовской республики. При этом автор подчеркнул, во-первых, аспект международно-политический, когда занятие русскими Риги и Выборга продемонстрировало польскому королю и саксонскому курфюрсту Августу II бесперспективность его замыслов приобретения Ливонии, чтобы заполнить ее в качестве наследственного владения своей династии; во-вторых, аспект военный, когда в период военных действий в Литве и шведской блокаде Гродно в 1705–1706 гг. русские войска наглядно продемонстрировали шляхте, уже утратившей к тому времени функции военного сословия, значение военных преобразований и создания регу-

лярной армии; в-третьих, аспект внутривосточный, когда русская военная сила стала инструментом давления на шляхетскую республику, что привело в итоге фактически к «разоружению» Речи Посполитой, закрепленному в постановлениях сейма 1717 г.

Доклад *К.А. Кочегарова* был посвящен российской политике в отношении православного населения Речи Посполитой в первой четверти XVIII в., когда получили продолжение меры, которые русское правительство предпринимало и ранее, а именно: поддержка православных монастырей в Речи Посполитой, покровительство единоверцам в их контактах с Россией, в том числе в их сношениях с киевским митрополитом. В петровское время об усилении русского влияния в деле православных свидетельствовало только назначение православного моголевского епископа при Августе II и переход в области материальной поддержки единоверцев от преимущественно казенных ассигнований к частным пожертвованиям. Докладчик подверг критике позицию российских историков клерикального направления второй половины XIX в., утверждавших, что при Петре русское правительство придавало делу единоверцев в Польше и Литве приоритетное значение. Конкретный материал, напротив, свидетельствовал о том, что связи России с православными подданными польского короля ослабевали. По мнению Кочегарова, это было связано с общим снижением уровня политического влияния церкви при Петре Великом и с нарастанием секуляризационных тенденций в России. В дискуссии, в частности, отмечалось, что принятые под патронатом России постановления сейма 1717 г., существенно ограничивавшие права некаатоликов, хотя в целом и не отражали позицию русского правительства в отношении польских иноверцев, в то же время не вызывали возражений.

Вопросы о наследии Петра I во внешнеполитической стратегии России в XVIII в. стали вторым главным направлением работы «круглого стола». Начало их рассмотрения было положено докладом *Б.В. Носова* (Москва), который в начале охватился на узловых историографических проблемах истории российско-польских отношений XVIII в. в контексте эволюции геополитической ситуации в Европе. Докладчик привел тезис выдающегося польского историка Ежи Михальского, что каждый из международно-политических кризисов на континенте предоставлял возможность для Речи Посполитой освободиться от навязанного ей протектората великих держав и одновременно представлял для шляхетской республики большую опасность пасть жертвой компромисса между державами-протекторами. Череда этих кризисов, рассмотренных Носовым, открывалась Северной войной и завершалась международным кризисом системы «старого порядка» эпохи Великой Французской революции. Важной чертой российско-польских отношений XVIII столетия было, по словам докладчика, постоянное присутствие в них идеи русско-польского союза, начиная от трактата Вечного мира 1686 г. и до союза в Гродно 1793 г. Отмеченное постоянство доказывало как существование объективной основы для подлинно союзнических отношений двух государств, так и сохранение возможности реализации таких планов вплоть до первого раздела Польши 1772 г.

Проблеме русско-польских отношений в контексте кризисов европейских международных отношений был посвящен доклад *Уршулы Косиньской* (Варшава) «Между Полтавой и насильственной элекцией 1733 г.», в заглавие которого был вынесен вопрос: «Могла бы Речь Посполитая сохранить суверенитет?». Говоря о системе русского протектората в Польско-Литовском государстве в царствование Петра Великого, У. Косиньская представила названную систему образным утверждением, что «царь трижды короновал польского короля», так как после Полтавской победы Петр I не только восстановил на престоле своего саксонского союзника, но еще дважды своею властью и под угрозой применения силы сохранил за Августом II польскую корону. Однако, по словам У. Косиньской, Август II не смог найти поддержки своим планам установления наследственного правления династии Веттинов среди поляков. Вопреки намерениям саксонца действовали и великие державы, в первую очередь Россия и Пруссия. Сложившуюся систему протектората великих держав над Речью Посполитой, «несуверенность республики», по мнению Косиньской, в полной мере выразил кризис в связи с избранием на польский престол сына Августа II – Августа III.

Главным вопросом дискуссии по докладу У. Косиньской стала проблема соотношения степени доминирования великих держав в шляхетской республике. С одной стороны, был выдвинут тезис, что внешний контроль в отношении Речи Посполитой был, прежде всего, в интересах России и Пруссии. Петербург рассматривал польско-литовское государство как стратегический плацдарм на пути в Прибалтику, Германию и Западную Европу. Для Берлина захват польских земель имел жизненно важное значение для территориального объединения Бранденбурга и Восточной Пруссии и в целом для реализации планов территориального расширения и наращивания политического могущества державы Гогенцоллернов. В то же время Версаль и Вена не вынашивали в отношении Польши планов территориальных захватов, рассматривая Речь Посполитую только как один из существенных элементов европейской геополитики и собственного влияния в европейских делах, и не стремились к доминированию в Польше. С другой стороны, оппоненты выдвинутой точки зрения указывали, что для Венского двора сохранение своего статуса протектора в шляхетской республике и покровителя Саксонии имело принципиальное значение в противостоянии как с Пруссией (особенно вследствие войн за австрийское наследство), так и с Россией. Поэтому вплоть до конца Семилетней войны 1756–1763 гг. все принципиальные вопросы в отношении Польско-Литовского государства (главное, об избрании польских королей) решались по воле Австрии. И после установления в Речи Посполитой в 1760-е годы российского господства позиция Вены сыграла ключевую роль в политической комбинации, приведшей к первому разделу Польши.

Российско-польские отношения в царствование Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.) в свете документов российской Коллегии иностранных дел были проанализированы в докладе М.Ю. Анисимова (Москва). По его словам, «А.П. Бестужев первым понял опасность для России усиления Пруссии и убедил в этом Елизавету Петровну». В докладе внешнеполитическая стратегия российского канцлера объяснялась тем, что и Петербург и Берлин, недавно вступив в клуб великих держав, были обречены на острое соперничество в борьбе за самоутверждение на европейском континенте. Приоритет противодействия Пруссии, по мнению Анисимова, обусловил пассивность России в отношении Речи Посполитой. Центральным тезисом докладчика стала мысль, что создание в 1752 г. «дворской партии привело к краху саксонской династии в Речи Посполитой», так как лишило Августа III как опоры среди магнатов, так и зарубежной поддержки, прежде всего со стороны России, которая в царствование Елизаветы Петровны придерживалась тактики лавирования между магнатскими группировками, не допуская решающего перевеса ни одной из них.

В дискуссии было отмечено, что выдвинутая М.Ю. Анисимовым концепция по-иному трактует «систему Бестужева», нежели это принято в русской и современной зарубежной историографии, и возвращается в существенных чертах к воззрениям С.М. Соловьева и Н.Д. Чечулина. Вместе с тем она не вполне согласуется, во-первых, с планами Петербурга осуществить обмен захваченной в ходе Семилетней войны Восточной Пруссии на Курляндию, а также с вопросом о том, кто именно – Польская корона или Польская республика выступит контрагентом России в этом обмене? Во-вторых, она в известной мере противоречит немаловажному факту, что Вена и Версаль без консультаций с Петербургом согласовали в 1759 г. кандидатуру будущего польского короля – преемника Августа III.

Кануну Семилетней войны был посвящен заочно представленный доклад Т. Швачиньского (Варшава), посвященный политике России в отношении Литовского трибунала в середине XVIII в. Коронный и Литовский трибуналы были в XVIII в. не только органами высшей судебной власти в польско-литовской шляхетской республике, но и важнейшими институтами сословного представительства дворянства Великой и Малой Польши, а также Литвы. Трибуналам принадлежала исключительно важная политическая роль, поскольку от них зависело функционирование всей общественно-политической системы Речи Посполитой и, в первую очередь, системы шляхетского землевладения и феодального права собственности на землю и крестьян. Этим, в частности, объясняется острота борьбы магнатских группировок и поддерживавших их шляхетских корпораций на выборах трибунальских депутатов. Главной темой представленного доклада стал политический кризис

в Речи Посполитой вокруг выборов в Литовский трибунал 1755 г., в связи с чем русское правительство рассматривало возможность организации в Великом княжестве Литовском конфедерации, поддержанной Россией. Таким образом, вновь нашел подтверждение тезис, что Россия рассматривала Литву как форпост своего влияния в польских делах, а литовских магнатов как своих ближайших союзников и клиентов в осуществлении политики протектората в отношении Речи Посполитой.

Также к вопросу о взаимоотношениях российского правительства с литовскими магнатами на примере Михала Клеофаса Огиньского обратилась *Р. Шмигельските-Стукене* (Вильнюс). Ее доклад отличался особой источниковой фундированностью, поскольку опирался не только на источники, широко используемые в науке, но и на документы, впервые введенные автором в научный оборот, в частности на переписку М.К. Огиньского с польским королем Станиславом Августом, в то время когда Огиньский был в 1790 г. польским послом в Голландии, а также материалы архива Огиньских в Государственном архиве Литвы в Вильнюсе. Она показала, что в основе отношений Огиньского к России, при всей сложности и противоречивости его жизненного пути, лежали поземельные интересы магнатского рода, наследником латифундий которого являлся Огиньский. Докладчица выдвинула поддержанный участниками дискуссии тезис, что именно поземельные отношения литовской знати и шляхты, дополненные личными связями между польской, литовской и российской аристократией, в чем свою роль сыграли и принадлежность многих представителей к масонским организациям, стали основой союза землевладельческих литовских элит с российским правительством в конце XVIII – начале XIX в.

Доклад *А. Стройновского* (Ченстохова) был озаглавлен «Правители и послы России в польском общественном мнении времен короля Станислава Августа Понятовского». Однако его содержание было существенно шире, поскольку посвящен он был весьма важной теме: эволюции представлений о России в публицистике Речи Посполитой во второй половине XVIII столетия. С источниковедческой точки зрения автор поставил очень важную задачу – продемонстрировать важность и практическую неисчерпаемость таких сочинений, как труды Матушевича или Китовича, уникальность и содержательность лаконичных записок Станислава Любомирского и т.д. Классические произведения польской политической мысли XVIII в. и их литературный, публицистический и мемуарный контекст в целом составляют широчайшее поле для исследований. Автор избрал для этого только относительно узкий и ограниченный ракурс, а именно представление польского общества о российских общественных и политических элитах, сформированное на основе непосредственного опыта взаимодействия с российскими дипломатами, работавшими в Варшаве, и в сравнении с властителями, которых те представляли. А. Стройновский показал, что по отношению к российским государям со стороны вовлеченных в политическую жизнь и приобщенных к публицистической полемике слоев польского общества соблюдался «безукоризненный пиетет», даже когда авторы занимали недвусмысленно негативную позицию по отношению к России. Это явление автор доклада объяснил, во-первых, осознанием величия России как державы, что персонифицировалось в образе императора, а во-вторых, монархическим сознанием польских публицистов, для которых было характерно представление о священности и неприкосновенности особы государя, которого можно было свергнуть с престола, но к которому нельзя было отнести без подобающего монаршему сану почтения. Как отмечалось в дискуссии, это представление нашло даже отражение в нормах польской Конституции 3 мая 1791 г., содержавшей положение о «священности и неотвечственности» особы короля.

По завершении дискуссии по докладам и общего обмена мнениями с подведением итогов «круглого стола» выступили модераторы: профессор *В. Кригзайзен* и профессор *Б.В. Носов*. Профессор Кригзайзен выразил мнение, что научная дискуссия между историками России и Польши не должна ограничиваться так называемыми острыми вопросами. В сфере научного внимания должен находиться исторический процесс в целом, только при этом условии можно выработать верное понимание его отдельных событий, периодов или эпох.

«Круглый стол» продемонстрировал высокий научный уровень докладов и сообщений, а также содержательность и актуальность развернувшейся дискуссии, общую заинтересованность в продолжении практики подобных конференций, посвященных отдельным наиболее актуальным для обеих сторон проблемам истории России и Польши и российско-польских отношений. Состоявшаяся дискуссия показала, что история эпохи Петра Великого и XVIII в. в целом играет существенную роль в современном историческом сознании народов России и Польши, что общественно-политическое значение исторической памяти народов в наши дни еще более возрастает.

© 2014 г. *К.А. Кочегаров, Б.В. Носов*

Славяноведение, № 5

РОССИЙСКО-ПОЛЬСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПОЛЬСКОЕ ЯНВАРСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 ГОДА
И ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ РОССИИ И ПОЛЬШИ
(К 150-ЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ)». МОСКВА 3–5 СЕНТЯБРЯ 2013 г.

Международная научная конференция, посвященная 150-летней годовщине Польского восстания 1863 г., была подготовлена Комиссией историков России и Польши, Институтом славяноведения РАН. С польской стороны ее организацию возглавил Институт истории науки им. Людвика и Александра Биркенмайеров Польской академии наук. Проводилась она под патронатом и при финансовом содействии Фонда «Российско-Польский центр диалога и согласия».

Открыли конференцию сопредседатели Комиссии историков России и Польши, с российской стороны – руководитель секции истории Отделения исторических и филологических наук РАН академик РАН Н.А. Макаров и сопредседатель с польской стороны – директор Института истории науки ПАН профессор Л. Заштовт. Всего в течение трех дней на конференции присутствовали и приняли участие более 100 человек.

Открывая конференцию, *Н.А. Макаров* подчеркнул, что изучение истории польского Январского восстания 1863 г. «занимает видное место в российской исторической науке и, несомненно, центральное место в сотрудничестве российских и польских историков, начиная со второй половины XX века». Он отметил также, что названная проблема является неотъемлемой частью исторической памяти наших народов, что она неразрывно связана с современностью и оказывает существенное влияние на содержание и развитие политических, общественных и культурных связей между Россией и Польшей.

Одной из центральных проблем на конференции стал вопрос о формировании в общественном сознании и исторической памяти России и Польши представлений о Польском восстании 1863–1864 гг., об их изменении на различных этапах общественно-го развития, а также о трансформации этих представлений в научное знание, с одной стороны, и в устойчивые образы и стереотипы общественного сознания – с другой. Этой теме был преимущественно посвящен доклад *Л. Михальской-Брахи* и *В. Цабана* (Кельце) «Агатон Гиллер (1831–1887) – первый историк Январского восстания». Хотя Гиллер и не имел специального исторического образования, его научные труды легли в основу как источниковой базы, так и научной историографии восстания. В них обозначились два направления представлений о восстании в общественной мысли: идеализированное (романтическое) и критическое. Еще одним пионером на пути формирования общественных представлений о восстании 1863 г. был Артур Вольнский, научному наследию которого был посвящен доклад *Я. Пискуревича* (Варшава). Вольнский собирал свидетельства участников восстания и членов их семей, что составило ценный корпус

исторических источников – «Архив национального правительства». В ходе дискуссии по докладу были подняты вопросы о том, в какой мере труд Волинского был предназначен для европейской, а в какой мере – для польской общественности, и можно ли констатировать, что его автор является одним из первых представителей клерикального (католического) направления в посвященной восстанию общественной мысли?

О реакции русских современников на события восстания говорили Ст. Вех (Кельце), С.М. Фалькович (Москва), А.П. Шевырев (Москва). Докладчики подчеркивали огромное влияние Польского восстания на общественно-политическую ситуацию в России, на внутреннюю и внешнюю политику российских властей и на российское общественное мнение. Причем отклики на восстание прозвучали в России, как это следовало из представленных докладов, со стороны как революционного лагеря, так и лагерей консерваторов и либералов. Революционерам главное внимание уделила *С.М. Фалькович*. Сопоставив традиционные для советской историографии наблюдения и выводы с данными исследований последних десятилетий, она показала утопичность программы «польско-русского революционного союза». В частности, было указано, что этот союз в повстанческих кругах рассматривался только как способ привлечения на сторону восставших революционно настроенных солдат и офицеров (причем главным образом поляков по национальности) из состава расквартированных в Царстве Польском русских войск.

Отношение к польскому восстанию русского либерального лагеря в 1860-е годы представил *А.П. Шевырев*. При этом он сосредоточил внимание на кругах либерально настроенной высшей российской бюрократии, подчеркнув, что «восстание раскололо либеральную бюрократию» и подорвало ее роль как в русском обществе, так и в правящих кругах империи. Однако он выдвинул убедительные аргументы против традиционного для советской историографии тезиса о слиянии либерального и консервативного лагерей на почве выработанной правительством программы реформ и в обстановке вызванных польским восстанием великодержавных националистических настроений в России. Также обращает на себя внимание вывод докладчика о тесной связи между политическими процессами в России и в Царстве Польском и, прежде всего, о более сложном характере этих политических связей, нежели просто отклик в соседних странах или реакция центральных властей империи на волнения в одной из ее окраинных провинций.

Воззрениям на восстание русских современников из реакционного лагеря был посвящен доклад *Ст. Веха* на примере неопубликованных воспоминаний петроковского губернатора К.К. Миллера. Они представляют собой один из вариантов так называемой черной легенды восстания, и именно в этом духе изложены в них события и факты. Однако, несмотря на их очевидную тенденциозность, в воспоминаниях достаточно много внимания уделено позиции польского католического духовенства, и в связи с этим возникает мало исследованная проблема роли в восстании польского католического клира, степени и векторе влияния церковной пропаганды на представителей различных сословий Царства Польского, участвовавших в восстании. Кроме того, воспоминания Миллера отразили основные тенденции антиповстанческой пропаганды царских властей, направленной на разные категории населения как в самой Российской империи, так и предназначенной для распространения за рубежом. Как отметил *Л. Заитовт* (Варшава), «черная легенда» получила распространение как с русской, так и с польской стороны.

О феноменах отражения восстания 1863 г. в общественном сознании России конца XIX – начала XX в. говорилось в докладе *Л.Е. Горизонтова* (Москва). Автор, как и другие выступавшие, сосредоточил внимание на особенностях подхода к осмыслению событий восстания и его исторического значения основными направлениями общественной мысли в России: консерваторами, либералами и революционерами. Главным выводом из сделанного доклада стал тезис, что в отличие от утверждений советской историографии, русские либералы имели собственную позицию по отношению к восстанию и свою программу разрешения польского вопроса путем исторического компромисса.

Как отмечалось в дискуссии, немаловажную трансформацию представлений о восстании общественное сознание и России, и Польши пережило в 1880-е годы в условиях ро-

ста влияния демократических слоев в общественном мнении. Получает распространение представление об общенародном (общенациональном) характере восстания. В частности, как отмечал В. Цабан (Кельце), этот поворот наблюдался уже в научном и публицистическом наследии известного деятеля освободительного и рабочего движения Болеслава Лимановского, который подчеркивал участие в восстании крестьян и выходцев из среды горожан.

Новый этап в осмыслении общественным сознанием Январского восстания и его уроков берет начало после Первой русской революции 1905–1907 гг., охватившей и Царство Польское. Завершается он в 1920-е годы после восстановления независимого польского государства. Этому этапу посвятил доклад Г.Ф. Матвеев (Москва) «Опыт Январского восстания в трактовке Юзефа Пилсудского». Накануне Первой мировой войны Пилсудский намеривался сломать систему иностранного, прежде всего, российского господства в Польше, что, согласно его тогдашним представлениям, можно было сделать только путем восстания. Для достижения этой цели, по его мнению, «надо было покончить с пессимизмом правящих классов» и усвоить уроки восстания 1863 г., т.е. проанализировать удачи и неудачи стратегии и тактики повстанцев. Г.Ф. Матвеев детально исследовал взгляды Пилсудского на успехи и неудачи повстанческой борьбы. Вместе с тем центральным тезисом докладчика прозвучала ставшая перед Пилсудским проблема создания действенной революционной организации и ее способности руководить неорганизованными революционными массами. Идейной, организационной и тактической формой их успешного взаимодействия, с точки зрения Пилсудского, стала концепция польского национального социализма, опирающегося на возрожденное польское национальное государство. Таким образом, как показал Г.Ф. Матвеев, в воззрениях Пилсудского первого десятилетия XX в. оказались преодоленными как воззрения шляхетского романтизма, так и «народнических» воззрений национальных демократов. Вновь тема восстания 1863 г. зазвучала у Пилсудского в период восстановления независимой Польши: воздавая заслуженную дань повстанческому героизму «верховный вождь» стремился продемонстрировать непосредственную связь Второй Речи Посполитой с традициями освободительной повстанческой борьбы польского народа. Еще раз Пилсудский обратился к теме восстания 1863 г. в 1924 г., когда на время маршал был отстранен от власти. На этот раз главной проблемой для него стал опыт восстания в создании правительства национального единства, которое во имя сохранения государства должно было преодолеть партийные разногласия, как это, по словам «начальника государства», удалось повстанцам в 1863–1864 гг. Анализ мнения Пилсудского о Январском восстании и его дискуссии с политическими оппонентами продемонстрировали, что, уже накануне Первой мировой войны и в межвоенный период 1920–1930-х годов представления в общественном мнении о Январском восстании существенно изменились.

После Второй мировой войны тема польского восстания в обществе постепенно утрачивает свою остроту. Причины этого коренятся, с одной стороны, в кардинальном изменении социально-политической системы в Восточной Европе и в радикальной перестройке миропорядка в целом, а с другой – в том, что «черную и белую» повстанческие легенды затмили и отодвинули на второй план героические и трагические образы событий эпохи Второй мировой войны. Начиная с 1950-х годов, центр обсуждения проблем истории Январского восстания перемещается почти исключительно в сферу профессиональной историографии. Исключения могут быть связаны с трудами Я. Кухаржевского, А. Валицкого, А. Каминьского и А. Новака – историков общественной мысли. Однако высказанные ими суждения и оценки, связанные с историей России и Польши эпохи польского восстания 1863–1864 гг. ближе все же к историософии или же к исторической политологии, нежели к историографии. Сформулированным еще в межвоенной Польше концепциям Я. Кухаржевского и их интерпретации в современной польской исторической науке и общественной мысли был посвящен доклад Ю.А. Борисенка (Москва) «Михаил Бакунин, Январское восстание и современная польская историография». По мнению докладчика, Кухаржевский резко критиковал теоретическое наследие Бакунина и восхищался его личностью

«бунтаря». В этом нашла отражение, освященная классиками польской литературы традиция революционного романтизма, от которой шаг за шагом отходит современная польская и российская общественная мысль, даже в лучших своих проявлениях. Ю.А. Борисенок особо подчеркнул, что Кухаржевский опроверг прочно закрепившийся в исторической мысли тезис, будто бы Бакунин в известном смысле подтолкнул поляков к восстанию, убеждая их в «якобы в готовности России к революции» и тем самым он и Герцен обрекли их на бессмысленные жертвы. Доклад вызвал оживленную дискуссию в частности по вопросу о подлинной и мнимой «революционной ситуации» в России и в Царстве Польском, о ее хронологических рамках и критериях, о ее особенностях в основных политических центрах Российской империи. Обращаясь к проблеме связей исторической мысли второй половины XIX – начала XX в. и современности Ю.А. Борисенок отметил, что как идейное наследие Январского восстания, так и революционные воззрения и концепции Бакунина остаются преимущественно в сфере внимания историков, однако они оказались парадоксально «не востребованы как критиками польской и русской революционности», так и современными поколениями «бунтарей» анархистского толка.

Второй важнейший проблемный комплекс, рассмотренный на конференции, был связан с фундаментальными для исторической науки вопросами источниковедения и историографии. Источниковедческие аспекты проблемы обсуждались, в частности, в связи с оценкой значимости для современной науки таких источников, как свидетельства участников и современников восстания. Круг таких источников чрезвычайно обширен. И сложилось так, что именно эта категория оказалась введенной в научный оборот ранее других. О ее значении и о методике научной критики говорилось в докладах *Л. Михальской-Брахи* и *В. Цабана*, *Ст. Веха*, *Я. Пискуревича* и других выступавших. Главной особенностью этого круга источников является их субъективный характер. Для их критики особое значение имеют судебно-следственная документация, документы повстанческих органов и другие материалы эпохи восстания, сохранившиеся в архивах и в значительной и наиболее ценной своей части опубликованные в фундаментальном 25-томном издании «Восстание 1863 г. Документы и материалы», осуществленном польскими, российскими, белорусскими, украинскими и литовскими историками и архивистами в 1960–1980-е годы. Истории подготовки этого издания был посвящен доклад *Я. Шумского* (Варшава). Подробно на этом вопросе остановился *Л.Е. Горизонтов*. О роли историков Литвы в работе над названным изданием говорилось в докладе *Л. Заитовта* (Варшава). Проблемы источниковедения были затронуты, в частности, в докладах *Б.В. Носова* (Москва) и *А.П. Шевырева*, которые указали на значение исторических источников, возникших в органах государственной власти и управления Российской империи: в военном ведомстве, в полицейских органах, в аппаратах царских министерств. Обращение к этим источникам позволило бы более детально проследить действия властей, направленные на подавление общественного движения и в Царстве Польском накануне и в период восстания, выявить степень согласованности и взаимозависимости внутренней политики царизма в России в целом и в Царстве Польском. Об особом значении документации частей и соединений царских войск, действовавших в период восстания в Царстве Польском говорилось в докладе *М. Кулика* (Варшава). Докладчик проанализировал значение и трудности разработки проблематики военной истории восстания, которое развивалось в форме партизанской борьбы, в частности подчеркнув, что последняя требует особой методики исследования, существенно отличной от методов, традиционно применяемых специалистами по военной истории. Развернувшаяся дискуссия показала, что изучение эпохи Январского восстания нуждается в расширении источниковой базы, в частности по вопросу о роли царских властей и администрации Царства Польского накануне и в период восстания, о роли отдельных социальных слоев и общественных групп в восстании, о характере повстанческих действий, о стратегии и тактике как повстанцев, так и царских властей.

Одной из задач конференции было рассмотрение современного состояния исследований и новых тенденций дальнейшего изучения Польского восстания 1863–1864 гг. Однако сама проблема анализа историографического материала и внутренних закономерностей

его накопления и развития, а также эволюции научных воззрений была в центре докладов *О.С. Каштановой* (Москва) «Сравнительные аспекты изучения восстания 1863 г. в российской историографии» и *З. Ромека* (Варшава) «Польское Январское восстание 1863 г. в историографии Третьей Речи Посполитой».

О.С. Каштанова показала, что процесс изучения восстания и его эпохи в российской и польской историографии конца XIX– начала XX в. протекал относительно независимо одной от другой, особенно, если иметь в виду, что центром изучения восстания в Польше до начала 1920-х годов была австрийская Галиция. В этот период практически отсутствовала научная дискуссия между российскими и польскими учеными, а взаимное обращение к трудам российских и польских историков носило случайный и эпизодический характер. Только в 1920–1930-е годы положение изменилось. Правда, первоначально к проблемам восстания советские историки обращались преимущественно в контексте истории международных отношений. Новый качественный уровень в отечественной историографии был достигнут в конце 1930-х годов, когда произошел «перелом в исторической славистике» в СССР, правда его результаты сказались только после Второй мировой войны, когда развитие сотрудничества российских и польских историков развернулось широким фронтом. Оно продолжает развиваться и в новых условиях. Видная роль в его организации в течение последних двух десятилетий принадлежит члену Комиссии историков России и Польши и в недавнем прошлом ее сопредседателю профессору Виктории Сливовской. Как отмечалось в дискуссии «все оценки современной историографии коренятся в подходах старой русской историографии» (Л.Е. Горизонтов). Этот тезис вызвал возражение *О.С. Каштановой*, подчеркнувшей, что, разумеется, имеет место хождение в исторической публицистике некоторых националистических концепций, связанных, с одной стороны, с общим усилением националистической идеологии (поисками «национальной идеи» и т.п.). С другой стороны, это связано с некритическим заимствованием некоторыми авторами материала старой русской историографии. Однако, по ее мнению, едва ли отмеченные веяния имеют существенный характер. В дискуссии также обоснованно отмечалось, что во взглядах современных российских историков восстание 1863 г. занимает более существенное место, благодаря циклу исследований, посвященных «окраинам Российской империи».

Третий проблемный комплекс был посвящен новейшей польской и российской историографии и современной общественной мысли. К названным проблемам обращались все без исключения докладчики и подавляющее большинство участников дискуссии. Имея в виду особое значение этого проблемного комплекса, его обсуждение получило продолжение и развитие на специальном «круглом столе» «Польское восстание 1863–1864 гг. в общественной жизни и публицистике России и Польши в начале XXI столетия». Новейшей польской историографии восстания был посвящен сделанный на «круглом столе» доклад *З. Ромека*. Исходной мыслью докладчика стал тезис о значении мировоззрения для ученого-историка. При этом, говоря о мировоззрении, автор имел в виду осознанное определение исследователем собственных методологических позиций, а говоря о воспитании – этику ученого, его готовность твердо следовать избранным научным методологическим принципам. «Среди историков, – заметил докладчик, – не мало людей, избегающих собственных оценок, что, по их мнению, якобы способствует объективности. Однако уже сам выбор темы исследования, подбор источников, приемы цитирования и тому подобное служат, по его словам, выражением авторской позиции. Такое введение недвусмысленно связало данное выступление с гегелевской концепцией партийности в науке. И именно к проблеме диалектики объективности и партийности обратился Ромек, когда сравнил две посвященные восстанию работы Стефана Кеневича, одну – 1972 г. и очерк, написанный 20 лет спустя, незадолго до кончины ученого в 1992 г. В конце жизни Кеневич говорил, что написал бы главный свой труд иначе. В очерке 1992 г. он, в частности, утверждал, что «летом 1863 г. шансов на успех у повстанцев было больше, нежели летом 1831 г.». При всей уязвимости для критики подобного сопоставления «шансов» укажем только, что ученый исходил из возможности победы или, по крайней мере, некоего «успеха» восстания. Иную точку зрения в новейшей работе проводит один из наиболее авторитетных польских ученых старшего поколения

Е. Едлицкий. В книге «Путь к национальному поражению» (2013 г.) он говорит о том, как в сердцах поляков созрела идея восстания, что радикальность движения не давала шансов ни на победу, ни на соглашение с царским правительством. Восстание, таким образом, было обречено на поражение и оставило после себя только печальную легенду. В итоге Едлицкий осудил «идеализацию» восстания и использование патриотической легенды в националистической пропаганде. На этих двух характерных примерах З. Ромек продемонстрировал, как на современном этапе научная историография сближается с исторической публицистикой, возвращаясь, спустя столетие, к роковому вопросу: нужно ли было брать за оружие? Грань между воплощенном в историографии содержанием исторической науки и «историософией» или исторической публицистикой не является абсолютной и непреодолимой, историческая истина не безразлична социальным и политическим силам в обществе, а, следовательно, научное историческое знание остается партийным.

Дискуссия была продолжена в связи с выступлением *Л.С. Лыкошиной* (Москва) об «исторической политике» современной Польши в связи со 150-летием Январского восстания. Докладчицей были поставлены вопросы о соотношении «исторической политики» и исторического сознания и о соотношении подходов либерального и консервативного политических лагерей современной Польши к «исторической политике». *Л.С. Лыкошина* при этом подчеркнула, что само понятие «историческая политика» в принципе не новое. Еще *М.Н. Покровский* говорил, что «история – это политика, опрокинутая в прошлое». Однако в наши дни его ввели в оборот лидеры правой польской партии «Право и справедливость» (ПИС), которые и сформулировали постулаты «исторической политики» консервативной направленности. Консерваторы, по их словам, продолжающие традиции национальных демократов, использовали юбилейную годовщину Январского восстания как повод для протестов против «национальной приниженности», приурочив к ней ряд массовых акций, символизирующих подвиг польского народа в борьбе за независимость и победу польского национального духа. Примечательно, что названные акции в немалой мере носили антироссийскую направленность, но острием были направлены против «либералов» и «угодников» – соглашателей в их современном облике, якобы предающих польские национальные интересы. Представители праволиберального лагеря современной Польши, не отвергая «историческую политику», хотели бы избежать ассоциаций с крайним национализмом и выработать ее собственный партийный аналог. Так президент Польши *Бронислав Комаровский* предложил заменить понятие «исторической политики» понятием «историческая память». Однако терминологические расхождения не меняют «исторической политики» по существу, поскольку под всеми названиями и под всеми партийными знаменами присутствует единая задача: использовать историческую составляющую общественного сознания в интересах господствующей идеологии. Особенность же «исторической политики» как явления политической жизни, говорилось в дискуссии, состоит в том, что она целенаправленно формируется и используется политическими партиями и специально созданными для ее разработки и реализации институтами в решении конкретных задач политической борьбы. С этой точки зрения, элементы исторической политики присутствуют в тактике всех политических партий и общественных движений. Однако идеологически именно на почве национализма достигается руководство со стороны общественных элит социально разнородными и раздираемыми взаимными противоречиями общественными слоями. В дискуссии также отмечалось, что историческая политика имеет как внутреннюю, так и внешнеполитическую составляющую, поскольку она призвана служить укреплению позиций государства на международной арене.

Как отметила в дискуссии *И.С. Яжборовская* (Москва), выдвинутые *Л.С. Лыкошиной* тезисы и высказанные оппонентами замечания имеют особое значение для России, поскольку объективное содержание «исторической политики», хотя и в специфических для современной России формах, присутствуют и в нашей стране. Можно не принимать логики польских адептов «исторической политики», однако необходимо признать объективную политическую реальность и достичь взаимопонимания, суметь «наложить разные матрицы одну на другую». Путь к этому лежит через научную верификацию элементов

и структур исторического сознания, только таким образом можно преодолеть мифологемы исторической памяти. *О.С. Каиштанова* подчеркнула, что способом преодоления мифов и свойственных «исторической политике» искажений могут стать фундаментальные историографические исследования важнейших проблем, в частности по историографии Январского восстания, о чем свидетельствует и дискуссия на конференции. *С.М. Фалькович* вернулась к проблеме «понимания» применительно к исторической политике» и добавила: вопрос состоит в том, чтобы «понимание» не вступило в противоречие с научной объективностью и принципиальностью в отстаивании собственной позиции исследователя и позиции российской исторической школы. Следует подчеркнуть, что в области изучения истории Январского восстания Институт славяноведения РАН имеет международно признанный приоритет. Исследования в этой области сотрудников института сопоставимы только с потенциалом, накопленным польскими историками. *Б.В. Носов* (Москва) высказал мысль, что историческая память не противоречит научным представлениям об историческом прошлом и научному мировоззрению в целом. Для корректировки мифологических представлений исторической памяти необходимо развитие конкретно-исторических исследований в целом, и по истории Январского восстания 1863 г. в частности. *Л. Заитовт* (Варшава) остановился на проблеме двойственности исторического процесса, для которого характерно как объективное содержание, так и субъективная составляющая, обусловленная деятельностью людей как субъектов исторического процесса. Субъективность последнего приводит к тому, что в истории возникает, по меньшей мере, «две правды». Применительно к истории восстания 1863 г. это «правда повстанцев» и «правда противостоявшей им Российской империи». Такая упрощенная схема иллюстрирует тезис о том, что всякое историческое знание складывается из комплекса интерпретаций, материал для которых дают исторические исследования. «Историческая политика», таким образом, есть ни что иное, как подчиненная политическим целям интерпретация исторического процесса. Это явление универсальное, повсеместное и собственно никогда «исторической политикой» не называвшееся. «Историческая политика» в понимании ПИС нечто иное. Цель партии состоит в том, чтобы монополизировать историческую память народа, сделать ее партийной. Однако в настоящее время это, во-первых, нереально, а во-вторых, политически опасно. Ощущение этой политической опасности и порождает критику подобной политики ПИС как внутри Польши, так и за ее пределами. Вместе с тем следует подчеркнуть, что историки, принадлежащие к этому направлению, например *А. Новак* и другие, как специалисты-исследователи заслуживают полного доверия и уважения, это люди с открытым к дискуссии и к восприятию чужого мнения мышлением, на общественном поприще они выступают как современные ориентированные на гуманистические цели динамичные политики.

Следующий рассмотренный на конференции проблемный комплекс был посвящен конкретно-историческим исследованиям эпохи Польского восстания 1863–1864 гг. Периоду 1860–1870 гг. были посвящены доклады *Б.В. Носова*, *С.М. Фалькович* и *А.П. Шевырева*. Их общей чертой стал тезис о тесной связи истории России и Польши эпохи великих реформ. По мнению *Б.В. Носова*, главным мотивом вооруженного выступления польской шляхты было ее решительное противодействие любым переменам помимо ее воли, тем более вводимых по постановлению российского правительства. Отмена крепостного права в России с условием наделения крестьян землей стала непосредственным толчком к восстанию в Польше. Таким образом, кризис в России и кризис в Царстве Польском представлял собой единое целое, а его проявления не могут рассматриваться изолированно. Докладчик высказал мысль, что радикальное повстанческое направление было относительно немногочисленным и ни коим образом было бы не в силах реализовать планы подготовки восстания без сочувствия, без материального и личного участия широких кругов шляхты, обладавших материальными и людскими ресурсами и составлявших, скорее, социальную базу «белых», нежели «красных». Только на этой основе могла бы реализоваться программа дворянской революционности, заложенная в основе повстанческих планов и замыслов. *С.М. Фалькович* отметила, что концепция «русского социализма» *А.И. Герцена* и другие

«утопические» теории русских революционеров-демократов не пользовались поддержкой и не имели аналогов в польской повстанческой среде накануне и в период восстания, за исключением поляков, участвовавших непосредственно в российских революционных организациях. Идеи, политические и личные связи и контакты польских и русских революционеров не сопровождались каким-либо организационным объединением. О связях политических и реформаторских процессов в России и в Царстве Польском говорил и *А.П. Шевырев*, обратившись к вопросу о роли Польши в стратегии и тактике российской либеральной бюрократии в 1860-е годы. По его словам, отъезд великого князя Константина Николаевича был связан с его далеко идущими планами «сыграть роль вице-короля» и «найти согласие с просвещенной польской аристократией». Царство Польское, в частности и в силу польских конституционных традиций, представлялось ему удобным полем для либеральных реформ. Таким образом, в представлении одной из наиболее влиятельных группировок чиновничьей элиты России, Царство Польское представляло собой отнюдь не просто мятежную окраину империи, а один из наиболее важных субъектов общегосударственной политики России.

Важное место на конференции принадлежало анализу политических, общественных и культурных связей России и Польши в XIX в. в целом. Доклад *К.С. Чернова* (Москва) был посвящен традициям русского и польского конституционализма первой половины XIX в. В ходе дискуссии сформировалось мнение об общем векторе модернизации общественных структур и в России, и в Польше, при всем различии политической культуры в обеих странах. При этом и докладчик, и выступавшие в ходе обсуждения согласились, что исторически определенные различия в политической культуре дворянства послужили одной из причин, приведших к польскому восстанию. Анализ вопросов историко-правового характера был продолжен в докладе *И.В. Ружицкой* (Москва) «Правовая реформа в Царстве Польском и восстание 1863 г.: крушение замысла». По мнению докладчицы, задуманная реформа оказалась неосуществимой из-за несовместимости систем русского и польского права, из-за желания властей Польши сохранить особый статус администрации Царства по отношению к центральным властям в Петербурге, наконец, из-за сопротивления польской шляхты. В итоге возникшие правовые коллизии усугубили кризисные тенденции и внесли свою лепту в созревание будущего восстания.

Отмеченные вопросы получили дальнейшее рассмотрение в докладе *Л.П. Марней* (Москва) «Проблемы финансовой автономии Царства Польского и Январское восстание 1863 г.». По ее словам, подавление восстания 1830–1831 гг. привело к утрате относительно независимыми финансовыми институтами Царства своих былых привилегий. Попытка Александра II соблюсти баланс интересов, предпринятая в контексте общеимперского реформаторского процесса, не удалась. Российские реформаторы 1860–1870-х годов, констатируя Л.П. Марней, не обратили должного внимания на существовавший в Царстве Польском эффективный контроль за простой и недорогой системой составления и исполнения бюджета. Связь между потерей финансовой самостоятельности Царства Польского и восстанием 1863 г., по словам докладчицы, на первый взгляд не столь очевидна. Экономические, в том числе и финансовые, причины редко когда являются доминирующими во времена вооруженных выступлений, главная цель которых – национальная независимость. Однако финансовые проекты повстанческого Национального правительства, позволяют говорить о том, что введение национальной подати, организация частных и национальных займов, проекты выпуска национальной монеты должны были не только обеспечить потребности вооруженного восстания, но и являлись необходимым атрибутом независимости, которую с оружием в руках пытались завоевать участники событий 1863 и 1864 гг.

Особое место среди докладов, посвященных полувековому периоду после восстания 1863 г. принадлежит докладу *И. Шиллер-Валицкой* (Варшава), о влиянии Январского восстания на состояние университетского образования в Царстве Польском. Политика царских властей, после подавления Январского восстания, направленная на «русификацию» Польши как на способ преодоления угрозы восстаний в будущем, выражалась в

разнообразных мерах и встречала разные формы сопротивления со стороны польского общества. Перед лицом угрозы закрытия Варшавского университета и в виду политики царских властей и Министерства народного просвещения в Петербурге, направленной на превращение его в «русский университет», польское университетское сообщество должно было выработать способы противодействия подобным мерам, чтобы сохранить польское университетское образование в Царстве Польском. Проводниками политики имперских властей в университете были работавшие там профессора, исповедовавшие панславистские воззрения. Официальная линия русских панславистов в отношении Польши основывалась на утверждении о «существовании в поляках двух душ – славянской и латинской» (католической). Наличие «славянской души» делало идеологически допустимой сотрудничество с поляками, особенно в условиях нарастания российско-германских противоречий. Это порождало и ответную реакцию – русофильские настроения в польском обществе и, особенно, в среде польской интеллигенции. Они получили широкое распространение во время Славянского съезда. Отмеченные тенденции нашли отражение в научно-педагогической концепции Варшавского университета, существенно повлияв на нее. Идея славянской взаимности позволила сохранить университет как центр польского образования и культуры, способствовала ее развитию, благодаря взаимодействию с российской культурой. В связи с этим в польских университетских кругах возникла даже идея создания в Варшаве общеславянского университета. Последний тезис докладчицы получил существенное развитие в дискуссии, в которой отмечалось, что в этом нашло выражение не только стремление польских интеллектуальных элит, опираясь на неославистские воззрения, развивать систему университетского образования в Польше, но и их желание утвердить собственное влияние и интеллектуальное лидерство в странах Центральной и Восточной Европы, по отношению к которым Польша должна была бы выступить в качестве объединительного центра. Эта концепция, зародившись еще на исходе XIX в., оказалась востребована в 1920–1930-е годы и приобретает все большее значение в наши дни.

Доклад И. Шиллер-Валицкой открыл, таким образом, еще один проблемный комплекс, посвященный вопросам бытования и взаимодействия в России и Польше идеологии славянской взаимности (в среде панславистов, славянофилов и неославистов). К этому же комплексу примыкали и проблемы восприятия «польского вопроса» в зарубежных славянских странах и народами Центральной и Юго-Восточной Европы. Доклады по названным проблемам были сделаны *Ч.Б. Желицки* (Москва), *Л.А. Кирилиной* (Москва), *И.В. Чуркиной* (Москва). В упомянутых докладах и в дискуссии была проанализирована роль Польского восстания 1863–1864 гг. в развитии революционного и национально-освободительного движения в Европе, в котором польским революционерам и представителям зарубежной польской эмиграции принадлежала исключительно важная роль. «Польский вопрос» и уроки восстания 1863 г. имели также немаловажное значение для выработки стратегии и тактики зарубежных славян в борьбе за решение своих национальных проблем.

Еще один важный проблемный комплекс, ставший предметом рассмотрения на конференции, был посвящен научному сотрудничеству российских и польских ученых, связанному с историей восстания 1863–1864 гг. На научном поприще уникальный феномен представляли собой поляки, участники восстания – исследователи Сибири. Им был посвящен доклад *З. Вуйцика* (Варшава). Большинство из них не сражались непосредственно в рядах повстанцев с оружием в руках. В сибирской ссылке они оказались по обвинению «в сочувствии» или «в косвенной причастности к бунту». Однако именно там сформировались их судьбы как ученых, а многие из них вернулись после отбытия наказания в Сибирь добровольно. Имена этих людей широко известны в российской и польской науке.

И все же центральное место на нынешней конференции было посвящено объединившим свои усилия в 1950–1970-е годы людям российской и польской науки – исследователям и публикаторам исторических источников восстания 1863 г. Им были посвящены

доклады *Я. Шумского* (Варшава), *Л. Заштовта* (Варшава), *З. Ромека*, *Л.Е. Горизонтова*. Я. Шумский посвятил доклад роли ЦК КПСС в организации сотрудничества советских и польских историков в конце 1940-х – в начале 1960-х годов, в первую очередь в области изучения Январского восстания. Докладчик указал на ряд проявлений всестороннего идеологического и политического контроля над исторической наукой. Вместе с тем он сочетался с объективными потребностями развития исторического знания. Так, по мнению советских партийных руководителей, наиболее приоритетными темами сотрудничества могли бы быть Первая российская революция 1905–1907 гг. или сравнительный анализ опыта социалистического строительства в СССР и ПНР. Однако, принимая во внимание аргументы ученых, ЦК КПСС поддержал программу исследований и публикаций по истории восстания, причем эта поддержка прошла несколько этапов: от простого «отмечания столетия» – к долговременной программе фундаментального сотрудничества. Решающую роль в этом решении сыграла позиция историков Т. Мантойфея, С. Кеневича, П.Н. Третьякова, И.А. Хренова, И.С. Миллера, В.А. Дьякова. Особо остановился Шумский на приезде в 1956 г. в Польшу делегации советских историков. Этот визит был непосредственно связан с переоценкой официальных концепций исторической науки в ПНР и СССР после XX съезда КПСС и в условиях кризиса 1956 г. в Польше. Примечательно, что и в этом случае партийное руководство прислушалось к мнению ученых. Разумеется, официальная концепция осталась в рамках «марксистско-ленинских» канонов, однако в своем существенном основании она носила строго научный характер. Главное же состояло в том, что совместная работа историков СССР и ПНР над фундаментальной публикацией документов по истории восстания 1863 г. была закреплена в соглашении между Институтом славяноведения АН СССР и Институтом истории ПАН. Примечательно, что именно во время вышеупомянутого визита историками была высказана мысль об образовании комиссии историков двух стран, реализованная, правда, спустя девять лет, в 1965 г. Тема роли выдающихся российских и польских ученых в развитии сотрудничества в изучении Польского восстания, их творческого пути и судьбы в науке получила развитие в докладе *Л. Заштовта* (Варшава), посвященном Давиду Файнхаузу. В межвоенный период он учился и работал в Вильно, после Второй мировой войны в советской Литве был одним из виднейших знатоков литовских архивов польского происхождения, архивов, отразивших не только историю Литвы, но и Белоруссии и Украины. До Файнхауза, отметил Л. Заштовт, проблема восстания 1863 г. в Литве изучалась главным образом на основе воспоминаний современников и краеведческой литературы. Он же впервые ввел в научный оборот ценнейший архивный материал. В концепции Файнхауза восстание 1863 г. носило общенародный характер. Согласно его воззрениям, распространение среди нешляхетского населения польской культуры способствовало становлению литовской и белорусской наций. Само же Январское восстание, по его мнению, стало могилой шляхетской Речи Посполитой. В этом воззрения Файнхауза сблизились с точкой зрения Ипполита Грынвассера. Судьба самого Файнхауза сложилась достаточно непросто. В Литве по его адресу раздавались упреки в «польском национализме», из-за чего он был вынужден покинуть родину и переселиться в Польшу. События 1968 г. в ПНР и антисемитские настроения стали причиной новой эмиграции и переезда в США, где Файнхаус провел последние годы жизни. До последних дней он публиковал работы по истории Литвы, будучи в собственных глазах и во мнении коллег одним из «старолитвинов».

Подводя итоги работы конференции в ходе общей дискуссии, Л. Заштовт и Б.В. Носов отметили, что заслушанные доклады и развернувшаяся дискуссия проходили в творческой, доброжелательной, товарищеской атмосфере, характерной для работы Комиссии историков России и Польши. Они подчеркнули, что исследование проблем истории восстания 1863 г. позволило рассмотреть принципиальные вопросы истории России и Польши XIX в., запечатленные в исторической памяти народов и ставшие предметом научного анализа в исторической науке.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
И КОНФЛИКТЫ НА КОНФЕССИОНАЛЬНО И ЭТНИЧЕСКИ СМЕШАННЫХ
ТЕРРИТОРИЯХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ, 1517–1918 ГОДЫ»

6–7 июня 2013 г. в Москве в рамках празднования 1150-летия славянской письменности прошла международная конференция «Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы, 1517–1918 гг.», организованная Институтом славяноведения РАН, Культурным, научным и информационным центром Венгрии в Москве и Католическим университетом им. П. Пазманы (Венгрия) при поддержке Центра гуманитарных наук ВАН. Историки из России, Венгрии, Словакии рассказали о методологических подходах, разработках, достижениях в изучении опыта сосуществования различных этносов и конфессий в рамках административных единиц, государств и региона в целом между началом лютеровской Реформации и окончанием Первой мировой войны. Особое внимание было уделено последствиям разделения этносов по религиозному принципу, социокультурным аспектам принадлежности к официальной, запрещенной или терпимой конфессии, проблеме использования конфессиональных различий властными институтами, границам применимости теории конфессионализации к Центральной и Восточной Европе.

Для венгерской делегации конференция началась 5 июня, когда директор Архивного института Венгрии в Москве *А. Шереш* пригласил гостей для неформальной беседы о задачах возглавляемого им института и текущих проектах публикации документов из российских архивов, относящихся к истории Венгрии. Официальное открытие состоялось 6 июня. С приветствиями к участникам и гостям обратились чрезвычайный и полномочный посол Венгерской республики в Российской Федерации *И. Ийдярто*, директор Института славяноведения РАН *К.В. Никуфоров*, директор Культурного, научного и информационно-го центра Венгрии в Москве *А. Барани*.

Первая секция конференции называлась «Эпоха Реформации и Контрреформации». *С. Варга* (Печский ин-т теологии) в докладе «Попытки обновления в венгерской католической церкви в первой половине XVI в.» показал, какой урон по позициям Ватикана в Венгрии нанесла Реформация и что было предпринято, дабы противостоять натиску новых учений. По мнению докладчика, ослабление господствующей церкви происходило медленнее, чем принято считать, и к Тридентскому собору клир располагал кадровыми ресурсами для начала процессов обновления, которые в полной мере проявятся позднее. *Н.В. Синицына* (ИРИ РАН) в докладе «“Renovatio imperii Romanorum” и концепт “Третьего Рима”» сопоставила государственно-правовую теорию о природе власти в Священной Римской империи с сочинением старца Филофея, который – устанавливая генетическую связь Московского государства с древнеримской и византийской империями – вписывал его в общий цивилизационный процесс. *В.И. Петрушко* (Православный Свято-Тихоновский ун-т) в докладе «Епископ Львовский Гедеон (Балобан) и подготовка Брестской унии 1596 г.» воссоздал ход борьбы за власть между православным духовенством, религиозными братствами и светскими феодалами в Речи Посполитой конца XVI в. Он предположил, что на решение Гедеона перейти в стан противников унии повлияло активное сотрудничество с униатским лагерем его главного противника – митрополита Михаила Рагозы.

В двух докладах было рассмотрено соотношение этнического и конфессионального факторов на длительных временных отрезках в истории национальных культур. *Г.П. Мельников* (ИСЛ РАН) в докладе «Динамика поликонфессиональной модели Чешского государства в раннее Новое время» показал, как в последние десятилетия изменились оценки «чешской аномалии» – периода между гуситским движением XIV в. и торжеством католицизма после поражения при Белой горе (1620). Отказавшись от многих однобоких стереотипов, уходящих корнями в XIX в., современные чешские историки находят

положительные черты у основанной на принципе толерантности поликонфессиональной модели второй половины XVII в. и в триумфе барочного католицизма во второй половине столетия. *О.А. Акимова* (ИСл РАН) в докладе «Этно-конфессиональные сюжеты хорватской и далматинской литературы раннего Нового времени» отметила, что исторические сюжеты в художественных произведениях отражали особенности восприятия настоящего, несли печать тоски по утерянному внутреннему языковому, этническому, политическому единству хорватов. *И.А. Запольский* (ИСл РАН) в докладе «Антиавстрийское восстание 1601 г. в г. Сень. Ускокский вопрос» на конкретном примере конфликта между воинским союзом ускоков и габсбургским советником Й. Рабаттой, жестоко расправившимся с непокорными вождами этой субэтнической группы, рассмотрел проблему использования вооруженных формирований с ярко выраженным чувством этнической и конфессиональной общности в интересах государства.

В двух докладах речь шла о протестантах Венгерского королевства. *Т.П. Гусарова* (МГУ им. М.В. Ломоносова) в докладе «Родина или вера: конфликт на Государственном собрании 1662 г. и его отражение в “Меморандуме” Дёрдя Берени» охарактеризовала поиск путей выхода из политического кризиса середины столетия, когда венгерским условиям пришлось делать непростой выбор: потребовать прекращения преследований протестантов или выведения из страны императорских войск. В «Меморандуме» приводились аргументы за и против той или иной стратегии. О том, как судебное преследование немногочисленной группы иноверцев стало предметом дипломатического давления на католических Габсбургов со стороны протестантских держав Европы, говорилось в докладе «Вынужденная эмиграция из Венгрии по причине вероисповедания в XVII в.» *Э. Ковальской* (Ин-т истории Словацкой АН). Вене пришлось пойти на «уступки», что выразилось в выдворении в 1676 г. нескольких сотен подданных из страны.

Тематический блок докладов был посвящен проблемам формирования этнического самосознания у предков современных украинцев и белорусов и русско-польским отношениям в раннее Новое время. *М.В. Дмитриев* (МГУ им. М.В. Ломоносова) в докладе «“Конфессиональное” и “национальное” в религиозном кризисе на Украине в XVI – начале XVII в.» отметил, что формирование протонациональных представлений (если пользоваться анахроничными терминами) у украинцев и белорусов проходило не так, как в «латинском» мире. Перспективным направлением могло бы стать систематическое изучение контекстов употребления терминов, описывающих этничность. *Б.Н. Флоря* (ИСл РАН) в докладе «Представления разных слоев украинского казачества о том, кто принадлежит к “русскому народу” в Речи Посполитой (первая половина XVII в.)» исследовал суть конфликта между верхушкой («реестровыми казаками») и низшими слоями казачества. Последние обвиняли своих более зажиточных товарищей в том, что те стали похожи на «ляхов» и даже признали унию. Если первое было в известной мере справедливо и говорило о политическом альянсе с польским дворянством, то второе не соответствовало истине и выдвигалось скорее в знак нежелания иметь с «предателями» ничего общего. *Д.Ю. Степанов* (МГУ им. М.В. Ломоносова) в докладе «Протонациональные проекты в среде украинской интеллектуальной и политической элиты в середине – второй половине XVII в.» показал возможности конструктивистского метода для реконструкции ранних форм этнического самосознания. По его мнению, в результате конкуренции казачьей старшины и духовенства победило последнее, поскольку располагало более солидным интеллектуальным ресурсом. *К.А. Кочегаров* (ИСл РАН) в докладе «Обращения к России православных Речи Посполитой в последней четверти XVII в. и русско-польские дипломатические отношения» отметил, что поначалу русская дипломатия проявляла пассивность в защите свободы вероисповедания православного населения на отошедших в 1678 г. к Речи Посполитой территориях, но под воздействием настоячивых просьб духовенства смогла существенно улучшить ситуацию. Завершил работу секции доклад *В.Н. Румянцева* (ИРИ РАН) «Патриарх Никон и проблема церковного землевладения», которая увидела одну из причин отдаления Никона от царя в неприятии передачи церковного имущества под светское управление дьяков Монастырского приказа.

Второй день конференции начался с работы секции «Эпоха Просвещения», посвященной XVIII столетию. *С.С. Лукашова* (ИСл РАН) в докладе «1708 год в истории Львовского Успенского братства: упадок, капитуляция, начало пути» реконструировала возможные причины, по которым братство могло принять решение о переходе в унию. По мнению историка, главную роль сыграло прагматическое стремление братства к самосохранению в нестабильных, сопровождавшихся контрибуциями и грабежами условиях военных действий. *Т.А. Белякова* (Ин-т всеобщей истории РАН) в докладе «Правовой статус сербов Австрийской империи (1690–1803)» показала важность урегулирования правового статуса сербов во владениях Габсбургского дома как первого шага Вены, направленного на церковно-административное объединение всех православных народов Дунайского бассейна. Она также подчеркнула необходимость дальнейшего изучения конфессиональной политики империй, направленной на усиление религии как фактора этноидентификации народа. *З. Гёжи* (Пещский ун-т) в докладе «Место епископата в Венгрии XVIII в.» воссоздал эволюцию взаимоотношений верхушки католического клира с центральной властью. Долгое время она выполняла те же функции, что и главы светской администрации, служа опорой и проводником политики Вены, однако по мере усиления централизаторских тенденций государство стало все активнее вмешиваться в назначение иерархов, сужать сферу их компетенции, ставить на службу своим интересам низшее звено клира – приходских священников. *О.В. Хаванова* (ИСл РАН) в докладе «Формы вознаграждения за обращение в католичество в монархии Габсбургов в XVIII в.» отметила, что политика «мягкой рекатолизации», т.е. вознаграждение за смену веры в форме титулов, должностей и иных немонетарных инструментов, пользовалась такой популярностью у подданных, что аргумент о переходе в «истинную» веру звучал длительное время после отказа властей от этой политики. *А. Форго* (Католический ун-т им. П. Пазманы) в докладе «Конфессии в Венгрии в эпоху йозефинизма (1780–1790) на примере полемической литературы 80-х годов XVIII в. рассмотрел отношение (от похвал до порицания) авторов различных политических убеждений к декрету Иосифа II о веротерпимости (1781). Используя образное выражение Л. Боди «оттепель», относившееся к ослаблению цензуры, Форго распространил его на религиозную политику императора: декрет стал «верстовым столбом» на долгом пути к свободе вероисповедания. Логической связью с последующей секцией оказался доклад *Д. Янки* (Свято-Афанасьевский греко-католический богословский ин-т) «Эмансипационное движение в среде венгерских униатов с конца XVIII до начала XX в.», который продемонстрировал неодновременность и в то же время органическую взаимосвязанность таких процессов, как формирование – на фоне «пробуждения» соседних этносов (румын, русинов) – национального самосознания у венгерских униатов и обретение ими накануне распада Австро-Венгрии собственного, венгерского, епископата.

Работу конференции завершила секция «Эпоха национальных движений». *А.З. Палн* (Ин-т национальных меньшинств Центра общественных наук ВАН) в докладе «Демографическая панорама Дунайского бассейна на рубеже XIX–XX вв.» обратился к истокам науки о народонаселении в Венгрии конца XVIII в., показал, как методика сбора и обработки данных в XIX в. влияла на их интерпретацию, в первую очередь на истолкование «национальной принадлежности», при определении которой учитывали родной язык, этническую самоидентификацию и вероисповедание. Ряд докладов был посвящен истории русин в Австро-Венгрии. *Ч. Фединец* (Ин-т национальных меньшинств Центра общественных наук ВАН) в докладе «Русинская и украинская общественная мысль по обеим сторонам Карпат в эпоху дуализма» сравнила социальную базу национальных движений у двух народов, особенности политического устройства Двуетной монархии и Российской империи, различия в программных заявлениях национальных лидеров, показала, что образование русинской народности стало процессом многовекового развития этноса в специфических условиях Венгерского королевства. В трех докладах рассматривалась религиозная ситуация в среде исповедовавших униатство русинов. *М.Ю. Дронов* (ИСл РАН) в докладе «Угорские русины как объект русской православной миссии в Северной Америке (конец XIX – начало XX в.)» обратился к истории угорских русинов, на рубеже

веков выехавших в Северную Америку. Контакты тамошнего русского духовенства с греко-католиками из Старого Света оказали самое непосредственное влияние на конфессиональную ситуацию в Карпатском регионе и развитие движения за переход в православие среди русинского населения Венгерского королевства. А. Гёнци (Печский ун-т) в докладе «Схизма среди православных русинов в начале XX в.» отметила, что обращение в православие стало ответом населения беднейшего региона королевства на нищенские условия существования. Власти, несмотря на закон 1868 г. о свободе вероисповедания, при молчаливом согласии католического и униатского клира сделали все, чтобы аннулировать акты обращения и в 1904 г. привлечь «вероотступников» к уголовной ответственности. Тема получила развитие в докладе М.Э. Клоповой (ИСЛ РАН) «Этно-конфессиональные аспекты Марамарош-Сигетского процесса 1913 г.: взгляд из России». Десять лет спустя сходное судебное разбирательство вышло еще и на межгосударственный уровень, существенно охладив и без того напряженные отношения между Австро-Венгрией и Россией подозрениями в антигосударственной пропаганде русских эмиссаров. Опасение, что в случае войны противник сможет мобилизовать симпатизирующие ему этнические группы по другую сторону границы, вынудили российских сторонников восточнославянского единства действовать осторожнее.

Доклады сопровождалась активными дискуссиями, большой интерес слушателей вызвала проблема католического обновления как ответа на Реформацию и реконструкция этно-конфессионального самосознания восточного славянства в раннее Новое время. В заключение участники конференции отметили, что знакомство с многообразием проблематики и исследовательских подходов в других странах обогатит понимание их собственной национальной проблематики.

© 2014 г. О.В. Хаванова

Славяноведение, № 5

БЕЛОРУССИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

27–29 апреля 2012 г. и 2–4 июля 2013 г. гродненские историки провели три международные научные конференции «Восточнославянский мир Великого княжества Литовского (ВКЛ) и его культурное наследие в исторической памяти и историографической рефлексии народов Восточной Европы (XIX – начало XXI в.)», «Белоруссия – Россия – Украина: диалог народов и культур (проблема исторических и культурных взаимоотношений народов соседей в исторической памяти восточнославянского мира)» и «Белоруссия – Литва – Польша: диалог народов и культур (проблемы изучения и использования культурного наследия ВКЛ и белорусско-литовского-польского пограничья в международном культурном сотрудничестве народов-соседей)». Обсуждался многогранный мир культурного наследия ВКЛ, особенно белорусско-литовско-польского приграничья. Отдельно рассматривалась тематика, метафорически означенная как «Исчезнувшая Атлантида» – наследие еврейской культуры ВКЛ и Белоруссии.

На основе текстов докладов участников конференции в 2013 г. был издан мемориальный сборник научных статей, посвященных выдающимся историкам – исследователям восточнославянского мира: М.К. Любавскому, А.А. Зимину, И.В. Оржеховскому, Я.Д. Исаевичу.

Анализу подверглись формы отражения белорусско-российско-украинских отношений в период Средневековья и Нового времени в общественном сознании и исторической памяти народов современной Белоруссии, России и Украины. Отмечалось, что уже с XVI в. обострилась проблема исторического выбора и цивилизационного развития тех восточнославянских народов (белорусов и украинцев), которые в силу исторических обстоятельств

находились в составе ВКЛ. Дальнейший исторический путь развития Белоруссии теснейшим образом связан с российской цивилизацией.

Отношения между белорусскими и украинскими землями ВКЛ, до включения их в состав Российской империи, развивались далеко не безоблачно. Экономические и культурные связи между братскими народами нередко прерывались периодами острых трагических военно-политических конфликтов. В рамках Российской империи (особенно со второй половины XIX в.) и в советский период истории белорусское и украинское общества и их культуры прочно входили в орбиту воздействия российского геополитического и социо-культурного «поля». Российский фактор, столь значимый в истории белорусского и украинского этносов и их культур, не мог не присутствовать в философско-исторических трудах, религиозной мысли, общественно-политической публицике, исторических работах белорусских, российских, украинских авторов. Этот фактор привлекал особо пристальное внимание носителей белорусской и украинской общественной мысли к России, особенно в кризисные периоды, когда происходили радикальные преобразования социально-экономических, политических структур российского, белорусского и украинского обществ. В центре проблемы лежало стремление белорусской, российской и украинской интеллектуальной элиты XVI – начала XXI в. понять характер взаимодействия Белоруссии и Украины с российской цивилизацией, выработать оптимальную формулу приобщения к восточнославянским христианским (преимущественно православным) ценностям при сохранении своей этнической и социокультурной индивидуальности.

Изложенные результаты исследования поставленной проблемы методом «мозгового штурма», по мнению организаторов конференции, важны не только для изучения развития белорусской, российской и украинской общественной, исторической мысли, но необходимы для понимания сути общественных дискуссий по проблемам интеграции Белоруссии, России и Украины на современном этапе их развития. Историографический анализ позволил выявить позитивное ядро в различных концепциях и направлениях исторической мысли восточнославянских народов, пытавшейся осмыслить богатейший опыт общения с Россией в определении перспектив дальнейшего сосуществования трех этнически и культурно близких восточнославянских этносов.

Определение степени воздействия «российского фактора» на общественное сознание Белоруссии и Украины и белорусско-украинского факторов в формирование культурных традиций России, характера этого воздействия и тех социокультурных и политических последствий, которые влияют на выбор исторического пути Белоруссии, Украины, России в будущем – одна из актуальнейших задач исторической культурологии всех трех стран, отмечалось на конференции.

Поэтому столь важно и дальнейшее исследование социокультурных закономерностей и специфики формирования «образа ВКЛ» в общественной, исторической мысли Белоруссии и Украины, в белорусской и украинской историографиях XIX – начала XX в., а также аналогичное явление – образ Белоруссии и Украины в общественной и исторической мысли России.

Участники всех трех конференций подчеркнули настоятельную необходимость решения следующих задач: исследовать информационные возможности источников по указанной проблеме (их количество, специфику жанра, характер представительности и достоверности, проблемы видовой классификации); определить специфику воздействия «факторов ВКЛ» на общественное сознание, историческую мысль и историческую науку Белоруссии и Украины, в рамках XIX – начала XX в.; определить степень и каналы воздействия российского фактора на общественно-историческую мысль, белорусскую и украинскую историографию ВКЛ; создать итоговый качественный информационный продукт по материалам конференций с целью его дальнейшего использования в учреждении Министерства культуры, образования и в сфере управления национально-культурными процессами Белоруссии, России, Украины (музеи, библиотеки, вузы, академические учреждения исторического профиля).

Это будет способствовать выработке сбалансированной национально-культурной политики в сфере белорусско-российско-украинских отношений, ориентированной на создание климата толерантности в межкультурном диалоге братских восточнославянских народов, укрепления интеграционных тенденций сохранения совместного культурного наследия.

На конференции 2012 г. были представлены доклады и сообщения ученых из пяти стран Восточной Европы: Белоруссии (БГУ, ГрГУ им. Я. Купалы, БрГУ им. А.С. Пушкина, МГУ им. А.С. Кулешова, РИВШ БГУ, Институт истории НАН РБ, Национальный исторический архив РБ), Литвы (Вильнюсский ун-т), Польши (Белостокский ун-т), России (БГУ им. Петровского, РГГУ, Института славяноведения РАН), Украины (Национальная библиотека им. В.И. Вернадского, Национальный горный ун-т г. Днепропетровска, Институт истории Украины, КНУ им. Т.Г. Шевченко, ЧНУ им. Б. Хмельницкого). В основном доклады касались двух проблем: история восточнославянских народов ВКЛ в восточноевропейской историографии XIX – начала XX в.; роль православной церкви в формировании этнополитического и исторического сознания восточнославянских народов ВКЛ, Белоруссии, России и Украины, а также затрагивались проблемы белорусско-российско-украинских взаимоотношений в историографии восточнославянских народов XVI – начала XX в.

В работе конференции 2013 г. приняли участие 38 человек из пяти стран Восточной Европы: Белоруссии (БГУ, ГрГУ им. Я. Купалы, БрГУ им. А.С. Пушкина, МГУ им. А.С. Кулешова, РИВШ БГУ, Институт истории НАН РБ, Национальный исторический архив РБ, БГУКИ, Гродненская областная научная библиотека им. Е.Ф. Карского), Литвы (Каунасский ун-т им. Витовта Великого, Вильнюсский ун-т им. М. Роммера), Польши (Белостокский ун-т, Люблинский ун-т им. М. Складовской-Кюри), России (БГУ им. Петровского), Украины (Национальная библиотека им. В.И. Вернадского, Национальный горный ун-т г. Днепропетровска).

Проблемное поле конференции определялось не только необходимостью историко-культурологического изучения наследия народов-соседей, но и использования его для успешного развития социально-культурной сферы белорусско-литовско-польского пограничья (работы органов управления культуры, музеев, библиотек, архивов, научных и образовательных учреждений, СМИ, историко-познавательного туризма).

В рамках конференции состоялось обсуждение мемориальных аспектов культуры («культура памяти») и концептуальных подходов и особенностей научно-методического и информационного обеспечения деятельности органов управления культуры в области изучения, охраны и трансляции историко-культурного наследия пограничья; межкультурных коммуникаций и стратегии партнерства в социокультурной сфере с целью формирования устойчивых «мостов культуры» и эффективного развития приграничного сотрудничества; направления развития информационных и маркетинговых технологий и информационных ресурсов культуры («электронная культура», «виртуальные архивы и коллекции», книжные собрания); особенности воздействия историко-культурных традиций ВКЛ и еврейского культурного наследия на формирование национально-культурного развития народов белорусско-литовско-польского пограничья.

Научная актуальность и практическая значимость проекта обусловлена тем, что в настоящее время в Республике Беларусь отсутствует основательная традиция как комплексного изучения совместного культурного наследия нашего народа и ближайших соседей (Литва, Польша), так и традиции изучения культурного наследия еврейского населения Белоруссии. Это ослабляет не только исследовательские, но и управленческие возможности в прогнозировании процессов социокультурного сотрудничества указанных народов в ближайшей и среднесрочной исторической перспективе.

Наличие такой информации особенно актуально в условиях приграничного региона, расположенного не только на стыке внешних границ государства, но на стыке цивилизационного пограничья, которым является субрегион «Неман». Для стран-партнеров (Белоруссии, Литвы, Польши, Израиля) чрезвычайно важно выработать научно обоснованную, сбалансированную, корректную политику в такой деликатной сфере, как национально-культурные отношения.

Участники конференции приняли решение о необходимости разработать механизм взаимодействия учреждения культур образования и науки региона, общественных фондов и организаций в сфере изучения охраны и популяризации историко-культурного наследия белорусско-литовско-польского пограничья (на 2014–2020 гг.); систематически организовывать научные и научно-практические конференции, общественные дискуссии, «круглые столы», пресс-конференции по актуальным проблемам изучения, охраны и использования историко-культурного наследия Западнобелорусского региона (2014–2020); сформировать систему эффективного сотрудничества между религиозными конфессиями, общественными национально-культурными объединениями Белоруссии, учреждениями культуры, высшего образования и науки по вопросам совместной охраны и изучения историко-культурного наследия Гродненщины и Белоруссии в целом (2014–2020); создать региональный реестр по Гродненской области утраченных и перемещенных историко-культурных ценностей и др.

Предложения о намеченных перспективах будущей работы по изучению и сохранению культурного наследия были переданы в Гродненский облисполком. На основе материалов конференции готовится к печати сборник научных статей, который, надеемся, будет полезен не только историкам и культурологам, но и специалистам-управленцам в сфере культуры, науки и образования.

© 2014 г. *Д.В. Карев*

К ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЮ ВЛАДИМИРА ПАВЛОВИЧА ГУДКОВА

Список трудов В.П. Гудкова не столь объемён, статьи обычно лаконичны (Владимир Павлович, любитель краткого жанра, часто сам называет их заметками). Но написанные глубоким знатоком сербского, хорватского и русского языков все они содержат открытия языковых или исторических фактов. Пытливость и особая тщательность анализа – главные черты его исследовательской личности. Считая единственным научным объектом изучения в языке его осязаемую форму, Владимир Павлович, по его собственному выражению, всю жизнь препарировал тексты, в результате чего его выводы всегда идеально обоснованы.

О тематике своих научных пристрастий он сам говорил так: «Есть несколько тем особенно привлекательных для меня: это история литературного языка у сербов в XVIII–XX вв., современная лексикография, морфология сербохорватского языка, история славянской филологии». Впоследствии к этому списку он еще добавил изучение сербско-хорватских дивергенций.

Под влиянием С.Б. Бернштейна, в годы учения в университете, В.П. Гудкову представлялась «желанной перспектива занятий историей языка». Он вспоминает, что «в аспирантуре по собственной инициативе проштудировал несколько книг по палеографии, читывал средневековые сербские рукописи в Ленинке, а во время пребывания в Белграде слушал лекции известного знатока южнославянских рукописей Владимира Алексеевича Мошина». Его реферат к кандидатскому экзамену был посвящен вопросу образования одной видовой основы в древнерусском языке и был рекомендован Бернштейном к публикации в журнале «Вопросы языкознания».

Проводя много времени в Горьковке и Ленинке и обнаружив там сербские издания XVIII и начала XIX в., Владимир Павлович решил описать их, сопоставляя с русскими первоисточниками, на которых как правило основывалась сербская печатная продукция того времени, а язык этих книг, и в первую очередь лексику, – с русским языком, с целью уточнения роли русского языка и шире русской традиции в сербской культуре того времени. Зачастую в сербских исследованиях влияние русского языка и литературы XVIII в. на сербскую традицию оценивались обобщенно и поверхностно с искажением реальности. Первой книгой, которую описал Владимир Павлович, был немецко-сербский и славяно-сербско-немецкий словарь, изданный в 1791 г. в Вене и являющийся переработкой немецко-русского и русско-немецкого словаря Якова Родде. Всего в 70-е – начале 80-х годов XX в. Владимир Павлович опубликовал 20 статей по книжности и языку этого периода, на которые помещено более десятка ссылок в одном из томов фундаментального издания «История сербского народа» и в монографии Павла Ивича – главном обобщающем труде по истории сербского языка. В 1993 г. вышла в свет монография В.П. Гудкова «Сербская лексикография XVIII века», которая представляет собой полное описание сербской довуковской лексикографии, в ней содержится много новых для сербской науки сведений по истории графики и орфографии, лексики и диалектологии данного периода, а также изложена оригинальная концепция славяносербского языка, т.е. сербского книжного языка XVIII – начала XIX в., во многом уточняющая и дополняющая сербскую. Словари автор рассматривает как тексты славяносербской книжности – результат совмещения в

сербской части словника живой речи и русских и церковнославянских напластований. Дается диалектологическая, фонетическая, семантическая характеристика сербского слоя, но наибольшее значение автор придает характеристике русского и церковнославянского пласта, который в сербской лингвистике оставался неизученным. Автор неизменно обращает внимание на то, насколько глубоки были связи сербской и русской культур в то время, проявлявшиеся не только в церковной жизни, но в просвещении и литературе. Автор показал, что, несмотря на традиционную констатацию слабых лексических связей современного языка с языком довуковской поры, в современном употреблении существуют десятки русизмов, которые сохранились в нем с XVIII в. Со второй половины 1980-х годов тематика истории языка отходит в творчестве Владимира Павловича на второй план, он сосредоточивается на работах по истории славистики XIX–XX вв., объединенных в книге «Славистика. Сербистика». Среди них большую группу составляют статьи о связях В. Караджича с русскими славистами.

Через всю жизнь В.П. Гудкова проходят занятия грамматикой. Любитель чтения, на протяжении всей своей жизни он наблюдал за грамматическим строем сербского и хорватского языков. Темой его дипломной работы, защищенной в 1956 г., было употребление замещающей инфинитив конструкции *да* + презенс. В 1958 г., в сборнике лингвистических статей МГИМО, где Владимир Павлович работал после окончания университета, вышла его первая большая статья на эту тему – о позиционной зависимости употребления *да*-конструкции и о мотивирующих ее применение следах исконной семантики слова *да*. В течение нескольких последующих лет он занимался формами будущего времени, их историей и современным функционированием и в результате в 1964 г. представил текст кандидатской диссертации о современных «футурах» с приложением двух опубликованных статей. При терминологической нетрадиционности в диссертации и статьях Владимира Павловича было сделано очень важное дело: впервые были систематично описаны средства выражения будущности в независимых предложениях и особо в – придаточных, а также употребление в составе будущего I *да*-конструкции, которое в грамматиках вообще не рассматривалось.

Концепцию будущего времени и в целом сербохорватской грамматики Владимир Павлович представил в книге «Сербохорватский язык», написанной по совету С.Б. Бернштейна для серии «Языки мира», которая в середине 1960-х годов начала создаваться на факультете под общей редакцией проф. Будагова и Чемоданова. Кроме описания фонетики и основ грамматики, впервые в книге этой серии появился раздел о лексике, также были подобраны тексты и составлен к ним словарь. Книга была издана в 1969 г. и стала учебным пособием.

Историю своих занятий грамматикой Владимир Павлович подробно изложил в предисловии к сборнику «Грамматические очерки». Помимо статей по словоизменению существительных, воспроизведенных в этом сборнике, сюда относятся заметки о согласовании форм сказуемого с подлежащим (1965, 1974), статьи о вариантных формах степеней сравнения (1988, 1981), о временных конструкциях с предлогом «о» (типа русской *о масленице жирной*), о местоименных энклитиках *je* и *ju* (1996), тезисы доклада о сербской орфографии (1994) и другие.

В.П. Гудков придавал огромное значение лексикографической критике и выступал с инициативой о ее развитии в комиссии по лексикографии при МКС. В области переводной лексикографии ему принадлежат две рецензии – на словенский словарь (1969) и на русско-сербский и сербско-русский словарь Шубина и Груича (в сербско-русской части которого В.П. Гудков разоблачил точное повторение словаря Толстого), которая вызвала в Сербии большой интерес и была напечатана в журнале «Наш језик», хотя обычно в нем рецензии не печатались. К этой же области относятся обзорно-оценочная статья о состоянии переводной лексикографии сербохорватского и русского языков (1974) и доклад о достоинствах словарного опыта Радована Кошутича (1995), предвосхитившего современные принципы толковой лексикографии Апресяна. В сербской толковой лексикографии Владимир Павлович откликнулся на два главных словаря – «Словарь Матицы сербской

и Матицы хорватской» и новый однотомный толковый словарь под редакцией Николича. В рецензии на словарь двух Матиц, помимо прочего, критически оценивалось затушевание лексических расхождений между двумя вариантами литературного языка, что сыграло свою историческую роль – на это мнение ссылался хорватский лингвист Д. Брозович, обосновывая факт ущемления хорватского варианта в языковой практике Югославии.

Вопросом территориальной неоднородности сербохорватского языка В.П. Гудков заинтересовался еще в студенческие годы. Практические занятия никакой информации об этом не давали, и он обратился к переводам русских авторов, выполненным сербами и хорватами порознь. Первым таким текстом оказалась «Как закалялась сталь». Сведения о сербско-хорватских различиях накопились и в ходе работы над диссертацией. Результаты этих наблюдений были изложены в статье «О национально-территориальных вариантах сербохорватского языка», опубликованной в 1965 г. в журнале «Советское славяноведение». Сейчас эта работа является классической для российской сербокroatистики, а тогда она была пионерской. В 1998–1999 г. для сборника «Славистика. Сербистика» Владимир Павлович написал статью «К изучению сербско-хорватских языковых дивергенций», в которой сопоставил тексты сербского лингвиста Ивича и хорватского лингвиста Брозовича. Сопоставительный аспект был характерен и для большинства грамматических изысканий Владимира Павловича – он обычно фиксировал расхождения в применении грамматических средств в текстах хорватского и сербского языков (в терминологии автора западно-екавского и восточно-екавского литературно-языковых регионов). В.П. Гудков много способствовал становлению российской кroatистики, под его руководством была написана диссертация о различиях между сербским и хорватским языком А.Р. Багдасарова, в последствии автора словарей, учебных пособий и большого числа работ по хорватскому языку. Сторонник сербохорватского языкового единства, в девяностые и двухтысячные годы большое внимание В.П. Гудков уделял проблеме названия языка боснийских мусульман и отражению новой языковой ситуации в странах бывшей Югославии в преподавании сербохорватского языка как инославянского.

Для отечественной славистики и сербокroatистики В.П. Гудков много и самоотверженно потрудился не только как исследователь, но и как педагог и руководитель кафедры славянской филологии. Более полувека он обучал студентов сербохорватскому языку и читал лекционные курсы описательной грамматики, истории и диалектологии, лексикографии и лексикологии сербохорватского языка, а также курс введения в славянскую филологию, работал с аспирантами. На протяжении двадцати лет он возглавлял кафедру славянской филологии, а более пятнадцати лет – Ассоциацию друзей Югославии.

© 2014 г. *Е.И. Якушкина*

ПАМЯТИ НИНЫ МИХАЙЛОВНЫ ПАШАЕВОЙ (1926–2013)

1 декабря 2013 г. не стало замечательного ученого и человека – ведущего библиотекаря отдела фондов по всеобщей истории Государственной публичной исторической библиотеки доктора исторических наук Нины Михайловны (Магометхановны) Пашаевой. Она ушла на 88 году жизни после тяжелой и продолжительной болезни. Ее имя, широко известное в московских гуманитарных кругах, тесно связано и с Институтом славяноведения, с которым покойная сотрудничала более половины столетия.

Н.М. Пашаева родилась 20 июля 1926 г. в Москве в семье служащих. Предки со стороны отца – дагестанцы-лакцы, со стороны матери – русские дворяне (прадедом Н.М. Пашаевой являлся известный астроном проф. А.К. Кононович). Поскольку, волею обстоятельств, ее воспитанием занималась только мать и родственники по материнской линии, Н.М. Пашаева выросла человеком исключительно русской культуры. Люди, общавшиеся с Ниной Михайловной, часто удивлялись, узнавая, что в ее документах стоит отчество «Магометхановна». Примечательно, что в разных изданиях, в которых публиковалась Н.М. Пашаева, нет единства в расшифровке ее инициалов.

В 1941 г. Пашаева окончила семилетнюю школу. В 1941–1944 гг., находясь в эвакуации в Ярославской области, экстерном завершила среднее образование. В 1945 г. поступила на исторический факультет МГУ, который окончила в 1950 г. Сразу же после этого ее направили по распределению в Государственную публичную историческую библиотеку, где Нина Михайловна проработала практически до самой кончины, пройдя трудовой путь от рядового до главного библиотекаря. Уже во время учебы в МГУ начал формироваться круг научных интересов будущего ученого. Более всего Н.М. Пашаеву привлекала славистика. На первых порах это была богемистика: Чехии XVII столетия были посвящены и диплом, и кандидатская диссертация, защищенная в Институте славяноведения АН СССР в 1959 г. Чешские сюжеты интересовали исследовательницу и в дальнейшем. Однако в течение большей части научной и творческой жизни Н.М. Пашаевой ее особенное внимание было сосредоточено на истории и культуре коренного восточнославянского населения Галиции.

В СССР галичане официально трактовались как украинцы. В массовом сознании послевоенных лет незадолго до этого присоединенные к УССР области также воспринимались как украинские. Утверждению этого стереотипа способствовали значительные успехи украинского национализма в Галиции в первой половине XX в. и, как следствие, длительное сопротивление местного украинского националистического подполья советской власти. При этом местная досоветская традиция, особенно XIX столетия, базировалась скорее на идее восточнославянского («русского») единства. Посильной разработке именно этой, далеко не совсем «удобной» в период застоя, проблематики и решила посвятить себя Н.М. Пашаева. Ее первые статьи, посвященные галицийским русинам, начали появляться еще в 1960-е годы. Профессиональной спецификой всех научных публикаций исследовательницы являлся их библиографический уклон, опора на хорошо знакомые Н.М. Пашаевой фонды ГПИБ. За десятилетия научных поисков Нина Михайловна проанализировала самые разные страницы национально-культурной истории Галиции, проливая свет на подзабытые русофильские страницы истории края. В частности, она подробно обращалась

к наследию местных просветителей Дениса Зубрицкого, Якова Головацкого, Ивана Наумовича и др. Изучала деятельность львовского Русского Собора, Галицко-русской матицы и других организаций. И, конечно же, детально анализировала, как воспринимались галицийские дела в отечественной, российской и советской, историографии и публицистике. Своеобразным венцом изучения этой многогранной темы стал выход монографии «Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв.» (М., 2001; Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2007). Несмотря на то что некоторые, особенно украинские, исследователи критически приняли эту работу, «Очерки» прочно вошли в список обязательной литературы по данному предмету.

В то же время неверным было бы отказывать Н.М. Пашаевой в широте славистических интересов. Кроме чехов и галицийских русинов она интересовалась и всеми другими славянскими народами, особенно их книжностью. Об этом наглядно свидетельствуют многочисленные статьи и каталоги книжных выставок, подготовленные исследовательницей. В 1994 г. Н.М. Пашаева защитила в Институте славяноведения и балканистики РАН докторскую диссертацию «Роль книги в славянском национальном возрождении (конец XVIII – вторая половина XIX в.)». Вкладом в славистику стал и выход подготовленной Ниной Михайловной библиографической трилогии, посвященной славянской книге: «Сербская книга эпохи национального возрождения (конец XVIII в. – 1878 г.) в фондах ГПИБ России» (М., 1996), «Чешская и словацкая книга эпохи национального возрождения (конец XVIII в. – 1878 г.) в фондах ГПИБ России» (М., 2010) и «Славянская книга эпохи национального возрождения (конец XVIII в. – 1878 г.) в фондах ГПИБ России: Болгария, Галичина, Закарпатье, Буковина, Лужицкие сербы, Словения, Хорватия» (М., 2012).

Являясь глубоко верующим православным человеком (с 1944 по 2013 г. была прихожанкой известного московского храма Илии Пророка Обыденного), Н.М. Пашаева разрабатывала и религиозноведческие темы. В 2003 г. отдельной брошюрой вышел ее очерк «Немного об унии в Галичине: Глазами светского историка». Также она выступила составителем библиографического указателя «Инославие в России» (М., 2007). Благодаря усилиям Нины Михайловны в «Историчке» прошел целый ряд книжных выставок, посвященных истории христианства в нашей стране и за рубежом.

Начиная с середины 1970-х годов Н.М. Пашаева также стала профессионально заниматься москововедением, что опять-таки теснейшим образом было переплетено с ее религиозностью. Нина Михайловна была, без преувеличения, влюблена в родной город и особенно его церкви, которым она посвятила множество публикаций. Так, например, ее перу принадлежат отдельные издания «Москва в зеркале столетий: Очерки сохранившихся памятников, 1147–1917» (М., 1997) и «Православные монастыри и храмы Москвы: библиографический указатель, 1988–2007» (М., 2008). Стараниями Н.М. Пашаевой при ГПИБ был даже создан кружок «Родная Москва. Родная библиотека», в работе которого принимали участие ее молодые сотрудники.

За долгие годы работы Н.М. Пашаева была награждена медалями «Ветеран труда», «За доблестный труд», «В память 850-летия Москвы», знаком «За отличную работу», неоднократно отмечалась грамотами Министерства культуры РСФСР и ГПИБ. В 1989 г. Н.М. Пашаевой было присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР».

Являясь человеком старой закалки, Н.М. Пашаева отличалась силой воли и работоспособностью. Вспоминаются ее самостоятельные поездки на Западную Украину и в Словакию, осуществленные в начале 2000-х годов. Уже тогда ее здоровье оставляло желать лучшего, но Нина Михайловна мужественно преодолевала все тяготы далеких путешествий. В последние годы, работая преимущественно на дому, каждую среду она приезжала в ГПИБ.

В течение всей своей научной жизни Н.М. Пашаева поддерживала теснейшие отношения с Институтом славяноведения. Здесь она защитила кандидатскую и докторскую диссертации, принимала участие во многих конференциях и других научных встречах. Под грифом Института вышли многие коллективные публикации, в которых она принимала участие. К центру отечественной славистики и его главному печатному органу, журналу

«Славяноведение», Нина Михайловна питала искренний пиетет, хотя сама никогда не работала в учреждениях РАН. Показательно, что она являлась подписчиком журнала начиная с его первого номера в 1965 г., в ее библиотеке находился полный комплект «Славяноведения». В последние годы жизни она очень переживала за эту часть своей библиотеки, стремясь найти достойного наследника в лице научного или культурного учреждения. Хочется верить, что это ей удалось, и редкие журналы не попали на свалку (как это, увы, часто бывает после смерти ученых), а были сохранены для следующих поколений славистов.

Однако не только профессиональные, но и душевные качества Н.М. Пашаевой притягивали к ней людей. Она жила одна, в небольшой квартире на Беломорской улице, двери которой всегда были открыты для гостей. Нина Михайловна охотно дарила тепло своей души всем окружающим ее в жизни людям. Всегда открытая, жизнерадостная, готовая прийти на помощь друзьям, коллегам и всем нуждающимся.

Еще многие знали Н.М. Пашаеву как тонкого ценителя русской поэзии и поэта-любителя. Нина Михайловна, зная наизусть большое количество стихотворений классиков, трезво оценивала степень собственного поэтического дара. Однако писать стихи было ее внутренней потребностью, средством самовыражения. В 2001 г. она на собственные средства выпустила сборник стихотворений «Пою для себя».

Настоящая оценка вклада покойной в славяноведение, как и другие дисциплины, еще впереди. Весьма желательно было бы составить и издать полную библиографию ее публикаций. Эта задача вполне по силам ГПИБ, в которой Н.М. Пашаева проработала свыше 60 лет.

Светлая память о Нине Михайловне Пашаевой останется у всех людей, которые соприкасались в своей жизни с этим глубоким и разносторонним человеком.

© 2014 г. *М.Ю. Дронов*

CONTENTS

ARTICLES

<i>Fedevich K.K.</i> (Moscow). Ukrainians and not only they (specific features of national self-consciousness of Ukrainians in Eastern Galicia in the 1920s and 1930s).....	3
<i>Volobuev V.V.</i> (Moscow). Philosopher face to face with power: How Leszek Kołakowski was excluded from the party	12
<i>Gorizontov L.E.</i> (Moscow). The USSR and Poland of the 1980s in the Parisian journal «Kultura»: Mikhail Geller's political chronicle	24
<i>Mikhalev O.Yu.</i> (Voronezh). The Polish Democratic Left Alliance in the early twenty-first century..	32
<i>Lykoshina L.S.</i> (Moscow). On the historical policy in the context of political struggle in the modern Poland	45
<i>Feduta A.I.</i> (Vilnius). Reader in the mind of a bilingual author (based on the eastern-Slavic literatures of the second third of the nineteenth century)	56

REPORTS

<i>Nikitin Yu.A.</i> (Kiev). Implementation of the resolution of 1870 on the territory of the Left-bank and Sloboda Ukraine.....	67
<i>Borzova E.S.</i> (Yaroslavl). «To disappear ... from the earth, or to stay Russia's vanguard?»: the history of education in Chelm province	75
<i>Slobodyan L.A.</i> (Kiev). The problem of famine of 1932–1933 in Ukraine in the Ukrainian and Russian historiographies of 1991–2013	82

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<i>Makarova G.V.</i> Some words concerning the publication of a new book about Faddey Bulgarin	91
<i>Nossov B.V.</i> Z. Zelinska. Polska w okowach «syszemu północnego» 1763–1766.....	93
<i>Matveev G.F.</i> Л.С. Лыкошина. Дональд Туск. Политический портрет.....	98

SCHOLARLY LIFE

<i>Kochegarov K.A., Nossov B.V.</i> International Round Table «Peter the Great and making of Russia's policy towards Rzeczpospolita in the eighteenth century».....	100
<i>Nossov B.V.</i> Russian-Polish scholarly conference «The Polish January Uprising of 1863 and historic destinies of Russia and Poland (to the 150th anniversary)».....	105
<i>Khavanova O.V.</i> International scholarly conference «Interactions and conflicts on confessionally and ethnically mixed territories of Central and Eastern Europe, 1517–1918».....	115
<i>Karev D.V.</i> Belorussia in the context of historical and cultural communications.....	118

JUBILEES

<i>Yakushkina E.I.</i> To the eightieth birthday of Vladimir Pavlovich Gudkov.....	122
--	-----

OBITUARIES

<i>Dronov M.Yu.</i> In memoriam of Nina Mikhailovna Pashaeva (1926–2013)	125
--	-----

Сдано в набор 20.06.2014 Подписано в печать 05.08.2014 Дата выхода в свет 20 нечетн.
Формат 70 × 100^{1/16} Цифровая печать Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 2,3 тыс. Уч.-изд.л. 12,0
Бум.л. 4,0 Тираж 218 экз. Зак. 462 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен АИЦ «Наука» РАН

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»», 121099, Москва, Шубинский пер., 6